ИДО НЕТАНИЯГУ
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЙОНИ

ИЗРАИЛЬ ВОЙНА И МИР

ИДО НЕТАНИЯГУ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЙОНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Писатель и врач Идо Нетаниягу посвятил эту книгу последним дням — и последнему бою — своего брата, легендарного Йонатана Нетаниягу, героя операции «Энтеббе» по освобождению израильских заложников, захваченных террористами. Автор много лет записывал воспоминания очевидцев, собирал документы и статьи, стремясь к максимальной точности и подробной реконструкции событий этой операции, которая длилась несколько минут и вошла в историю как одна из наиболее блистательных антитеррористических акций.

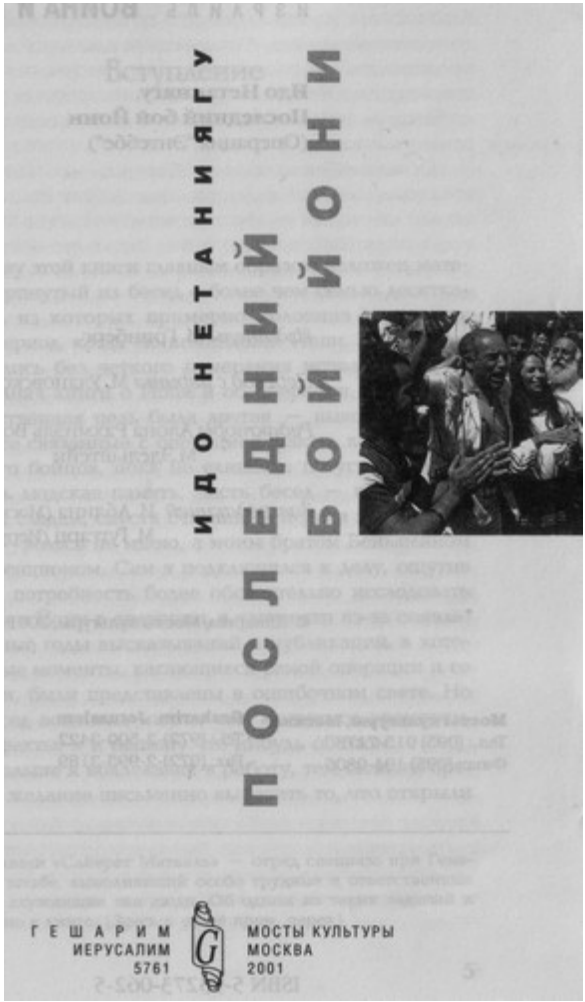
- Идо Нетаниягу
  -
  - Вступление
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Послесловие
  - Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

Идо Нетаниягу
Последний бой Йони
Операция «Энтеббе»



Вступление

В основу этой книги главным образом положен материал, почерпнутый из бесед с более чем семью десятками людей, из которых примерно половина служила в Части[1] в период, когда ею командовал Йони. Беседы эти сперва велись без четкого намерения использовать их для написания книги о Йони и об операции «Йонатан». Непосредственная цель была другая — выяснить и сохранить все связанные с операцией факты, касающиеся Йони и его бойцов, пока не слишком потускнела и не замутилась людская память. Часть бесед — в основном по свежим следам, спустя считанные недели после гибели Йони — велась не мною, а моим братом Беньямином и отцом Бенционом. Сам я подключился к делу, ощутив растущую потребность более обстоятельно исследовать роль Части и Йони в операции, в частности из-за появления в разные годы высказываний и публикаций, в которых важные моменты, касающиеся самой операции и ее подготовки, были представлены в ошибочном свете. Но в ходе бесед возникла мысль, что, может, со временем, выверив факты, я и напишу что-нибудь об этом.

Чем больше я вовлекался в работу, тем сильнее зрело во мне желание письменно выразить то, что открыли мне мои собеседники. Иной раз в длившейся часами беседе какая-нибудь одна фраза проливала новый, особенный свет на ход событий или на ощущения людей в тот роковой момент. Со временем для меня все больше прояснялись отдельные детали, и в их взаимосвязи глазам открылся истинный драматизм последних дней жизни Йони — это и побудило меня наконец воплотить свой замысел в книгу.

Особые обстоятельства облегчили мне задачу ее написания. Я ведь не только младший брат Йони (нас разделяли шесть лет — три года между Йони и Биби и три года между Биби и мной), я был также его бойцом. Большую часть моей армейской службы Йони так или иначе был моим командиром. В начале — чином выше моего непосредственного командира, позже — заместителем командира части. Поскольку Йони имел обыкновение лично наблюдать за различными учениями, которые он для нас устраивал, а время от времени и командовал ими, я часто видел его и «в действии», а не только на базе. Кроме того, хотя членам одной семьи не положено вместе участвовать в одной и той же операции (когда Йони, Биби и я одновременно служили в одной небольшой части, это порой вызывало даже некоторую напряженность), однажды я все же принял участие в

акции, которой командовал Йони, — похищении сирийских офицеров в Ливане. Мне приходилось наблюдать его в армейской реальности и позже, в тот год, когда Йони командовал частью, а я уже закончил срочную службу, но периодически являлся для прохождения резервистских сборов. То, что я был в одном лице и брат, и товарищ по оружию (в той самой Части, которая осуществила акцию в Энтеббе), дало мне возможность выработать свою особую точку зрения, с какой и написана эта книга. На случай, если кто-то усомнится в объективности мною написанного на основании того, что я человек, близкий Йони, смею утверждать: именно благодаря этому книга ближе к правде. Именно потому, что я был близок Йони — болел его болью, радовался его радости, знал его сомнения, — мне стали доступны истоки формирования его личности, мотивация его поступков. Ибо не только внешние факторы движут событиями, хотя они, без сомнения, чрезвычайно важны, тот, кто их излагает, должен быть абсолютно точным, а исказить их легко может любой — и близкий, и посторонний. Однако, кроме внешних, существуют и внутренние факторы. Они — мощный двигатель великих человеческих поступков, и по отношению к ним автор обязан быть не менее точным.

Кроме бесед — с некоторыми по два и больше раз, — я использовал также передачу «Галей ЦАХАЛ»[2] — она состоялась спустя месяц после гибели Йони — и все беседы, проведенные при подготовке этой передачи, различные книги и статьи, появившиеся в связи с операцией «Йонатан», а также другие источники — они приведены в книге в подстрочных примечаниях. К сожалению, не было в моем распоряжении одного из самых важных источников информации — а именно генерала Екутиэля Адама, да будет благословенна его память, проводившего на уровне Генштаба подготовку к операции и командовавшего ее воздушным КП: Адам был убит через шесть лет в Ливанской войне. И не было источника, в котором я больше всего нуждался: Йони. Как много осталось неясного, о чем хотелось бы его спросить! Что, например, он делал в четверг пополудни — эти часы как будто выпали из поля зрения всех, кого я расспрашивал. Что сказал своим солдатам в Шарме перед тем, как они поднялись в самолет, взявший курс на Африку? Что именно думал, говоря с вышестоящими в армии и в правительстве? И о чем еще беседовал со множеством людей, связанных с операцией, на дистанции в сорок часов, которыми располагал для ее подготовки?

Но я не могу задать ему этих вопросов и потому знаю, что если книга чем-то и грешит, то как раз снижением роли Йони в

операции. Разумеется, человек не знает или не помнит, что в данную минуту делает другой, каждый описывает происходящее так, как он его видит, ощущая себя в центре событий. Поэтому трудно было бы ожидать, что кто-то сможет рассказать о действиях Йони в полном объеме. Но с учетом такого ограничения (неизбежного в любом документальном рассказе, тем более о человеке умершем) я все же уверен, что совокупность воспоминаний окружающих позволит создать правдивую и всестороннюю, хотя и не полную картину того, что совершал Йони.

И я, как все, помню прошлое со своей собственной точки зрения, поэтому во вставных эпизодах, основанных главным образом на моих личных воспоминаниях, я частично описал, что помню и чувствую. Поэтому там отражены именно мои взаимоотношения с Йони, а не других членов нашей семьи или его товарищей.

Понятно, что мне пришлось отбирать свидетельства, решать, чему можно верить, а чему нет, что выдерживает испытание логикой, а что ей противоречит; у кого хорошая память, а кого она подводит (хотя порой тот, кто плохо запоминает события, может отдельный эпизод как раз изложить в подробностях); приходилось также определять, какое из воспоминаний основано на услышанном или прочтенном после операции, а какое — на первичном знании; у кого есть склонность к преувеличению или к пристрастности в описании событий, а кто уравновешен и точен; что именно из письменных документов — а они по большей части тоже являются свидетельством человеческой памяти и субъективных впечатлений — похоже на правду, а что нет; и что в них второстепенно, а что важно и т. п. Словом, необходимо было отмести все пустое, не заслуживающее доверия, и оставить настоящее, главное и интересное. Конечно, в такой книге ошибки неизбежны, но надеюсь, что их сравнительно немного и что они незначительны.

Книга «Последний бой Йони» не претендует стать полным и всесторонним рассказом об операции и ее проведении. В ней сделана попытка нарисовать широкую картину операции в связи с действиями ее главного отряда — а именно Части, а также в немалой степени еще одного подразделения, принимавшего важное участие в операции, — эскадрильи «геркулесов», доставивших бойцов в Уганду. В центре рассказа стоит личность Йони — командира отряда, захватившего «старый терминал» и освободившего заложников. В книге прослеживаются действия Йони в подготовительный период и во время самой операции. В

мои намерения не входило подробно останавливаться на действиях вспомогательных сил — парашютистов и Голани[3], нет в книге также полного описания подготовки на уровне, выходящем за пределы Части, — со стороны командования парашютно-десантными войсками, Генштаба и его Оперативного отдела, Мосада[4] и гражданских инстанций. Первые страницы 2-й главы дают лишь самое общее представление о ходе событий, предшествующих послеобеденным часам четверга, когда Йони занялся полномасштабной разработкой операции, когда операция, по сути, стала обретать реальные очертания. Чтобы дать полную картину того, что происходило перед этим и в последующие два дня на уровне высшего командования, нужна другая книга. Надеюсь, что когда-нибудь она будет написана, дополнив то, что уже опубликовано.

Однажды врач-еврей в Бостоне, узнав, что я брат Йони, сказал мне, что в его глазах история Энтеббе выглядит словно сошедшей со страниц Танаха: это событие почти сверхчеловеческое, оно выходит за пределы воображения. Подобным образом операция воспринимается многими в мире. Для столь выдающейся акции и люди нужны выдающиеся или, по крайней мере, такие, кто в решительный момент умеет превзойти самого себя и достичь высочайшего уровня. Без таких людей, пусть и немногочисленных, действие, подобное операции «Йонатан», было бы просто невозможно.

«В армии сосредоточены люди… которые мне по душе, — писал Йони нашим родителям вскоре после того, как вернулся к военной службе в Части в младшем офицерском звании, — инициативные и энергичные, способные в случае необходимости действовать вопреки стандарту, не привязанные к простым ходам, всегда ищущие иных путей и решений».

Так Йони расценивал деятельность служивших с ним людей. Через несколько лет после того, как были написаны эти строки, он повел их в бой в Энтеббе. Этот рассказ о них и об их командире.

Глава 1

Йони получил командование над Частью за год до Энтеббе. В тот день я приехал в Часть. Припарковал машину. Многих здесь я уже знаю. Прохожу мимо солдата в майке, он спокойно сидит себе у барака и чистит винтовку кисточкой для бритья, поднимая к солнцу каждую деталь и внимательно ее разглядывая. Тут и там уже заметны признаки подготовки к церемонии смены командиров и к вечеринке по этому случаю. Я иду в канцелярию, чтобы поздравить Йони, и по дороге, у самой кухни, замечаю знакомые лица: старший офицер из приглашенных на церемонию говорит с одним из младших командиров части, который скоро демобилизуется. Заметив меня, он сразу замолкает. Но поздно — я уже уловил обрывки фразы, осуждавшей Йони. Делаю вид, будто ничего не слышал, и иду дальше. Эти трения, как видно, никогда не кончатся, думаю я с болью.

Останавливаюсь на площадке с флагштоком перед канцелярией. Внутри — оживленное движение. Вижу Йони: наполовину скрытый в полумраке приемной, он стоит у стола секретарши. В маленькой комнатушке толпится с полдюжины людей — кто-то обращается к нему с неотложным делом (видно, что фактически он уже руководит Частью, еще до официальной церемонии), кто-то подошел поздравить, хлопает его по плечу — Йони отвечает широкой улыбкой. Три ступеньки ведут с площадки на балкон канцелярии. Поднявшись на две, останавливаюсь. Йони отдает какие-то распоряжения штабному офицеру. Он — весь внимание и, хотя находится всего в нескольких метрах, меня не замечает. Я поворачиваюсь и отхожу от канцелярии. Не могу же я поздравить его так, в числе прочих.

Прохаживаюсь по территории лагеря. Той палатки — их стояло несколько среди эвкалиптов, где я провел полсрока своей службы, теперь уже нет. На этом месте построили новое жилое здание для молодых солдат, от палатки остался лишь голый бетонный пол. Столовую расширили, отпала надобность питаться в две смены. Вокруг разгуливают солдаты в шортах и в клетчатых домашних туфлях на «молнии» — предметы одежды, заимствованные городскими у кибуцников. У некоторых из этих атлетически сложенных парней чувство превосходства от пребывания в таком месте (как это все знакомо!) выражается даже в особой осанке. Первые ласточки из числа резервистов появляются ближе к церемонии, и лагерь начинает заполняться.

Спустя какое-то время возвращаюсь к канцелярии. Теперь приемная пуста, и я захожу внутрь.

— Скажи, пожалуйста, Йони, что я здесь, — прошу я секретаршу.

— Он на заседании штаба, — отвечает она.

Опять отхожу и долго сижу на траве поблизости. Наваливается тоска. Хочу уйти оттуда, но остаюсь на месте. Время от времени кто-нибудь приветственно машет мне рукой, я отвечаю. Напротив, за окном канцелярии, скрытый занавеской, сидит во главе стола мой брат. Позади и справа от него, я знаю, стену украшают портреты солдат и офицеров части, а на другой стене большая карта Ближнего Востока. Офицеры, наверное, тесно набились в маленьком помещении вокруг стола заседаний. Йони, конечно, уже вынул из кармана рубашки маленький оранжевый блокнот, в котором он привык делать предварительные заметки, и, говоря, время от времени в него заглядывает. Формулировки его ясны, язык богат. Что он там говорит, я не слышу, но знаю, что все его слова — по делу, все высказывания хорошо взвешены. И может быть, прорываются также и фразы, идущие от сердца, иногда с оттенком сентиментальности. Но — ни намека на фамильярность.

Перевожу взгляд на флагшток. Вспоминаю, как мы, несколько солдат, сидели ждали как-то на этой базе дежурного офицера, который должен был приехать на церемонию спуска флага. Это было вечером, перед ночным караулом, офицер наконец прибыл — это был кибуцник, грустный малый с мягкой речью, душа у него явно не лежала ни к службе, ни к тому, чтобы командовать. Мы построились в ряд лицом к нему и к флагу. Стали по стойке «смирно». Офицер подошел к флагу, чтобы развязать веревку, но едва его пальцы коснулись флагштока, он повернулся к нам и спросил: «Скажите, а вообще-то — разве в праздник спускают флаг? Разве это не то же, что Шабат?» Мнения в строю разделились. Одни считали, что спускают, другие — что нет. Офицер отвел руку от веревки: «Оставим флаг в покое ввиду сомнения. Пусть будет как есть». Он сделал шаг назад стал по стойке «смирно» и отдал честь флагу. А мы, солдаты, покинули площадку, чтобы заступить в караул.

Я перевожу взгляд на канцелярские помещения и на офицеров, спускающихся с балкона на площадку. Заседание штаба окончено. Время подойти к Йони.

Вместо этого я встаю и иду к машине. Сажусь и выезжаю за ограду лагеря. Еду домой в Иерусалим, и в голове теснятся размышления о моем брате.

Пятью годами раньше я впервые увидел его армейским командиром. Мы кончили курс молодого бойца и парашютный

курс, и в промежуток времени, оставшийся до поступления в Часть, нас послали в долину Иордана в Джифтлик для участия в операциях оперативно-разведывательного отряда «Харув». Первый день там ушел на установку палаток в отдаленном углу лагеря. Мы оглянуться не успели, как находящиеся с нами мошавники уже «благоустроили» нашу палатку — откуда-то притащили кресло с вылезающими пружинами, которые прикрыли одеялом, запаслись бензином для чистки оружия и надувными матрацами вместо соломенных. Командует нами Эяль, он в скором времени оставит часть — решил пойти на офицерские курсы. Если мы не лежим ночью в засаде и не заняты на заре оперативной проверкой трассы, Эяль придумывает нам другие задания: к примеру, выстраиваемся по его команде парами, по росту, и тащим по очереди один другого по дорогам долины; так бежим десять километров (я — с большим трудом), а затем, измученные, возвращаемся к освещенной ограде лагеря. Снимаем пропотевшую портупею, расслабляем мышцы — в этот момент сам не знаешь, что труднее — пробежки с товарищем на спине в качестве груза или «отдых» в промежутках, когда каждое движение тела отзывается болью в животе, когда пресекается дыхание.

Через несколько дней после нашего прибытия в долину Иордана Иче, мой сосед по палатке на всем протяжении курса молодого бойца, спрашивает меня с любопытством: «Скажи, какой он, Йони?» — «В каком смысле?» — «Эяль сказал, что Йони — идеальный командир, что он не знает никого лучше». Я в ответ улыбаюсь.

Однажды утром, когда я проснулся, ко мне подошел Эяль и сообщил, что умерла моя бабушка. «Йони просил, чтобы ты приехал к нему в часть, оттуда вместе поедете на похороны».

Автостопом еду в лагерь в Шомроне, где два месяца назад я прошел курс молодого бойца. В первый раз природа открылась передо мной в окне машины, обычно я мельком видел ее из частично заслоненного брезентом кузова грузовика, когда мы, солдаты, возвращались с субботнего отпуска. Каждый поворот в горах тогда обострял в нас чувство тоски, поскольку приближал конец поездки, а значит, и встречу с наводящим страх своей дрессировкой ротным старшиной. Но сейчас, когда грудь украшают «крылышки» парашютиста, а в руках малиновый французский берет, не страх возникает у меня при взгляде на эту дорогу, а чувство свободы.

Выхожу из доставившего меня «кармеля» и встречаю у ворот Киршенбойма, своего соученика по иерусалимской гимназии. «Как дела? — спрашиваю, пожимая ему руку. — Почему вдруг

тебя приставили часовым к воротам?»

— Не говори. Сплошные неприятности. Схлопотал трещину в ноге и не могу участвовать в учениях[5].

— В какой ты роте?

— В «Харуве», у твоего брата. Неприятно мне из-за перелома. Действительно, неприятно.

— Почему?

— Слушай, отказать такому командиру — как можно?

Оставив его, взбираюсь по склону к помещению командира роты (Йони временно перешел из Части в особый отряд «Харув», поскольку командир Части решил ускорить его продвижение по службе) и встречаю Йони на выходе. Широкая улыбка расплывается по его лицу. Пожимаем друг другу руки.

— Сейчас же двинемся. Только зайду в санчасть на осмотр больных. Присоединяйся.

Не знаю, зачем ему надо в санчасть. На вид он совершенно здоров. У входа ждет с десяток солдат. Мы проходим мимо них в приемную. Врач уже прижимает первого больного, новобранца, у которого ступни ног все в трещинах, как земля в засуху.

Йони секунду осматривает его ноги, явно не впервые.

— Что скажешь, доктор? — спрашивает он.

— От него зависит. — Врач смотрит на солдата. — Я же не знаю, сможет ли он выдерживать такое. Пока нет никакого улучшения, возможно, даже стало немного хуже. У него уже много лет сухость кожи, но на медкомиссии во время призыва он этого не сказал.

— Ты думаешь, что выдержишь? — спрашивает Йони новобранца.

Тот в ответ лишь пожимает плечами.

Я смотрю на ступни его ног и не могу понять, как он вообще может ступать ими.

— Пожалуй, стоит послать его к кожнику, — советует Йони.

Больные заходят один за другим, а Йони следит, чтобы им было оказано подобающее внимание. Я же, стоя рядом, думаю о своем командире роты в бытность мою новобранцем в том же лагере. Не помню, чтобы он говорил с нами, разве что бросит два слова перед заданием. И уж точно ни разу не обратился ко мне лично. Впрочем, нет, не так. Это было в последний день курса молодого бойца, при сдаче снаряжения. Одна из двух моих мисок помялась за неделю до того в траншее, ее задел развернувшийся танк. Услышав приближающийся шорох гусениц, я поспешил оттуда убраться, не слишком заботясь о посуде. Когда танк отъехал, я обнаружил кусок вмятого в землю железа с остатками картошки.

— Это все, что ты смог найти вместо утерянной второй миски? — спросил завскладом с насмешкой. — Распишись, штраф.

Я было заспорил, но из глубины помещения, служившего также и конторой, раздался голос командира роты: «Кончай там спорить, Идо, и распишись».

Я расписался.

Мы садимся в джип Йони и спускаемся по склону к воротам. Напротив высится островерхая гора, господствующая над лагерем. Я вспоминаю о ночном походе туда с носилками: мы поднялись в быстром темпе, минуту отдохнули на вершине и спустились вниз вполне заурядное дело после полуторамесячных курсов молодого бойца. После смерти Йони я узнал, что и он устраивал своей роте поход на вершину. Это было в первый их день в лагере. Он шел быстро, не останавливаясь, а офицеры роты и солдаты — за ним. Там, на вершине, у могилы шейха, против долины и арабской деревни у подножья горы, он обратился к своим подчиненным. Йони говорил несколько минут. Но не о том, что предстояло им во время службы, а о том, что значит, по его мнению, быть у нас в стране солдатом, защитником народа.

Мы отдаляемся от лагеря — Йони ведет джип, я сижу рядом — по дороге, спускающейся к Иерусалиму сверху, от Бет-Эля. На похоронах собралась наша семья — родители, дяди, двоюродные братья. Мы с Йони в военной форме. Биби не смог приехать — он занят в операциях Части. Дяди минуту толпятся возле Йони, расспрашивают его о здоровье с любовью и почтением.

Мы стоим под дубом у открытой могилы на Масличной горе, откуда открывается вид на Иерусалим и Храмовую гору, рядом со старой — ей несколько десятков лет — могилой моего деда, и отец произносит прощальное слово. Я замечаю затаенный гнев, мелькнувший на мгновенье в устремленных на него взглядах его братьев, когда он говорит о том, что сыновья моих деда и бабушки, убежденных сионистов, в большинстве покинули страну, а сейчас вот собрались все в Эрец Исраэль — на похороны.

Кончили говорить, служащие похоронного общества сгребают в могилу землю. Йони берет лопату у одного из них и начинает засыпать яму. Звук падающих вниз комьев стоит у меня в ушах, и в воображении возникает облик бабушки, какой я ее видел в последний раз. Я отпросился с курса парашютных прыжков вечером на несколько часов, чтобы навестить ее в больнице. Приехал на попутных машинах в незнакомый мне Тель-Авив, и, пока нашел больницу, наступила ночь. Я попросил у дежурной сестры показать мне, где находится госпожа Сара Миликовски.

Сестра провела меня темным коридором в небольшую палату и зажгла маленькую лампу у больничной кровати с поднятыми перилами. «Бабушка, бабушка», — окликнул я ее. Она проснулась, но меня не узнала. «Я Идо, бабушка, Идо». Я смотрел на нее: маленькая, сморщенная, посреди белых простыней, не может встать, плохо соображает. «Идоле», — откликнулась она слабым голосом и снова погрузилась в дремоту. Глубокая печаль охватила меня. Я осмотрелся во мраке комнаты — голые стены, стерильная атмосфера; сестра поспешила удалиться из опасения, что я о чем-то попрошу ее; мой взгляд вернулся под сноп света, к бабушке, закрывшей глаза в ожидании смерти, чтобы пришла и избавила ее от постельной тоски. Я посидел с ней минуты две, не больше, и ушел.

Все это снова возникло перед моими глазами у ее могилы, я смотрю на Йони, поглощенного своей работой. Берет в кармане, лоб покрылся потом, рот сжат с характерным выражением упорства, в глазах печальная дума. Он бы с ней посидел, сказал я себе, наклонился бы, чтобы поцеловать ее в лоб, взял бы за руку, поговорил бы с ней, пусть бы она даже ничего не понимала. Я беру другую лопату и помогаю ему зарыть могилу. То же делают и двоюродные братья, а люди из похоронного общества остались без дела — стоят в стороне.

Когда я размышлял о Йони спустя пять лет, в машине по дороге в Иерусалим, удаляясь от Части и от церемонии смены караула, я объяснял свой поступок тем, что меня одолела тоска: как это так, мне, его брату, пришлось бы продираться сквозь стену из офицеров и секретарш, чтобы поздравить его наедине! Но теперь, когда я пишу эти строки, я знаю, что не это было причиной моего побега. Причина была связана с молодым офицером, которого я увидел тогда у кухни, он стоял и слушал с веселой улыбкой подстрекательские слова против своего командира, и по глазам было видно, что они его забавляют.

Глава 2

Высушенные просторы Синайской пустыни сменились зелеными плантациями, засаженными пространствами сектора Газы и поселениями района Лахиш, наконец показалась белая полоса волн, разбивающихся у берега, и жилые массивы прибрежных городов, над которыми с востока возвышались голые холмы. Такой вид открылся Йони в четверг 1 июля 1976 г., когда он в поддень летел в центр страны на самолете, специально посланном утром в Синай по распоряжению командующего Оперативным отделом, чтобы ускорить прибытие Йони. Рядом с ним сидел Ави, офицер разведки Части, все последние дни и ночи находившийся рядом с Йони. Весь тот год они проводили вместе долгие часы, когда одни рабочие сутки переходили в другие. Часто им случалось и в субботу, за чашкой кофе, склоняться над картами и аэрофотосъемками, разложенными в квартире Йони, подробно разрабатывая планы, продлевая и без того перегруженные будние дни. Их ежедневное общение было связано с армейскими делами, но со временем, кроме общей сферы интересов, возникли также высокая взаимная оценка и личная симпатия.

Сейчас, в самолете, Йони обменялся с Ави несколькими словами и, глядя вниз на землю, отдался свободному течению мысли. Возможно, пытался немного вздремнуть, зная, что не найдет для этого времени, когда вернется в Часть. Позади была рабочая неделя без сна, полная событий. Впереди, похоже, новое задание. Хотя шансы на его выполнение близки к нулю, одна мысль о нем разжигала воображение. И оно подсказывало, что, если снимут узду, позволят дерзнуть, совершится дело, о котором и в последующих поколениях будет помнить народ.

События, связанные с захватом заложников, сопровождали Йони все последние дни, но до четверга оставались на обочине его дел, поскольку он был занят выполнением важных, до сих пор засекреченных заданий. Когда в воскресенье 27 июня группа палестинских террористов захватила самолет, в Части было объявлено обычное для таких случаев состояние боевой готовности. Было известно немногое — только то, что террористы захватили в небе Европы самолет «Эр Франс» и что около трети пассажиров — израильтяне. Самолет следовал рейсом Лод — Париж и был захвачен ближе к середине дня, после остановки в Афинах. Йони, находившийся во время захвата далеко от Части, был проинформирован оперативной службой Генштаба. В соответствии с полученной информацией он, в свою очередь,

проинструктировал по телефону майора Муки Бецера, дежурного командира Части и потому ответственного за состояние боевой готовности, — кое-что обсудил с ним и убедился, что офицеры и различные военные силы и средства прибудут куда потребуется.

— Послушай, — сказал Йони под конец одной из бесед с ним, — подготовь, пока не поздно, все что сможешь.

Через несколько часов после захвата самолета Муки с Отрядом вызвали в Лод. После того как самолет приземлился в Бенгази, Ливия, и уже вылетел оттуда, в страна готовились к возможному его появлению в Израиле. Но самолет проследовал не на восток, а повернул на юг, в глубь Африки, и бойцов Части вернули на базу. Йони снова позвонил Муки, чтобы выяснить обстановку, и получил от него краткий отчет.

— Как это выглядит сейчас? — спросил Йони.

— Пока находимся в состоянии боевой готовности и ждем террористов. Нас снова вызывают в Лод.

Йони распорядился послать в Лод бойцов с Ифтахом, заместителем командира Части, и сообщил, что тоже прибудет в Лод и встретит их.

Йони пробыл там несколько часов, после чего заехал в Часть и посовещался там с Муки, Ифтахом и другими офицерами. Он кое-что изменил в плане и в составе отряда для прорыва в самолет. По окончании встречи Йони вернулся к другим своим боевым занятиям. В Части же продолжалась обычная деятельность, но при этом сохранялось состояние боевой готовности, поскольку нельзя было предугадать, останется ли самолет в Уганде, где он тем временем приземлился, или отправится куда-нибудь еще.

На этом этапе, к понедельнику 28 июня, еще не были известны требования террористов, принадлежавших к группе Вади Хадада. Было ясно одно, свои условия они выдвинут в ближайшее время, от их выполнения будет зависеть сохранение жизни двухсот сорока одного заложника. Сами заложники с момента приземления в Энтеббе находились около полусуток в самолете компании «Эр Франс», а после полудня понедельника были переведены в главный зал ожидания старого здания терминала. В прошлом это здание обслуживало всех прилетавших в Уганду и улетавших из нее, включая израильтян, которые служили в Уганде в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. С тех пор как в 1973 г. израильтян изгнали из Уганды, летное поле увеличилось, прибавилась новая длинная взлетная полоса, а в западной части поля на невысоком холме, километрах в двух от старого терминала, были построены новый терминал и контрольная башня. Старый же терминал оставался

заброшенным, и террористы решили использовать пустое здание, загнав туда заложников.

К четверым захватившим самолет — немцу, он руководил захватом, немке и двум молодым арабам — присоединились в Уганде еще трое, а может, и больше арабских террористов. Один из них стал командиром всей группы. В отличие от напряженной атмосферы, господствовавшей в самолете, когда его захватили четверо угонщиков, теперешняя группа держалась спокойно. Трудная и опасная часть мероприятия — сам захват — прошла успешно, и здесь, в Уганде, они себя чувствовали почти в безопасности. «Террористы держались уверенно, — рассказывает одна из захваченных, Сара Давидзон, — они были довольны, ведь мы находились у них в руках, как мышь у кошки в лапах». Что бы ни предстояло — капитуляция ли израильтян или ликвидация заложников, — никаких особых помех при выполнении оставшейся работы они не ожидали.

В тот день деятельность армии по изысканию военных путей освобождения заложников была близка к нулю. Подполковник Йошуа (Шики) Шани, командир эскадрильи «геркулесов» — «носорогов», как называют в Армии обороны Израиля самолеты этого типа, созвал по собственной инициативе совещание своего штаба по поводу захвата самолета. Он считал, что, если решат что-то предпринять, его эскадрилья примет в этом участие, поскольку «геркулес» — единственный военный самолет, способный долететь до Энтеббе. Совещание в штабе эскадрильи было коротким. Шани и его офицеры говорили в основном о расстоянии до Уганды и о возможных направлениях полета. Учитывая, что от Израиля до Уганды 3500 км, было ясно, что только самозаправляющийся самолет с большим резервным баком горючего способен проделать путь туда и обратно без дозаправки в пути. Обычный самолет «геркулес» хотя и может долететь до Уганды, однако на обратный путь у него останется горючего не более чем на полтора часа.

На другой день, во вторник 29 июня, глава правительства Ицхак Рабин собрал вечером совещание специальной группы министров. Требования террористов уже были широко известны: освободить сорок заключенных в Израиле террористов, в том числе японца Козо Окомото, совершившего в 1972 г. побоище в аэропорту Лод, а также некоторых других террористов, содержащихся в тюрьмах мировых столиц, в основном в Европе. (Официальные требования были получены в Израиле утром в среду и включали освобождение в общей сложности пятидесяти трех террористов, находящихся в Израиле, Западной Германии, Кении, Франции и Швейцарии, среди них — несколько человек из

немецкой группы Баадер — Майнхоф.) Четверг 1 июля, четырнадцать ноль-ноль террористы назначили последним сроком ультиматума. В случае отказа освободить перечисленных заключенных террористы, по своему обыкновению, угрожали казнить заложников. На этот раз, казалось, не было другого выхода, как подчиниться требованиям террористов — захваченные находились во враждебной стране, на расстоянии тысяч километров от границ Израиля, во власти арабских и немецких убийц, отданные на милость безумного африканского тирана.

Рабин, однако, пригласил на совещание начальника Генштаба, генерал-майора Моту Гура, чтобы выяснить, нет ли какой-нибудь, хотя бы малейшей, возможности военного решения проблемы. Гур получил приглашение за несколько минут до вылета на военные учения в Синай. Цель приглашения была Гуру ясна, и по пути на совещание специальной группы министров он приказал начальнику своей канцелярии Хаги Регеву позвонить в Кирию[6]. Остановив машину по пути в Иерусалим, Хаги из будки телефона-автомата поговорил с главой Оперативной службы генерал-майором Екутиэлем (Кути) Адамом и от имени Гура распорядился выяснить возможность военной операции. На заседании правительства начальник Генштаба в ответ на вопрос главы правительства ответил, что хотя возможность освобождения заложников военным путем не рассматривалась, но в принципе такая акция реальна. Гур даже высказал несколько вариантов ее выполнения.

На совещании никакого решения министрами принято не было. Правительство Израиля на этой стадии видело во Франции в полной мере союзника в решении проблемы, поскольку самолет был французский и пассажиры в большинстве своем были не израильтяне. К тому же коль скоро террористы предъявили свои требования нескольким государствам, а не только Израилю — к любому решению, в случае переговоров, должны быть привлечены другие страны.

В девять часов вечера начальник Генштаба созвал совещание ввиду предстоящего обсуждения у министра обороны. Прошло около полутора суток после приземления в Энтеббе захваченного самолета. На совещании, в частности, присутствовали: глава Оперативного отдела генерал-майор Екутиэль Адам и командующий авиацией Бени Пелед. Перед этими встречами Пелед просил своих людей сообщить основные данные, касающиеся возможности авиации совершить полет в Энтеббе. «Мы располагаем четырьмя экипажами, полностью пригодными для такого задания», — ответил капитан Идо, командир одного из

отделений авиационных войск. «В принципе, — добавил он, — можно высадить больше „геркулесов“ и „боингов“». Чтобы расспросить также командира эскадрильи «геркулесов» Шики Шани, Пелед нашел его по телефону в Хайфе, на свадьбе, куда Шики был приглашен с женой. Пелед и Шани обсудили некоторые профессиональные вопросы, в основном касающиеся пути в Энтеббе и радиуса действия самолета с тем или иным грузом.

С этой первоначальной информацией, полученной от своих людей, командующий авиацией пришел на встречу с начальником Генштаба и министром обороны и высказал на заседании категорическое мнение: ни в коем случае не капитулировать перед террористами.

— Что ты предлагаешь? — спросили его.

— Можно высадить войска, свыше тысячи человек в аэропорту, где содержатся заложники, и захватить его, — сказал Пелед, подразумевая обширную операцию, рассчитанную на несколько дней. — Не думаю, что воздушная оборона Уганды представляет проблему для нашей авиации. Проблема может возникнуть разве что в том случае, если посадочная полоса на летном поле в Энтеббе будет по какой-то причине перегорожена: например, пьяный шофер оставит посреди нее свой грузовик. — Пелед добавил, что для наших целей достаточно операции более ограниченного масштаба с использованием четырех самолетов «геркулес» (по числу «работающих» экипажей, находящихся в распоряжении авиации)[7].

Идея только зародилась. Еще предстояло решить: что делаем с заложниками после их освобождения? как возвращаем всех бойцов домой? Но, как позже стало ясно, важен был сам факт, что авиация заявила: добраться до Уганды возможно и «мягкая» посадка в аэропорту Энтеббе, без прикрытия военных самолетов реальна. Отношение начальника Генштаба Моты Гура к операции такого рода было на этой стадии весьма скептическим. Генерал-майор Екутиэль Адам не отверг идею с порога, а сказал, что надо ее изучить. Кроме высадки самолетов в аэропорту, на заседании у министра обороны обсуждались и другие варианты[8].

В тот же день, еще до заседания у Переса, Адам поручил полковнику Эхуду Бараку, за несколько лет до того командовавшему Частью (Йони был тогда его заместителем), проверить варианты военной операции. Выбрать Эхуда для этой роли было естественно — он обладал большим опытом в планировании и выполнении особых заданий. В бытность командиром части Эхуд много сделал для развития ее боеспособности и сам командовал рядом особых заданий, в

частности освобождением заложников самолета «Сабена» и ликвидацией глав террористов в Бейруте.

В Оперативном отделе военной разведки, в комнате, которая служила для таких случаев Эхуду, собрались несколько человек — в том числе Муки и Ифтах, которых Йони послал представлять на этом собрании Часть. То, что Часть была представлена, вполне естественно — никто не сомневался, что главное действие в операции такого рода будет выполняться ею. Присутствовал как минимум еще один представитель Части, а также представители флота, авиации и разведки. Среди ночи явился также подполковник Хаим из штаба командования пехотно-десантными войсками, во главе которого стоял бригадный генерал Дан Шомрон. С ним пришел и подполковник Амнон Б., офицер разведки пехотно-десантных войск. Раньше Амнон много лет служил офицером разведки Части и потому был в курсе всех боевых требований, в особенности информационных, которые ставит особая операция.

У собравшихся не было почти никаких сведений об Энтеббе. Майор авиации Идо, сыгравший важную роль в подготовке воздушной части операции и во взаимодействии между авиацией и наземными войсками, принес с собой на обсуждение путеводитель Джепизен для пассажирских самолетов с подробным описанием всех гражданских аэродромов мира. В путеводителе содержалось хотя и очень ограниченная, но крайне важная информация о летном поле в Энтеббе, со схемой, указывающей местоположение (и длину) взлетно-посадочных полос и старого здания терминала[9]. Аэродром расположен на берегу огромного озера Виктория, главного истока реки Нил. К западу от Виктории — южные районы Уганды, к востоку — соседняя Кения.

Эхуд Барак был твердо убежден, что следует обдумать любую возможность военной операции. На обсуждении под его руководством предлагались разные варианты такой операции в зависимости от рода войск. Так, представитель флота предложил добраться до Энтеббе на лодках через озеро Виктория; представитель командования пехотно-десантными войсками подполковник Хаим предложил высадить десант в аэропорту; а Муки, представитель Части, брал на себя разработку варианта высадки обманным путем в аэропорту Энтеббе пассажирского самолета со спасательными войсками. Все эти предложения, естественно, носили самый общий характер, поскольку о предмете обсуждения почти ничего не было известно. На этой стадии не было никакой уверенности в том, что заложники находятся в старом здании терминала, да и само здание

представлялось пока что лишь маленьким прямоугольником на чертеже в путеводителе. Шла речь и о боевой акции с участием самолетов «геркулес», но этой идее большого внимания не уделили, исходя из предпосылки, что Иди Амин и его армия с террористами не сотрудничают, случайно попали в положение «хозяев» и были бы рады от них избавиться. Если так, то потребуется минимум бойцов, чтобы уничтожить террористов, охраняющих заложников, и все. После чего — так полагали или надеялись — Иди Амин позволит заложникам и их освободителям беспрепятственно покинуть его страну.

Под конец этого совещания, продолжавшегося до среды, выбрали вариант морского десанта с участием флота, Части и авиации. В тот момент начальник Генштаба тоже предпочитал такой ход действий, а командующий авиацией Пелед отнесся к нему с сомнением. Морской вариант предполагал спуск на озеро Виктория резиновых лодок и солдат на парашютах. Гребцы и солдаты Части подплывут на лодках к аэродрому, нападут на террористов и уничтожат их. В среду Муки несколько раз был в Части и в одно из своих посещений велел находившемуся там командиру отряда подготовить пятерых пловцов. «Выходим ночью, — сказал он не очень всерьез, — приготовьтесь к броску, включающему в себя полет, десант и заплыв вольным стилем среди крокодилов». Офицер забегал, чтобы подготовить подходящее снаряжение, и предупредил людей, но через несколько часов пришла команда «отставить».

В среду Рабин отверг с порога предложенные ему варианты. «Это будет Свиная бухта Израиля», — сказал он[10], имея в виду известную неудачную операцию, в которой американцы высадили на Кубу отряд противников Кастро, который тут же был перебит[11].

Йони, находясь в среду в Синае в связи с другой операцией Части, был в курсе всех переговоров о возможной акции. В тот же день он несколько раз говорил по телефону с Эхудом и с Оперативным отделом военной разведки — хотел увериться, что операция, если она состоится, будет возложена на Часть. Возможно, он опасался, что из-за его отсутствия в Кирие задание могут поручить другому подразделению. Он часто говорил и с Муки — чтобы быть в курсе и чтобы понять, насколько всерьез относятся в Кирие к возможности военной акции. Муки выражал большое сомнение в этом, полагая, что все ограничится разговорами, поскольку армия практически совсем не готова к военной операции.

— Послушай, шансов на это очень мало, — сообщил ему Муки по телефону.

— Может, мне стоит приехать? — спросил на всякий случай Йони, хотя для него в тот момент это было почти исключено.

— Не думаю. Поверь мне — то, что ты делаешь, гораздо важнее. Тут есть представители Части, и кроме того, что мы сидим тут и планируем, ничего не происходит. Да я держу тебя в курсе.

Ответ, конечно, в какой-то мере успокоил Йони, но все же он себя чувствовал связанным, не имея возможности добраться до Кирии и лично влиять на принятие военного решения.

В течение среды, 30 июня, полковник Шай, помощник главы группы действия Оперативного отдела военной разведки, освободившись после больших, только что закончившихся учений, просил Екутиэля Адама передать ответственность за действия в Энтеббе от Эхуда ему. Было это меньше чем через день после того, как Эхуд занялся рассмотрением разных идей на эту тему. Согласно принятому порядку, планирование по такого рода вопросам должно было быть сосредоточено у Шая или его командира. После обеда Шай собрал у себя в штабе совещание, на котором ему передали соображения, рассмотренные на предыдущем форуме. Он приказал каждому отряду продолжать действовать в соответствии со своим планом, а группе командования пехотно-десантными войсками подготовить операцию большего масштаба по полному овладению аэродромом Энтеббе с помощью десанта на летное поле[12]. На этой стадии Шай сосредоточился в основном на возможности ограниченной операции — высадка с парашютом и морское проникновение, хотя и перспектива более обширной акции, предполагающей посадку «геркулесов» на взлетное поле, осталась в силе.

С точки зрения авиации вариант прямой посадки в Энтеббе казался более реальным. Зная, как работают аэродромы, летчики считали, что в Энтеббе не заметят их посадки ночью без огней на летное поле, а если кто и заметит, то не сразу разберется, что это за самолет и что означает его посадка. Естественно было предположить, что, пока у местных возникнут подозрения, можно успеть освободить заложников. В среду после обеда министр обороны вызвал генерал-майоров Екутиэля Адама и Бени Пеледа и спросил, верят ли они в возможность высадки «геркулесов» на летное поле в Энтеббе. Оба ответили, что верят в такую возможность[13]. В кабинете Переса состоялось краткое совещание в присутствии других офицеров из Генштаба о численности вооруженных сил, необходимых для захвата аэродрома[14].

В тот день, в среду, командующий парашютно-десантными войсками, бригадный генерал Дан Шомрон, был занят в Офицерской школе, он проводил беседу с только что

закончившими курс офицерами с целью распределить их в системе парашютно-десантных войск. Было ясно, что при любом типе операции, какую бы ни решили предпочесть, отвечать за нее будет он, так как именно на командующем парашютно-десантными войсками лежало руководство специальными военными акциями. К вечеру Дан Шомрон встретился в Офицерской школе с Хаимом и Амноном (как его представители они принимали участие в заседаниях в Кирие), чтобы обсудить с ними разные варианты действий, включая план обширного военного вторжения с помощью высадки «геркулесов». На этом этапе Шомрон считал ограниченную операцию менее предпочтительной. Становилось все более ясно, что Иди Амин сотрудничает с террористами, поэтому Шомрон предполагал, что во время операции придется нейтрализовать любые его и его армии действия и вернуть войска и заложников в Израиль своими средствами. Ход мысли Шомрона, как и первоначальное предложение Бени Пеледа, направлен был на то, чтобы захватить весь аэродром и держаться в случае военного нападения. В таком случае туда следовало бы отправить значительное количество солдат и военной техники, посадив «геркулесы» на аэродром.

«Сидели мы два часа… и вырабатывали концепцию, идею операции. Я даже не назвал бы это оперативным планом», — говорит подполковник Амнон Б. Согласно этой оперативной концепции, тогда, видимо, не до конца еще оформленной, отряд освободителей — группа бойцов Части — должен был приземлиться первым, каким-то образом продвинуться к зданию старого терминала и освободить заложников. Лишь после этого, чтобы заранее себя не обнаружить и тем самым не помешать освобождению, приземлятся другие самолеты, которые доставят подкрепление. Второй отряд овладеет зданием нового терминала и новой контрольной башней — там, правда, вряд ли есть угандийские вооруженные силы, но здание и башня господствуют над главной (перпендикулярной) взлетной полосой и над площадкой самолетной стоянки. На эту, удаленную от старого терминала, полосу, и сядут наши самолеты; а на стоянке по соседству, против нового терминала, они будут дожидаться конца операции. Третий отряд будет резервным, он расположится на диагональной полосе, между новым и старым терминалами. Говорилось и об использовании какого-нибудь транспорта для подвоза солдат, и о легких броневиках для подстраховки. Кроме того, Шомрон хотел знать, сколько человек помещается в заправочный самолет. Если туда можно будет втиснуть заложников, то хотя бы для них решится проблема возврата в Израиль. Не исключено, что на том же заседании представители

авиации высказали предположение О возможности дозаправки «геркулесов» запасами горючего, имеющегося на аэродроме Энтеббе.

Стоит, кстати, отметить, что не существует единого мнения об источнике этой оперативной идеи и ее оформлении. «Есть по этому поводу „Рашумон“[15], — сказал Мота Гур, опрашивавший причастных к этому делу людей, — и я не уверен, что кто-нибудь когда-нибудь выяснит полную правду… Я ни в коем случае не могу прийти по этому вопросу к определенному выводу… У каждой стороны — и тут Гур называет по меньшей мере пять источников — есть своя версия, но в конце концов мне это не очень интересно». (Трудность в выяснении этого вопроса усугубляется гибелью в Ливанской войне генерала Екутиэля Адама, который руководил от армии операцией «Йонатан» и был ее главным командиром при посредстве воздушного КП. Биби наметил встречу с генералом, чтобы проинтервьюировать его, на май 1982 г., но вынужден был отложить. А через несколько дней после этого началась война, в которой Адам погиб.) Что очевидно, так это то, что в течение трех дней — с понедельника по четверг — выдвигались разные варианты, и среди них, возможно, первым был вариант высадки вооруженных сил в Энтеббе с помощью «геркулесов». И еще ясно, что вариант этот укрепился в результате его обсуждения в Офицерской школе под руководством Дана Шомрона, который наметил отдельные принципы практических действий, легшие в основу подготовки операции.

Поздно ночью подполковник Хаим вернулся в Кирию и представил полковнику Шаю, помощнику главы группы действия Оперативного отдела военной разведки, разработки, сделанные на совещании командования парашютно-десантными войсками в Офицерской школе. Шай отправил его обратно. Представленный план показался ему слишком сырым, незрелым, поэтому он просил прояснить план и представить ему вторично. Только в четверг вечером началось более конкретное, практическое планирование операции, до этого идея носила общий характер. «Не было проделано никакой глубокой проработки, никакого изменения плана вширь», — свидетельствует офицер разведки Шомрона.

Параллельно в течение среды, несмотря на отсутствие оперативного плана и на то, что армия еще не предложила своего варианта, у министра обороны сложилось мнение, что надо во что бы то ни стало попытаться найти военное решение проблемы. Телефонные разговоры, которые вел Борка Бар-Лев из Министерства обороны с Иди Амином, все более убеждали

Переса, что Иди Амин и террористы действуют заодно. (Бар-Лев входил в военную делегацию, побывавшую в свое время в Уганде, и Иди Амин считал его своим другом. Целью его разговоров с Амином, инициатива которых исходила от министерства, было попытаться получить от него информацию и как-то повлиять на него в сторону умеренности.) Требования освободить террористов, находящихся в заключении в разных странах, а не только в Израиле, тоже очень затрудняли возможность обмена. На заседании Переса с Екутиэлем Адамом и Бени Пеледом, полностью поддерживающими военную акцию, было решено, что в дело вступит армия. И уже в среду вечером авиация всерьез занялась проверкой всех данных воздушной навигации. Было совершенно ясно, что если авиация не сможет решить проблему доставки войск в Энтеббе и возврата их оттуда вместе с заложниками, то военная операция невозможна.

Тем временем в ночь со среды на четверг штаб командования пехотно-десантными войсками провел комбинированное испытание флотилии с экипажем самолета «геркулес» под командой Шани для проверки морской операции.

Испытание обнаружило немалые трудности в выполнении этого варианта, в основном из-за проблем спуска на парашюте лодок на воду (на следующий день, в четверг, состоялось дополнительное испытание, которое прошло гораздо лучше). Шани и многие другие в авиации, включая их командира генерала Бени Пеледа, отнесся с большим сомнением к плану спуска лодок на парашютах и терпеливо ждал, когда придет очередь идеи, которую в авиации предпочитали: посадка самолетов «геркулес» на аэродроме Энтеббе и его захват.

В 12 часов той же ночью собралось совещание в канцелярии Переса, на котором снова обсуждали операцию. Разведывательных данных на этой стадии было так мало, что настоящую военную акцию было почти невозможно планировать. Вечером позвонили Йони и сказали, что в высоких военных сферах есть некоторая готовность взвесить возможность операции.

«В среду вечером, — рассказывает Ави, — к нам стали поступать телефонные сообщения, судя по которым было дано указание планировать операцию. Но все это выглядело так, будто слова свои сами не воспринимают всерьез, хотя в течение ночи было немало звонков… в основном от Муки, он тогда говорил о возможности высадиться на озере Виктория. Муки на нас давил, потому что его спрашивали: когда Йони может явиться? И просили Муки, представителя Части в Тель-Авиве, заняться планированием… С каждым звонком говоришь себе: может, все-

таки есть шанс, что выйдет что-нибудь? Было довольно сильное давление, и мы поняли, что завтра, прямо с утра, придется лететь обратно».

В связи со всем этим Йони поручил под утро офицеру, ответственному за некоторые административные функции, как можно быстрей собраться по окончании ночных учений. «Сложитесь побыстрей, — сказал Йони, — возможно, произойдет нечто, связанное с захваченным самолетом».

Трудно сказать, о чем думал Йони во время полета в центр страны в первой половице дня в четверг. Напряженная работа целой недели осталась позади. С этого момента он должен сосредоточиться на другом, судьбоносном задании. Сидение в самолете было краткой паузой, почти навязанным ему отдыхом. К планированию операции он еще не мог приступить, не хватало важнейших данных; не определено было даже задание для Части, хотя ему было ясно, что главную задачу акции — освобождение заложников — поручат ей.

Тогда же, возможно во время того же полета или за несколько часов до него, Йони писал своей подруге Брурии полные грусти строчки о своем состоянии:

«Я нахожусь в критической стадии своей жизни, в глубоком внутреннем кризисе, расшатывающем уже давно систему моих представлений… большая часть того, о чем я пишу, сопровождается вопросительным знаком. Если бы я знал ответы, я бы так не бился и так бы не мучился… мне трудно так, как было трудно только несколько раз в жизни… я должен остановиться и сойти — или чуть погодя. И это я сделаю, но еще немного погодя. Вспоминаю безумный и жалкий вопль из пьесы, которую я недавно видел: „Остановите мир, я хочу сойти!“

Но невозможно остановить сумасшедший шар, с которым вместе мы движемся, законы тяготения не дают от него оторваться, и поэтому хочешь не хочешь, живой или мертвый (конечно, живой, и по возможности подольше), ты здесь»[16].

Шимон Перес, увидев Йони в начале той недели, так писал о нем в дневнике:

«Почему-то мне казалось, что глаза его на этот раз грустны. Как будто устал этот чудесный парень».

Своим подчиненным Йони этой грусти не показывал, но она была и становилась все острее, пока не перешла в кризис. Тяжелое душевное состояние усиливалось накопившейся физической усталостью, которая его не оставляла. «Я почти всегда утомлен, — писал он в том же письме, — но это только часть проблемы».

В то короткое время, сидя в самолете, он еще мог поразмышлять о своем состоянии и о дальнейшем жизненном пути. Но с того момента, как самолет приземлился, он будет вынужден мобилизовать все свои силы, как физические, так и нравственные, чтобы преодолеть телесную усталость и душевную тревогу. За менее чем сорок восемь часов почти непрерывной работы ему придется заниматься планированием операции на земле, согласованием действий с вышестоящим командованием и другими родами войск, подготовкой бойцов Части к бою, и сверх того — внушать своим солдатам веру в их способность выполнить задание, а военному командованию и гражданскому начальству — полную уверенность в своей готовности и в готовности Части выполнить с успехом задание, провал которого обернулся бы национальной катастрофой.

И все это он сделал. По истечении этих двух дней он поднимется с кучкой своих бойцов на самолет «геркулес», который помчит Йони к последней его операции.

* * *

В то же утро четверга премьер-министр Ицхак Рабин созвал еще одно совещание специальной группы министров. Начальник Генштаба Мота Гур доложил группе то, что уже сказал им в среду: на данный момент ситуация представляется таковой, что никакой военной операции для освобождения заложников он предложить не может. У армии нет плана решения проблемы, сказал Мота[17]. Ультиматум террористов истекал в четырнадцать ноль-ноль. Итак, на совещании группы министров в четверг утром решено было выпустить террористов в обмен на освобождение заложников в Энтеббе. Для реализации этого решения будут произведены окольным путем переговоры с террористами. «Я имел в виду не обман или тактическую уловку, чтобы выиграть время, — писал Рабин об этом решении, — а серьезные переговоры, при которых Израиль выполнит то, что на себя взял»[18]. Утреннее решение было утверждено правительством единогласно и официально поддержано оппозицией во главе с Менахемом Бегином. Вследствие этого решения из Кампалы, столицы Уганды, в тот же четверг в полдень сообщили об отсрочке ультиматума до воскресенья, 4 июля[19].

Заметим, что на этой стадии, к четвергу пополудни, военные инстанции не вели никаких приготовлений к операции по освобождению заложников, хотя и состоялось дополнительное испытание по спуску лодок на парашюте, которое прошло лучше,

чем ночью. Выяснено было также, сколько людей вмещает заправочный самолет. Но помимо этого — всего за два дня до вылета освободительного отряда в Энтеббе — никакой практической подготовки к военной операции армией не велось: войска в состояние боевой готовности по-настоящему не приведены, оружие и снаряжение не подготовлены, оперативное планирование, по сути, не произведено. Военная машина в целом не запущена.

Но параллельно, в течение четверга, начала поступать важнейшая информация, открывшая реальную возможность подготовки какой-то операции в Энтеббе и ее выполнения. Источником некоторых сведений были заложники из группы, освобожденной в Энтеббе и прибывшей в Париж. Покинуть Энтеббе было позволено почти всем неевреям. Уже во вторник террористы показали, что по-разному относятся к евреям и неевреям. Прежде всего они разделили захваченных на две группы. Израильтян, а с ними и ярко выраженных евреев из другой группы сосредоточили в четверг вечером в малом зале, а остальных — большом пассажирском зале. Залы были смежные и разделены стеной. В стене была дверь, частично перегороженная балкой, положенной террористами поперек. Евреям пришлось перейти, наклонив голову под балкой, на свое новое место по другую сторону стены. В многочисленной группе «гоев» в большом зале остались и евреи, — вероятней всего, террористам было неизвестно об их еврействе. Во всяком случае, тот из израильтян, кто выглядел как религиозный еврей — был, к примеру, в кипе, — с уверенностью определялся как еврей, и его отправляли в группу израильтян.

На другой день, в среду, когда их частично стали освобождать из большого зала, заложникам стал понятен смысл этого разделения. В среду вечером были освобождены сорок семь человек, в основном старики и дети. Остальных, около ста, освободили в четверг утром и отправили во Францию специально нанятыми для этого самолетами. В Энтеббе осталось девяносто четыре еврея, почти все израильтяне. Вместе с ними — двенадцать человек экипажа французского самолета во главе с командиром, Мишелем Бакосом. Когда в среду Бакос услышал, что часть захваченных людей собираются освободить, он собрал членов экипажа и сказал им, что, по его мнению, они должны отказаться покинуть Энтеббе, пока не будет освобожден последний из пассажиров. Ни один из членов экипажа не возразил, и Бакос сообщил об этом решении террористам. Действительно, члены экипажа остались с группой заложников-евреев; правда, неизвестно, освободили ли бы их террористы,

если бы они не приняли этого решения.

Ста шести заложникам, оставшимся там, в этом отдаленном от всего мира углу, стены их тюрьмы казались теперь особенно высокими. Прошло четверо суток с того момента в самолете, когда с дикой жестокостью у них отняли свободу. Мать с двумя юными сыновьями, школьница, путешествующая в одиночку, пожилая пара, пережившая концлагеря, их судьбы и жизни больше им не принадлежали, они были в руках «борцов за свободу» во имя палестинской революции. Теперь Уадия Хадад должен решить, как использовать этот человеческий товар. В затхлом и тесном зале заложники сидели на полу, лежали на матрацах и шепотом переговаривались друг с другом. Минуты тянулись мучительно долго, но до сих пор они хотя бы тянулись, не завершились ужасным концом. В сердце каждого надежда сменялась отчаянием, страх навис над всеми. Может быть, завтра двенадцать человек из них казнят до начала переговоров и их растерзанные тела выставят на обозрение перед всем миром? А может быть, через час? Застигнутые врасплох своим злосчастьем, они кричали в душе: за что? Я ни в чем не виноват! Нет, неправда — они были виновны, той старой-престарой виной, от которой нет спасенья: они были евреями. Те из них, кто вырос в Израиле, возможно, этого не поняли, но для арабов и немцев, чьи руки сжимали орудия уничтожения, это разумелось само собой.

После того как освобожденные заложники приземлились в Париже, с некоторыми из них началась работа: надо было выяснить факты. Проводилась она в основном французскими властями, и в результате стала наконец известна хоть какая-то информация о ситуации в Энтеббе. Совершенно определенно выяснилось, что между Иди Амином и террористами существует полное сотрудничество, что военные Уганды распоряжаются в здании и помогают в охране захваченных. Выяснилось, в какой именно части старого здания терминала находятся заложники (или, по крайней мере, находились там в четверг утром), получены были хоть какие-то сведения о захваченных людях. Благодаря этой информации, большая часть которой была получена и обработана немного позднее, стало возможно приступить к подготовке реального плана освобождения заложников.

Теперь, когда выяснилась степень сотрудничества между армией Уганды и террористами, военное руководство пришло к выводу, что освободительная акция, если она будет предпринята, должна быть широкой по охвату, чтобы нейтрализовать армию Уганды и вывезти оттуда и заложников, и войска. «В четверг после обеда состоялась встреча Кути со мной и Эхудом, —

рассказывает полковник Шай, — и уже тогда было ясно, что Иди Амин заодно с террористами. И тогда мы сказали: единственная возможность — это операция, причем широкомасштабная военная операция. Не такая ограниченная, когда прибудет небольшая группа, захватит террористов и выдаст себя властям Уганды. Теперь возникла необходимость в обширной военной операции, с захватом всего аэродрома».

Потом начальник Оперативного отдела Генштаба генерал-майор Екутиэль Адам пригласил к себе в кабинет других офицеров, и среди них командующего парашютно-десантными войсками Дана Шомрона. Он доложил им о серьезности положения в Энтеббе и сказал Шомрону, что есть необходимость подготовить обширную операцию по высадке вооруженных сил в аэропорту Энтеббе. Шомрон сообщил, что он располагает планом действия, и Екутиэль Адам постановил, что вопрос будет тут же рассмотрен на заседании, назначенном у министра обороны. Перед этим заседанием у Переса несколько офицеров встретились с Шомроном в Оперативном отделе и обсудили разные варианты действия. «Это еще не настоящее совещание, скорее „коктейль из планов“… это еще не планирование — говорим вообще»[20]. На этой стадии Шомрон предложил взять в Энтеббе столько солдат, сколько смогут вместить имеющиеся в распоряжении Израиля самолеты «геркулес», в то время как представители авиации считали, что полностью к операции будут готовы только четыре экипажа «геркулесов». Муки также высказался в пользу более ограниченной акции.

Встреча у министра обороны состоялась ближе к вечеру того же дня, в четверг. У него в кабинете собрались, кроме Гура, Адама, Пеледа и Шомрона, также и другие командиры: Эхуд Барак, Янош Бен-Галь, майор Идо из авиации. Бени Пелед настаивал на высадке самолетов с солдатами на летном поле в Энтеббе. Кути представил центральную идею ночной высадки отряда освободителей, который нанесет удар по террористам и эвакуирует заложников на самолетах. Дан Шомрон, со своей стороны, объяснил министру в общих чертах план захвата аэродрома, намеченный им прошлой ночью на совещании в Офицерской школе, с учетом замечаний по этому вопросу, сделанных во время «коктейля планов». Представители авиации сказали, что можно будет дозаправиться там же, в Энтеббе, используя насос, который возьмет с собой израильский отряд, но они предпочли бы, чтобы в случае неблагоприятного стечения обстоятельств была и промежуточная остановка для заправки. Говорилось о том, что последний срок операции — до истечения ультиматума террористов — это исход субботы[21].

Начальник Генштаба полагал, что оперативные идеи не проработаны, и в тот момент находил их слишком рискованными. Кроме того, ему недоставало разведывательных данных, без которых он не был готов к утверждению какого-либо плана. Гур сказал, что окончательно свое мнение об услышанном он выскажет позднее. «Единственный, кто в этот момент твердо стоял на земле — и неудивительно, поскольку на нем лежала вся ответственность, — был начальник Генштаба Мота Гур. На этой стадии план плавал в таком информационном тумане, что ни один ответственный человек не посмел бы его утвердить»[22]. Ввиду энергичной поддержки Екутиэлем Адамом и министром обороны идеи военного решения решено было начать подготовку в этом направлении. Шомрон был назначен командующим наземными вооруженными силами предполагаемой операции.

Почти все офицеры покинули кабинет министра обороны. Кроме Переса, там остались лишь Мота, Кути и Бени Пелед. Мота выразил теперь свое мнение более открыто и сказал, что при отсутствии элементарных разведывательных данных план этот совершенно фантастичен и, главное, — практически невыполним[23]. Кроме того, прибавил Гур, сомнительно, что можно будет провести операцию через два дня, на исходе субботы, до истечения срока ультиматума. «Тут вмешался Кути, — пишет Перес, — и предложил начать подробную разработку, организовать отряд, тренировать его и, произвести общие маневры, исходя из того, что операцию можно безо всякого вреда отменить. Никто не возражал»[24].

Выйдя из кабинета министра обороны, Екутиэль Адам приказал участвующим в деле офицерам начать подготовку безотлагательно. Нет надобности в задержке для получения обычных разрешений, сказал Адам. Идем вперед, пока не получим приказа остановиться. Адам снова проявил характерное для него и в два предыдущих дня стремление — попытаться разработать какую-либо военную операцию. С того момента во вторник, когда он получил приказ начальника Генштаба выяснить, какие существуют возможности, Екутиэль Адам был постоянно в действии. «Кто проталкивал изо всех сил операцию, так это Кути, — свидетельствует полковник Шай, — именно он пытался, несмотря ни на что, найти реальные решения. Кути был двигателем происходящего — это несомненно». (То же утверждает и начальник военной разведки генерал-майор Шломо Газит: «Екутиэль Адам был главным двигателем, требуя не уступать, продолжать разработку, сделать все, чтобы осуществить операцию».)[25]

В пять часов дня состоялось совещание в канцелярии главы

правительства Рабина с участием министра обороны, начальника Генштаба, начальника военной разведки и главы Мосада. Мота Гур выразил свое мнение: план, в том виде, как он представлен, — нереален, и потому он не может его рекомендовать. «В тот час, в четверг после полудня, дело казалось далеким сном», — пишут Бен-Порат, Хабер и Шиф[26].

Рабин тем не менее распорядился продолжать работу по поиску военного решения. «Предложите что-нибудь, что можно выполнить», — сказал глава правительства[27]. Это было спустя всего несколько часов после того, как он вместе с правительством принял решение уступить террористам. В продолжение всей истории Рабин действовал параллельно в двух направлениях: одно — уступка и ведение самых настоящих переговоров об освобождении террористов (переговоры велись через французов, и для участия в них Рабин послал в Париж генерала в отставке Рехавама Зеэви, советника главы правительства по борьбе с террором) и второе — освобождение заложников силой. Если есть реальная возможность освободить захваченных военным путем, так, чтобы потери были в разумных пределах, считал Рабин, — тем лучше; но если нет, неизбежно придется в обмен на заложников выпустить заключенных террористов. Еврейское сердце — не государственное сердце, даже у государственных деятелей. Оно подчинено чувствам и предпочитает спасти одну душу, находящуюся в данный момент в опасности, даже когда здравый смысл диктует, что уступка шантажу вдвое и втрое увеличит в будущем число жертв. Слыша крики пришедших к нему членов семей заложников, Рабин знал, что не может бросить на произвол судьбы их близких, понимая при этом, что ценой будет отказ от позиции не уступать террору — позиции, которую Израиль ценой крови вырабатывал годами.

Йони прибыл в Кирию днем и там, в Оперативном отделе военной разведки, получил информацию о положении дел к тому моменту. «Его одежда была еще в пыли, — рассказывает майор авиации Идо. Было ясно, что он явился после нескольких ночей работы, помню, что он был очень усталым» (по словам Идо, если память его не обманывает, Йони присутствовал также на «коктейле планов», состоявшемся перед совещанием у Переса. Йони, как видно, встретился в четверг и с Екутиэлем Адамом. «Я знаю, что Кути говорил с Йони также и в четверг вечером, — рассказывает Ави, — ему пришлось несколько раз встречаться с ним перед операцией, но я не был в курсе их разговоров».)

Муки также встречался с Йони и передал ему собранные к тому времени общие сведения и разные мнения по поводу возможностей действия. В Кирие Йони и Шомрон договорились о

встрече в Доме парашютиста в 8 вечера для первичного инструктажа. Йони вернулся в часть и приказал вызвать некоторых командиров и солдат с учений и из дома. Ему еще не было ясно, сколько понадобится человек для выполнения задания, но он хотел быть готов к любой возможности. После этого он отправился в Дом парашютиста в Гамат-Гане на инструктаж Шомрона, взяв с собой Ави, офицера разведки Части, Муки, а также Йохая, своего офицера по оперативным вопросам, и Рами, начальника штаба. Шомрон собрал в Доме парашютиста командиров участвующих в операции подразделений. Присутствовали и другие десантные командиры: из полка парашютистов и из Голани, но пришли не все, и не все были к тому моменту вызваны. В тот час большинство присутствовавших были из Части.

Сначала подполковник Амнон, офицер разведки при командовании пехотно-десантными войсками, представил данные разведки. Показывая план аэродрома, Амнон сказал, что «террористы и захваченные находятся примерно здесь, но точно неизвестно где…».

«Мне особенно нечего было сказать, — говорит Амнон, — только то, что угандийцев снаружи — примерно два батальона, но я не мог сообщить о степени сотрудничества между ними и террористами, не мог обозначить точное местонахождение террористов и заложников и объяснить, как к ним пройти».

Дан Шомрон развернул идею операции — ЦАХАЛ высадит пехотные войска с помощью «геркулесов» на летном поле в Энтеббе, освободит захваченных и доставит их самолетами в Страну.

Он произвел общее распределение вооруженных сил и функций. Определил, что на долю Части приходится весь район старого терминала — то есть бой с угандийскими солдатами и террористами и освобождение заложников. «Нам сказали: ваше задание — задание Части — это старый терминал. Конечно, будут выделены войска для обеспечения самолетов и нового терминала… но ваше задание — атаковать старый терминал, освободить заложников и доставить их к самолету. Весь этот участок поля, включая военный аэродром и старый терминал, — на ответственности Части»[28].

Зона деятельности части — восточная половина аэродрома — была, в сущности, отдельной системой внутри аэродрома, прилегающей к военной базе угандийских военно-воздушных сил. Парашютисты и бойцы Голани овладеют новым терминалом и контрольной башней в западной части поля и заодно послужат запасными силами, обеспечивающими безопасность самолета,

который эвакуирует заложников.

Дан Шомрон все время говорил, что необходимо столько «геркулесов», сколько их сможет предоставить авиация. Он хотел доставить в Уганду вооруженные силы в таком объеме, чтобы их превосходство было безусловным. Но подход Шомрона снова вызвал возражения. И Йони, и Муки, и другие считали, что такая громоздкая операция может закончиться трагедией — так они и высказались. По их мнению, следовало доставить в Уганду только силы, необходимые для выполнения задания и для защиты бойцов и заложников от возможного нападения, пока они не покинут аэродром. «О плане Шомрона говорили, что он слишком тяжел и обширен и что надо стремиться к более ограниченной, более компактной, более надежной операции»[29].

Ави помнит, что Шомрон представил и другие предложения, которые выдвигались на предыдущих обсуждениях, как, например, прибытие на лодках и высадка войск на парашютах, поскольку, по-видимому, сам он еще не пришел к окончательному выводу о предпочтительности того или иного варианта.

«Все операции в данный момент открыты», — сказал Шомрон. (Так это запомнил Ави, что совпадает с рассказом Матана Вильнаи. Прибыв в Кирию с севера часов в десять-одиннадцать ночи после того, как прошло совещание в Доме парашютиста, — Матан впервые узнал о готовящейся операции и услышал Шомрона, представляющего «расширенный» вариант захвата летного поля (то есть с большим числом самолетов), а также вариант высадки солдат на парашютах. Но Ави утверждает, что встреча с Шомроном в Доме парашютиста проходила раньше, в послеобеденное время, поэтому, возможно, речь идет о двух разных встречах Шомрона с бойцами части, причем на первой он больше напирал на те варианты и масштабы операции, от которых позже предпочли отказаться. «Вам поручается старый терминал — место, где находятся заложники. Вы должны их освободить»[30].

«Задание было очень общим, — рассказывает Амнон, командир разведки Шомрона. — У Йони были… конкретные вопросы — на сколько человек планировать, на какое количество транспорта, — а мы не могли дать ему ответа. Все еще было в сыром виде… еще совсем не касались подробностей того, кто, сколько, как и что — было ясно, что это еще следует изучать и дополнять… В конкретные действия Части Шомрон не вмешивался. Он сказал: „Это все бойцы и командиры, которые знают свое дело. И мне незачем вмешиваться“».

Шомрон наметил, что завтра, в пятницу, в семь утра, он даст официальный приказ об операции на ближайшей к Части военной

базе. Там будут располагаться и участвующие в операции парашютисты, и бойцы Голани, и там же пройдет общее учение-модель. На этом Шомрон закрыл совещание.

Йони вернулся в Часть. Близился вечер. До тех пор все там было относительно спокойно. Йони сознавал, что осталось очень мало времени для того, чтобы привести в действие систему подготовки операции. Работа по большей части должна будет вестись в нескольких направлениях. Он попросил секретаршу своей канцелярии срочно вызвать отсутствующих офицеров штаба. «В какой-то момент поступил звонок из канцелярии Йони, — рассказывает Тамир, офицер связи Части. Тамир был в тот момент в Генштабе в связи с другим заданием части. — Мне передали, что он просит меня вернуться в Часть по окончании обсуждения в штабе, мол, надо о чем-то поговорить».

Йони вызвал к себе в кабинет Муки и офицера разведки Ави, и там началась разработка военных действий Части в операции. На этой стадии у Части еще не было настоящего плана действий. «Только с момента прибытия Йони четко было сказано: „Начинаем готовиться к операции“, — объясняет Ифтах, заместитель Йони. — До тех пор ничего конкретного не сделали в отношении действий у старого терминала. Не доставили солдат, ничего не запланировали. Говорили в Кирие. Что ж, говорить можно. Йони пришел и сказал: „Есть решение… Начинаем готовиться“. После чего, советуясь со всеми, он решил, кто что будет делать». Ави уже успел побывать на разведывательной базе армии, где получил последние данные. (Разведывательные данные, ранее поступившие в Часть, были сосредоточены у другого офицера разведки, работавшего вместе с Муки. Когда Ави вернулся, этот офицер продолжал вместе с ним собирать и отрабатывать материал. В то же время Амнон, офицер разведки при командовании пехотно-десантными войсками, проделывал параллельную и дополнительную работу. К тому же он занимался более общими аспектами операции.) В совещании принял участие полковник Эхуд Барак, который прибыл в Часть и остался там на некоторое время. И Эхуд, и Муки были «знакомы» с летным полем по предыдущим обсуждениям, когда планировалось, что отряд бойцов каким-то образом проникнет в здание, где содержатся заложники, и ликвидирует террористов. Муки был даже знаком с этим летным полем на практике, поскольку в свое время служил в военной миссии Израиля в Уганде, прилетал и улетал из этой страны через старый терминал. Теперь, когда стало ясно, что армия Уганды — враждебная сила, сотрудничающая с террористами, операцию следовало планировать по-другому. Части придется учитывать присутствие на месте угандийских

войск; предстояло захватить все поле вокруг старого терминала, защитить это поле от подкрепления, которое может прибыть в помощь вражеским войскам за время операции, и вывезти оттуда заложников.

По имеющимся к этому времени данным нельзя было судить о том, где именно в здании старого терминала находятся заложники, сколько террористов стерегут их, есть ли в распоряжении террористов взрывные устройства, сколько людей насчитывает угандийский гарнизон и где именно он расположен, какие еще неизвестные факторы следует выяснить. Даже точного чертежа летного поля у них не было. Пришлось полагаться на тот самый путеводитель Джепизен, который указывал только расположение главных взлетных полос, но не связующих их путей, к тому же не содержал ни точных масштабов, ни подробных сведений о находящихся там зданиях[31]. Имелся также схематичный (и неточный) чертеж первого этажа старого терминала, сделанный со слов израильтян, служивших в свое время в Уганде[32]. Хотя во время совещания был получен и использован для подготовки плана дополнительный разведывательный материал, но отсутствие ряда необходимых данных не позволило завершить план на этом заседании, так что Йони пришлось внести изменения и добавления позднее, главным образом на следующий день к полудню (в пятницу). Так что привычная для Части при подготовке военной операции детализация разведывательных данных не была проведена. В дальнейшем кое-какие важные сведения прибавились, однако многое осталось неясным и в канун вылета в Энтеббе.

Исходным моментом с самого начала совещания было то, что войска доставят в Энтеббе самолеты «геркулес», которые приземлятся на летном поле. Четверо присутствующих на совещании офицеров рассмотрели чертеж летного поля и обсудили возможные пути движения войск от самолетов к цели после их высадки. Было невозможно посадить самолет, а значит, доставить бойцов слишком близко к старому терминалу, поскольку большой и шумный самолет привлечет к себе внимание и будет легко уязвим. Поэтому придется выгрузить отряд спасателей из самолета поблизости от поперечной полосы, на которую он приземлится, и оттуда они двинутся по диагональной полосе в направлении старого терминала. Было очевидно, что отряд должен быть механизирован, хотя бы для экономии времени, так как расстояния на летном поле большие. Важно предельно сократить время с момента приземления до акции спасения, чтобы свести до минимума опасность того, что террористы и охраняющие старый терминал солдаты получат

предупреждение с контрольной башни, и, если даже такое предупреждение будет им передано, важно, чтобы они не успели понять, что именно происходит, и действовать в соответствии с этим. Чем больше пройдет времени с момента приземления первого самолета до достижения цели, тем больше опасность того, что угандийцы поймут: происходит военная акция.

В информации, стекавшейся к Ави, сообщалось, что здание охраняют около ста угандийских солдат. Они окружают его защитным поясом и к тому же располагаются на крыше и на галереях. Йони понимал, объясняет Ави, в чем главная проблема операции: надо, чтобы солдаты из этого защитного пояса не успели открыть прицельный огонь по сравнительно небольшому отряду, приближающемуся к терминалу; он считал, что только в том случае, если этого удастся избежать, отряд сможет проникнуть в здание и уничтожить террористов до того, как они успеют убить заложников. Если армия Уганды задержит отряд хотя бы на одну-две минуты, террористы поймут, что происходит военная акция, и устроят резню заложников. Йони было ясно, что сопровождаемое шумом военное вторжение с попыткой сперва нанести удар по угандийскому поясу и таким образом пробиться сквозь него предупредит террористов. Последует сопротивление, и это может помешать бойцам вовремя пробиться к заложникам. К тому же если защитный пояс окажется значительным, то фронтальная его атака небольшим отрядом рискованна. Хотя Муки, имевший дело с угандийскими солдатами и хорошо их знавший, выразил полное пренебрежение к их боевым качествам, Йони со всей серьезностью отнесся к тому, какой ущерб они способны причинить во время операции. Он не ожидал, конечно, что, когда завяжется бой, угандийцы начнут действовать как организованная военная сила, открыв планомерный ответный огонь, — даже если хотя бы несколько напуганных угандийских солдат в панике начнут беспорядочную стрельбу, этого достаточно, чтобы нанести урон небольшому отряду и таким образом повредить операции, а то и провалить ее.

«В связи с проблемой угандийской охраны Йони очень настаивал на том, что нам надо найти какой-то выход», — рассказывает Ави. Так возникла идея о том, чтобы обмануть угандийцев и этим выиграть время, необходимое для того, чтобы без задержки ворваться в здание. Было решено, что моторизованный отряд, прибывший под покровом темноты, замаскируется под угандийцев. «Израильтяне, побывавшие в Уганде, в том числе и Муки, вполне могли сообщить данные о марках автомашин, об их окраске и т. п. — подымался даже вопрос о порядке продвижения машин — как полагается ехать,

если прибывает важный гость — например, угандийский полковник»[33]. Предлагалось замаскироваться не только под колонну угандийских военных джипов, но и под угандийскую полицейскую колонну. Ави было поручено собрать сведения об их внешнем виде.

В процессе обсуждения возникла идея замаскироваться под кортеж во главе с Иди Амином. Было известно, что Амин на исходе субботы должен вернуться в Уганду с Маврикия, где состоялась конференция за единство Африки, на которой Амин в том году был очередным председателем. Поскольку Амин имел обыкновение время от времени навещать заложников, почему бы ему не явиться их проведать и на этот раз, поздно ночью, по возвращении? Исходя из этого, угандийские солдаты, может быть, не решатся открыть огонь по моторизованному отряду, а если повезет, даже и не станут его задерживать. Машины поедут с горящими фарами, что придаст им «невинный» вид. Зажженные фары, кстати, помешают находящимся снаружи разобраться в темноте, кто именно едет. Фотографии, предоставленные в распоряжение части, изображали Иди Амина, едущего в «мерседесе», а Муки сказал, что высшие офицеры в Уганде обычно ездят на машинах этой марки. У них там какое-то особое почтение к этим машинам, заметил Муки, поэтому присутствующие посчитали: желательно, чтобы первая машина была «мерседес». Решили также, что бойцы части будут одеты в пятнистую форму, похожую на форму армии Уганды. Это обстоятельство вызовет колебание и нерешительность среди угандийских солдат и террористов. Возникла было идея зачернить лица, но из опасения, что наши бойцы могут ошибиться, предложение это было на следующий день отвергнуто. Еще была проблема, связанная с рулем «мерседеса». В Уганде, как во всех странах бывшей Британской империи, левостороннее движение, поэтому руль машины находится справа. В Израиле почти не было шанса найти машину с таким рулем. «Проблема обсуждалась… но потом мы подумали: ведь будет ночь, а в темноте лишь тот, кто находится совсем рядом с тобой, в состоянии разглядеть, справа у тебя руль или слева… а в таком случае возникнет уже необратимая ситуация, при которой открываешь огонь»[34].

Продвижение отряда к диагональной полосе, а после — к подъездному пути, ведущему к старому терминалу, будет выглядеть вполне «невинным». За «мерседесом» поедут два джипа-«лендровер», полные готовых к атаке солдат, вооруженных ручными пулеметами и гранатометами, чтобы стрелять по угандийцам в случае, если те по дороге откроют огонь, а также

использовать их для отвлекающего огня, прибыв к цели. Больше двух джипов взять нельзя, поскольку самолет «геркулес» вмещает максимум три машины. В самом «мерседесе» поедут Йони и Муки и еще семь бойцов только с легким оружием.

Первая цель: если по пути по ним будет открыт огонь, хорошо, чтобы это произошло как можно ближе к терминалу. Если угандийские часовые по пути совсем растеряются и дадут отряду проехать безо всякой задержки — тем лучше. Но если что-то заподозрят и попытаются задержать отряд или станет ясно, что они поняли: прибывшие люди им враждебны, то ни в коем случае нельзя оставить их позади, а необходимо уничтожить, поскольку они могут открыть огонь по отряду или дать знать другим — тем, кто может их услышать. Нейтрализация встретившихся на пути угандийцев произойдет по возможности тихо, с применением пистолетов с глушителями, которыми вооружится часть едущих в «мерседесе». В случае, если стычка станет шумной, «мерседес» не остановится и едущие в нем не примут участия в бою, который проведут люди на джипах. «Мерседес» не будет брать в расчет происходящее позади него, а помчится на большой скорости к зданию терминала. Девять находящихся в нем бойцов выскочат наружу, и если даже за ними не будет больше ни одного своего солдата, ворвутся в два зала с заложниками, чтобы как можно быстрей уничтожить террористов, прежде чем они учинят резню.

Это было сердцем плана и главной его сутью — «невинно» прибыть как можно ближе к зданию старого терминала и в кратчайший срок, числом бойцов, достаточным, чтобы предотвратить немедленную угрозу жизни заложников, захватить помещение.

В ходе обсуждения Йони вызывал к себе офицеров штаба и отдавал распоряжения, как каждому из них действовать в своей сфере. С этой целью он часто пользовался находящимся у него на столе интеркомом. Объяснял приглашенным в кабинет общие контуры задания и указывал, что им тем временем делать. Среди них был Амицур, офицер, ответственный за боевое снаряжение, мошавник из Галилеи. Йони просил его позаботиться о ряде вещей: во-первых, как можно лучше вооружить пассажиров «мерседеса» пистолетами с глушителем, во-вторых, выяснить способы нейтрализации засады, которая может поджидать у входов в здание терминала, а также возможное наличие взрывных устройств в самих залах для пассажиров; в-третьих, приготовить небольшие взрывные устройства для пробивания дверей, если они будут заперты; в-четвертых, проверить разные возможности в отношении машин, на которых можно доехать до терминала, и подготовить взрывные устройства для их уничтожения в случае

необходимости.

На этой стадии разработка плана в кабинете Йони сосредоточилась на способе захвата здания, где содержались заложники, и на распределении боевых звеньев по разным его помещениям. За вечер была получена более подробная информация о здании терминала, чем та, которой до сих пор располагала Часть. Позже появятся дополнительные сведения о здании — и от побывавших в Уганде израильтян, и от освобожденных заложников, и в результате изучения старых снимков, изображавших здание снаружи.

Аэровокзал был двухэтажным зданием и стоял очень близко к старой контрольной башне, расположенной метрах в десяти к западу от него[35]. На нижнем этаже основные залы выходили наружу, на старую самолетную стоянку, в каждом был как минимум один выход. Ближе всего к входу в западной части здания была комната для проверки паспортов прибывающих в Уганду пассажиров. За этой комнатой, примерно в середине здания на нижнем этаже находился самый большой зад с двумя выходами наружу. Зал этот раньше служил для пассажиров, покидавших Уганду, в нем, насколько было известно, и находились заложники или по крайней мере их часть. За большим залом находился малый, обслуживавший в свое время важных персон (после разделения там были заключены заложники-евреи). За этим залом были комнаты, где жили террористы, и туалеты. О существовании этой части здания на первоначальной стадии подготовки плана, как видно, в Части еще не было известно. Почти все старые снимки показывали пустое пространство на месте «жилищ террористов». Только назавтра из поступивших сообщений выяснилось, что у здания есть «пристройка».

Центр тяжести при захвате приходился на большой зал и на находившийся за ним малый, поскольку в них, как ожидалось, окажутся заложники. Для каждого из входов в здание было выделено звено. Силы были выделены и для главных входов в другие помещения, и для второго этажа, где жили угандийские солдаты. Под конец было назначено звено для отвлечения и прикрытия, которое должно было находиться вне здания. В помощь ему давались джипы, и состояло оно, кроме командира, из двух шоферов джипов и шофера «мерседеса». Его главной задачей будет нейтрализовать господствующие над территорией позиции — а именно контрольную башню и крышу терминала.

Возможность полностью нейтрализовать эти господствующие позиции, особенно контрольную башню, была на первых стадиях боя ограничена. Если связать сначала с помощью огня эти точки и

только после этого двинуться в здание, террористы успеют уничтожить заложников. «Мы знали, что существует представляющая опасность контрольная башня, и Йони об этом говорил, — рассказал Ави. — Эта тема возникала несколько раз как слабое место. Но… было ясно, что недопустимо начать действие с нападения или обстрела башни. Говорилось, что несколько бойцов смогут тут же „связать“ башню, даже и во время атаки, если сверху начнется стрельба. Если бы начали по-другому… если бы выдали себя угандийцам и террористам преждевременной стрельбой — думаю, был бы причинен серьезный вред. С тяжелым сердцем мы согласились на это, хотя знали, что значит такое решение». Впрочем, попытки захватить башню не будет сделано, поскольку прорыв внутрь такого строения может стоить немалых жертв, а у части не было необходимых для этого сил. Башня будет парализована с помощью сильного отвлекающего огня.

Всего отряд, включая командное звено Йони, насчитывал тридцать пять бойцов и командиров — максимальное число людей, которых можно втиснуть в один «мерседес» и два джипа. И то лишь при условии, что джипы внутри придется переделать. Больше людей невозможно было использовать из-за ограниченного числа машин, помещающихся в одном самолете.

Йони знал, и так было запланировано сверху, что нельзя будет подождать с началом акции по освобождению до посадки самолетов с подкреплением. Небольшой отряд должен быстро добраться до терминала, еще до того, как приземлятся другие самолеты. Если угандийцы увидят, что садится не один, а несколько самолетов, они поймут, что происходит военное вторжение. Фактор внезапности, от которого зависит успех операции, будет утрачен. Поэтому подкрепление, которое послужит для круговой обороны и главной защиты от возможной атаки угандийцев, прибудет только после того, как первая партия выполнит главное задание. Тридцать с небольшим бойцов первой партии должны прорвать защитный пояс угандийцев, уничтожить террористов, захватить здание и обезвредить дополнительные угандийские войска, которые могут оказаться поблизости, в том числе и на контрольной башне.

Группа планирования перешла к проблеме обеспечения круговой обороны более широкого охвата. «Нам было ясно, что придется не ограничиться только захватом здания старого терминала, но позаботиться и о круговой обороне, которая будет на нашей ответственности»[36]. С восточной стороны, очень близко, метрах в двухстах от старого терминала, расположен угандийский военный лагерь, а в нем самолеты «МИГ»

угандийской авиации. Насколько известно, там имеются один или два батальона. К северу от здания терминала находится много всяких строений, и прилегающих к самому лагерю, и более отдаленных. А с северо-востока, близко к ограде старого терминала, начинается городок Энтеббе. Чтобы охватить район и окружающие здания и нейтрализовать вспомогательные угандийские силы в случае их появления, решено было использовать четыре машины, желательно бронированные: одна послужит для постоянной подстраховки и расположится на площадке против терминала откуда сможет также перекрыть подход вражеских сил со стороны появления бойцов Части; другая защитит с востока район военного аэродрома; а еще две обогнут здание терминала и десятки небольших строений, прилегающих к нему с севера, и защитят его тыл.

Для доставки этих четырех бронированных машин требуются два дополнительных самолета «геркулес», по две машины в каждом. В общей сложности части понадобятся три самолета «геркулес». Первый, самый важный, доставит «мерседес» и два джипа-«лендровер» с бойцами, а два следующих — машины, необходимые части для обеспечения круговой обороны. Если приземлятся четыре «геркулеса», один из которых предназначен для заложников, то почти не будет места военным машинам для бойцов Голани и парашютистов. Правда, жизненной необходимости в таких машинах у них нет, поскольку их главная цель, захват нового терминала, будет достигнута «тихо» (в том случае, если на летном поле не разразится большого боя, требующего их вмешательства). Кроме того, сами «геркулесы» доставят их сравнительно близко к месту действия. На деле было задействовано четыре «геркулеса», как хотела авиация и как требовалось для нужд Части.

После этого Йони приступил к подбору людей. Своим заместителем по операции он назначил Муки. Йони ценил его как бойца и командира с тех пор, как они вместе служили в Части, особенно со времени войны Судного дня, когда Муки служил под командой Йони. К тому же, поскольку Муки занимался темой Уганды большую часть недели и принимал вместе с Йони участие в планировании операции, было естественно назначить его заместителем. Подбор людей происходил, как правило, в зависимости от срока службы бойцов в Части. Для вторжения в главный зал Йони назначил группу бойцов, которые только несколько дней назад ушли в отпуск перед демобилизацией. Он приказал секретарше вызвать их вместе с их командиром Амноном Пеледом. Ифтаха, новоиспеченного помощника командира Части, Йони назначил командиром отряда, который

очистит второй этаж. Майор Шауль Мофаз, прежний заместитель Йони, работавший с ним много лет и только несколько недель назад оставивший Часть, получил командование над механизированными силами круговой обороны, которые будут выгружены из второго и третьего самолетов. Еще в первые дни недели Йохай, офицер Оперативного отдела Части, вызвал Шауля, который провел пару дней в Лоде с находящимися в боевой готовности силами Части. Его боевой опыт был богаче, чем у большинства других командиров, и хотя в какой-то момент Йохаю показалось, что Йони недоволен тем, что Шауль вызван без его ведома, но в конце концов Йони был рад его присутствию.

Таким был, в общих чертах, подготовленный в ту ночь план. Часть его была сформулирована не на этом совещании, а после него, когда Йони, оставшись один, продолжал дорабатывать и улучшать план. Позже, благодаря советам солдат и офицеров и в результате тренировок, а главное, благодаря поступлению новых разведывательных данных, дополнивших картину, Йони внес еще ряд изменений.

Было уже за полночь, когда совещание на некоторое время прервалось. Йони приказал секретаршам вызвать всех включенных в списки людей, об участии которых он принял решение, но кто еще не прибыл в Часть, и параллельно пригласил находящихся там командиров для первичного ознакомления с заданием. Перед началом инструктажа он побывал на другом конце базы, на стоянке военных машин, чтобы поговорить с Израилем ответственным за эти машины. Йони объяснил ему, что вырисовывается план освобождения заложников, и для этой цели он должен приспособить джипы-«лендровер» к тому, чтобы в каждом поместилось двенадцать человек. Йони приказал Израилю подготовить шесть — восемь джипов (большинство предназначая, как видно, для сил обеспечения круговой обороны, на случай, если не удастся добыть небольшие бронетранспортеры, которые поместились бы в самолеты «геркулес», или если бы выяснилась их непригодность). Ночью Йони время от времени возвращался к машинам, чтобы проверить, как продвигается работа с «лендроверами». «Когда я посчитал, что все готово, — рассказывает Израиль, — я его позвал, и он пришел снова, на этот раз с ним было еще два-три человека. Они сели на крылья, и мы сделали круг. Резко затормозили, чтобы проверить устойчивость. Йони попросил, чтобы я там и сям подкрепил, но в принципе изменения принял».

В час ночи командиры собрались в мемориальной комнате Части для первичного инструктажа. Некоторые еще не знали, что планируется операция, и не понимали, почему Йони их

задерживает; после изнурительной недели, проведенной на юге, они могли бы уже отправиться домой.

Напротив этой комнаты, на зеленой площадке, бойцы Части ежегодно собираются в День памяти павших воинов ЦАХАЛа. Командир читает имена погибших из числа тех, кто служил в части. В комнате, оборудованной бойцами Части, на западной стене висят портреты павших, на стене напротив — полки с книгами. Кроме того, что это место солдатской солидарности, комната служит также местом отдыха и чтения солдатам, оставшимся в Части по случаю состояния боевой готовности. Иногда, как сегодня, в мемориальной комнате происходят заседания. Когда прибыл Йони, офицеры уже собрались. Кто-то сидел на ковре, кто-то расположился в креслах.

Ави повесил карту Африки. При виде ее масштаба — один к миллиону — некоторые усмехнулись. Ави указал точку на карте и сказал: «Это там». Расстояние — больше 3000 км, в самом центре Черной Африки; неизвестная страна, где нога никого из них, кроме Муки, никогда не ступала. С запада, показал офицер разведки, Уганда граничит с Заиром, с юга — с Руандой и Танзанией, с севера — с Суданом, а с востока — с Кенией, единственной страной, поддерживающей с Израилем какие-то отношения.

Йони представил цель операции — освобождение заложников, почти поголовно израильтян, нескольких евреев неизраильтян и членов экипажа французского самолета, оставшихся вместе с заложниками. Он наметил главные пункты плана, указал задачи и дал примерное расписание на послезавтра. Командиры задали несколько вопросов, выдвинули несколько пунктов для обсуждения, и заседание вскоре закончилось.

Большинство командиров скептически отнеслись к идее операции. Задание казалось им просто фантастичным, и они не верили, что кто-то может его утвердить. Будем готовиться, думали они, укладывать снаряжение, пройдем учения, будем работать без перерыва из-за перенасыщенного расписания, но ясно, что ничего из этого не выйдет. Сам Йони тоже считал, что на пути утверждения такой операции стоят огромные препятствия, но, представляя им план, вполне серьезно говорил об акции и о том, что, вероятно, ее утвердят. Кроме того, что как командир он не позволял себе другого поведения, был, возможно, другой, более значительный смысл в таком подходе — словно этим своим отношением, силой своего желания он мог добиться воплощения того, к чему стремился всем существом.

Закончив совещание, Йони вернулся к себе в кабинет, где

продолжал вместе с Муки, Ави и другими разрабатывать план. Теперь на него посыпались просьбы разных командиров об участии в операции их бойцов. Для всех не было места, так что пришлось отказывать. Дани А., один из офицеров Части, который еще несколько минут назад, когда Йони излагал задание, считал, что «это — витание в облаках, нелогично, невыполнимо и имеет нулевой шанс», запротестовал, услышав, что один его боец не включен из-за нехватки места. «Придется тебе сказать одному из твоих солдат, что он не сможет участвовать», — оборвал Йони спор с ним. Дани вышел в раздражении из кабинета, спускаясь по лестнице, ведущей на площадку с флагштоком, столкнулся с Муки и сердито рассказал ему о решении Йони. Муки попытался его успокоить: «Ничего тут не поделаешь, Дани».

Войдя в кабинет Йони, Муки предложил отправить спать штабных офицеров, поскольку многие за эту неделю очень устали. Йони согласился, и почти все наконец отправились по койкам. Муки тоже пошел спать. Йони остался один. План в основном был готов. Порядок дня на завтра определен, распоряжения для первичных приготовлений сделаны, к люди уже приступили к работе. Вполне можно было лечь спать. Налитые тяжестью веки Йони сами собой опускались на красные от усталости глаза. Тело властно требовало сна. Но Йони не встал со стула, не отправился в постель, которой не видел уже несколько ночей, а остался сидеть у стола перед развернутыми картами, тщательно выверяя план операции. Как всегда, так и на этот раз — он в конце концов все решал сам. Ему требовалось время, чтобы посидеть в тишине и обдумать трудности, которые могли возникнуть в ходе операции, чтобы как следует отшлифовать план и подготовить подробный инструктаж, который он еще даст всем бойцам. Он знал, что завтра, в суете приготовлений, тренировок и представлений «высшим» инстанциям, ему это не удастся. «В составленном им плане было много ранее не учтенных нами деталей, — говорит Муки. — Йони действительно завершил план. Представленный им наутро вариант был законченным, подробным, оптимальным, с вниманием к деталям и ко всему, что оставалось еще доделывать»[37].

Возможно, сидя в одиночестве в кабинете, Йони впервые осознал огромное значение операции и заключенные в ней опасности. Народ Израиля еще не оправился от травмы войны Судного дня, моральное состояние страны со времени войны только падало. Если операция провалится — если убьют всех заложников или даже большинство из них, если вдобавок вдали от границ Израиля будут захвачены или уничтожены лучшие

силы ЦАХАЛа, — это нанесет сильнейший удар по национальному достоинству страны. Главную ответственность он чувствовал перед своими бойцами и перед заложниками — он обязан позаботиться, чтобы они благополучно вернулись домой, но кроме того, его давила всей тяжестью ответственность перед народом.

«Он был очень, очень большим педантом и вдавался в мельчайшие подробности исполнения, — говорит его заместитель, майор Ифтах, — всю ночь он сидел и думал о том, как провести операцию. Для него типично было внимание к деталям в сочетании со свойственной ему способностью к абстрактному мышлению, с его мировоззрением; все это побуждало его беспокоиться больше других».

Йони взвешивал все очень серьезно, но при этом был абсолютно уверен, что Часть выполнит задание наилучшим образом, уверен и в том, что сможет подготовить отряд и командовать операцией — не только с успехом, но и с минимальным числом жертв. Он хорошо знал себе цену как командиру во время боя; впрочем, цену эту знали все, кто видел его в деле. «Йони был из лучших», — сказало нем генерал-майор Рафаэль Эйтан, который впервые узнал Йони в сражениях на Голанских высотах в войну Судного дня (в момент «наивысшего испытания», по определению Рафуля). «Если сравнить его с ровесниками, с теми, кто тогда были командирами батальонов в парашютных войсках, а теперь генералы, он был выше их на несколько порядков. Они — превосходны, но, по-моему, Йони был совсем другого разбора».

Время от времени Йони выходил из своего кабинета, чтобы что-то проверить — например, как продвигается переделка машин, а среди ночи посетил ненадолго лагерь, где стали собираться бойцы парашютных войск и Голани и где он проведет с ними завтра учение-модель. Там его встретил подполковник Рами Дотан, офицер по техническому обслуживанию при командовании пехотно-десантными войсками (позже — глава Комитета помощи солдатам). Рами подготовил место для бойцов и командиров парашютных войск и Голани. Для установки палаток и перемещения оборудования он срочно нуждался в рабочей силе. Ему пришлось просить заведующего школой парашютистов дать ему на время воспитанников курса летного дела, проходивших в то время курс парашютных прыжков. Такое использование курсантов было против установок армии. Но, поговорив с Рами, командир курса согласился с ним. Рами должен был позаботиться также о выделении снаряжения для операции бойцам парашютных войск и Голани и, кроме того,

начать готовить бутафорские сооружения для учения-модели, такие, к примеру, как установка двух автобусов, которые обозначат новый терминал.

Йони и Рами были хорошо знакомы со времени службы Йони командиром батальона танкистов, Рами был тогда офицером по техническому обслуживанию в той же дивизии. «Йони пришел к нам в поздний час, — говорит Рами, — чтобы проверить, как идет подготовка других войск, хотя это вовсе не относилось к сфере его ответственности. Характерная для него черта — ему было важно знать, что происходит в параллельной системе. Тут я впервые и увидел Йони перед операцией. Мы похлопали друг друга по плечу, поговорили, спросили друг у друга как дела. Встретились-то всего на минуты три-четыре, но ты успел почувствовать — это крепкий еврей. И еще почувствовал: на плечах его лежит весь мир».

Ночью после многочисленных телефонных звонков было решено, что Часть получит от командования пехотно-десантными войсками бронетранспортеры «рам» израильского производства. Только эта бронированная машина могла поместиться в «геркулес». Телефонные разговоры получались вымученными, так как Йони распорядился: собеседник не должен знать, что Часть готовится к операции по освобождению заложников в Энтеббе. Он не разрешил телефонисткам давать солдатам телефонные линии для звонков домой, чтобы кто-нибудь ненароком не проговорился. Рано утром Амицур, офицер по военному снаряжению, и Израиль, ответственный за боевой транспорт, отправились с несколькими водителями на базу, чтобы доставить оттуда бронетранспортеры. Одновременно Йони держал про запас возможность использовать «лендроверы» для дальней обороны. В Части тогда еще не знали «рама», который был новичком в армии, и, прежде чем окончательно решить взять его, Йони хотел проверить бронетранспортеры и убедиться, что они в порядке.

Тамир в это время был занят координацией между разными инстанциями и ближе к утру поехал в Генштаб, чтобы принять участие в налаживании средств связи для операции. Ави съездил ночью на разведывательную базу для получения дополнительной информации. В частности, он встретился там с людьми, когда-то служившими в Уганде, которые были опрошены. На этой стадии разведка всячески стремилась получить любую дополнительную информацию о летном поле.

К утру в Часть вернулся Эхуд и прошел в кабинет Йони. Он явился из Кирии, куда поехал ночью, оставив Йони в его кабинете. В Кирие, уже располагая предварительным вариантом плана, разработанным в Части, Эхуд с людьми из авиации и из

других родов войск готовил план взаимодействия между наземными силами и авиацией. Сразу после этого, в час ночи, Эхуд и Дан Шомрон поднялись в кабинет главы правительства. Вместе с ними туда пришел и майор авиации Идо. Они должны были представить Рабину план операции. Был там и Мота Гур, встретивший их у входа в кабинет. Он попросил показать ему план. «Мы разворачиваем перед ним карты на столе и начинаем по порядку показывать отдельные части плана, и до Мота постепенно впервые доходит, что, по сути, существует операция, в настоящих условиях реальная… И Мота говорит: о'кей, оставьте мне это дело. Я представлю его главе правительства. Возвращайтесь к работе»[38].

Идо вспоминает, что, когда они спустились вниз, на улицу, глазам их предстала такая картина: в Кирие была «полная темнота. Единственная машина на стоянке снаружи — та, на которой мы сюда приехали. Никакого сравнения с тем, что происходит во время самой небольшой операции в Ливане… когда весь свет горит и все работают. А тут в операции задействована только небольшая группа людей, которые падают с ног… и это наглядно демонстрирует тот факт, что Генштаб все еще не относится серьезно к этому делу».

Закончив свои дела в Кирие, Эхуд, как сказано, поехал в Часть. На этом этапе Шомроном было определено, что Эхуд должен командовать действиями у старого терминала. Это означало, в сущности, командовать бойцами Части, то есть с точки зрения иерархии Йони был в этом случае ему подчинен. Такое назначение Эхуд получил от Дана Шомрона еще в полдень того дня, когда Йони только начал входить в курс дела. Шомрон рассказывает, что причиной назначения Эхуда было то, что Йони он почти не знал, а Эхуда знал хорошо и на него полагался. Йони был недоволен решением Шомрона. Хотя во всем, что касалось действий Части в операции, Йони был определяющей инстанцией — он руководил заседанием по планированию в Части, принимал решения по различным пунктам плана, инструктировал бойцов, наблюдал за тренировками, он отдаст в момент операции команды бойцам, — но на деле существовала вероятность того, что Эхуд отберет у него командование операцией по освобождению или, по крайней мере, так это будет выглядеть. Эхуд, со своей стороны, не хотел упустить возможность командовать операцией такого огромного значения. «Кто не хочет командовать такой операцией?!» — выразился позже по поводу участия в ней Эхуда один из офицеров штаба Части.

Йони не собирался мириться с этим. Отряд на месте боя будет целиком состоять из бойцов Части, и Йони, в качестве ее

командира, считал, что командовать должен только он. Услышав в начале дня от Муки о роли Эхуда, Йони сказал: «Не вижу никакой другой возможности, кроме той, что я буду командовать действиями Части»[39]. С готовностью принимая советы Эхуда. которого он глубоко уважал, Йони, однако, был полон решимости не допустить, чтобы Эхуд командовал бойцами части, хотя бы и в качестве высшей инстанции.

Тамир, войдя еще раньше вечером в комнату Йони во время заседания группы планирования, почувствовав что Йони не очень рад присутствию Эхуда у себя в кабинете. Он это уловил с ходу, по взгляду Йони и по его поведению; однако другие командиры ничего такого не заметили.

Теперь Йони и Эхуд сидели вдвоем, и несомненно, хотя, возможно, и в скрытом виде, в их отношениях чувствовалась напряженность. Эхуд прошелся с Йони по всему плану и дал, со своей стороны, ряд советов. Будучи всецело занят подготовительными и координационными работами в Кирие, он ими не ограничился. По своему обыкновению, а также и потому, что ответственность за главную часть операции лежала в тот момент на нем, он хотел проверить по мере возможности деятельность Части, а не только «наблюдать» сверху и давать руководящие указания. И действовал так, несмотря на то, что мог положиться на Йони, которого хорошо знал.

Посмотрев план, Йони и Эхуд сели в машину Эхуда и поехали домой. Они жили в одном доме — Йони этажом ниже Эхуда.

До возвращения на базу у Йони оставалось час-два сна. На обеденном столе он оставил для Брурии четыре листка из блокнота, где писал ей перед этим на той же неделе о своих душевных проблемах.

Письмо полно грусти, но в конце слышится также некоторая надежда на будущее.

«Я верю в тебя, в себя, в нас обоих, — писал Йони, — верю, что нам удастся прожить нашу молодость, тебе — твою молодость и жизнь, а мне — мою жизнь и искру моей юности.

Все будет в порядке».

Это будут последние записанные им мысли.

Глава 3

Мы находимся в доме семейства Бармейеров. Я выхожу из гостиной, где моя мать беседует с Мартой и Цви и отправляюсь на поиски улизнувших от меня братьев. Захожу в комнату Бари в конце коридора — там жил Йони во время срочной службы — и нахожу их обоих, Йони и Биби, сидящих на кровати. Бари нет, он уже уехал в Италию изучать медицину. Йони тоже студент — изучает математику и философию в Еврейском университете после одного учебного года в Гарварде.

Что-то заговорщическое есть в том, как вскинули они головы в направлении двери. Я прошу объяснений, и Йони говорит мне, что подумывает о возвращении в армию, в часть Биби; при этом берет с меня слово хранить молчание.

— Скажи ему, пусть глянет в мой послужной список, — продолжал Йони разговор с Биби, — думаю, после этого он будет не против взять меня.

— Не против? Да Узи тут же тебя выхватит, — говорит Биби. — В этом-то вся и «беда», — добавляет он. В голосе Биби не слышно энтузиазма.

После этих слов брата Йони приободрился, словно не заметил ничего особенного в его тоне.

— Скажи, что, если ему нужен офицер — а ты отказываешься идти на офицерские курсы, — я пойду вместо тебя.

— Мне кажется, ты не вполне понимаешь, на что идешь, — говорит Биби, — ты будешь старше других офицеров на той же должности, и вообще… Это неподходящая должность для женатого человека. Редко будешь вырываться домой.

— Биби, я знаю, чего я хочу и на что я иду. Передай ему все, что я тебе сказал, и про мой послужной список тоже.

Но Биби продолжает свое: «Возвращайся в армию, если хочешь, но на более высокую должность. А должность командира отряда — в твоем возрасте, с твоим опытом — тебе не подходит. И вообще, Часть…» И Биби не кончает фразы, словно сам не вполне понимает, в чем смысл его сомнений. Постепенно, видя волнение Йони, Биби заражается им и начинает обсуждать с братом возможности его будущей карьеры. Но есть в его оживленной речи что-то принужденное. Я, младший, весь в волнении от происходящего — от произносимых полушепотом слов и от того, что я впервые слышу.

Прежде чем присоединиться к «взрослым», Йони просит нас не рассказывать о его намерениях никому, в том числе и его жене Тути. «Когда решу окончательно, тогда и скажу ей, — объясняет

он нам, — а до этого нет смысла ее беспокоить». Мне, шестнадцатилетнему подростку, все же странно слышать такое от женатого человека. Правда, я знаю эту его черту — самому решать все, что для него важно, — но его слова режут мне слух.

* * *

Йони давно уже снова в армии, я тоже, мы идем с ним в военной форме по Иудейской пустыне. Солнце жжет нам голову, пот заливает тело. С нами еще двое солдат, членов отряда. Иче, в восторге от присутствия Йони, прибавляет шаг. С канистрой воды на спине он идет так быстро, словно ничего особенного в этом нет. Я уже вымотан и выжат после похода одиночек в Галилее, продолжавшегося две предыдущие ночи. Ну почему я не могу спать, как другие, когда выдается такая возможность, лежа в оливковой роще или в зарослях эвкалиптов? Почему их не будят ползающие по лицу мухи, жесткие комья земли под спиной? Йони полон удовольствия от марша — от физического усилия, от первозданного пейзажа и, главное, мне кажется, от самой ходьбы вместе с молодыми солдатами. Я вижу, что ему тоже тяжело на этой жаре. Время от времени мы останавливаемся попить из фляжек и говорим вчетвером об окружающем пейзаже, о марше, об иссушающей жаре. «Когда идешь по адской жаре, — говорит Йони, — совсем невыносимой, намного тяжелее этой, то ищешь самого ничтожного клочка тени, чтобы на минуту передохнуть. Даже несчастной колючки, чтобы сунуть под нее голову, лишь бы прикрыла глаза».

Пришла моя очередь нести канистру, и я начинаю слегка отставать. «Ты оказался в пустыне с кем-то вдвоем, и на двоих у вас только одна фляжка с водой», — поставил как-то раз Биби перед Йони известную дилемму. Мы все трое были тогда детьми и стояли в нашем закутке дома. «Каждому, чтобы спастись, нужно выпить всю воду из фляжки. Он не может поделиться с другим человеком. Что бы ты сделал? Сам бы выпил или отдал другому?» Йони ответил не сразу. Через минуту сказал: «Зависит от того, кто этот другой человек. Если Идо, например, я бы отдал ему воду». Я смотрел на своего старшего пятнадцатилетнего брата и знал: он так бы и сделал.

Иче на минуту обернулся. «Дай канистру, я потащу», — крикнул он мне.

Передернув плечами в знак отказа, я бегу вперед, чтобы их догнать. Наконец, когда Йони предлагает свою помощь, я отдаю ему ношу.

Мы приходим первыми к финишу под Масадой. Израиль, сопровождавший Йони в машине, уже приготовил большой бак с холодной водой и кучу чипсов. Я сижу и пью из большого стеклянного стакана — одного из тех, что мы увели из ресторана на площади Дизенгофа, куда ходили обычно во время увольнительных. Раз за разом я черпаю холодную воду из бака и, опрокидываю в рот; кажется, невозможно восполнить нехватку воды. Мы сидим впятером вокруг бака и едим чипсы. Картошка — вкуснейшая, через какое-то время Израиль напоминает, что надо оставить и тем, кто придет после нас. Тень скал уже покрывает нас и склон, обращенный к водному зеркалу Мертвого моря у его подножия. Остальные еще не прибыли, и я вполне доволен. Йони кончил есть и пить, оставил нас и уехал с Израилем на базу. Мы остаемся еще на один день тренировок.

* * *

Эйн-Фит на севере Голан, где мы расположились для учений на застроенной территории. Уже второй раз мы там, и на этот раз учения сложнее, чем прежде. Покинутое селение очень живописно; разросшаяся трава придает ему особое очарование. Дома пустуют уже почти четыре года, с тех пор, как их оставили проживавшие там сирийские офицеры. Улицы стекаются по уклону к маленькой площади. В центре ее — источник, обрамленный глыбами черного базальта, который используют здесь и при строительстве домов и оград. У нас есть немного времени для отдыха, и мы укладываемся вокруг источника, ополоснув потные лица прозрачной водой. Просторы Северных Голан расстилаются перед нами; немного выше нас селение Заура, тоже оставленное и заброшенное, а на некотором отдалении, под нами, на одной из вершин, стоит замок крестоносцев «Крепость Нимрода». Влажную кожу лица обдувает бодрящий ветер. В эту минуту, обозревая окрестности с высоты плато, я чувствую себя как бы властелином всей страны.

Йони приезжает на итоговые недельные учения. Я — командир звена отвлекающих сил на одном из учений. После инструктажа нашего командира, перед началом учения, Йони тоже делает несколько замечаний. Среди прочего он говорит об отвлекающих силах. «В отношении отвлекающих сил существует важный принцип, — подчеркивает Йони. — Они должны быть готовы действовать немедленно и при любых условиях, чтобы защитить главный отряд, даже если атака на главный отряд не предвиделась и происходит преждевременно. Отвлекающие силы

должны прикрывать его огнем без задержки, даже если сами они еще находятся в движении и окончательно не остановились». В начале учения мой командир напоминает мне то, что сказал Йони, и я понимаю, что они собираются атаковать главный отряд в то время, как я продвигаюсь к своей позиции. Я бегу со своим звеном по улице. Атака, как ожидалось, произошла преждевременно, и я немедленно открываю огонь. Само учение, как и в большинстве случаев, схематично, но его урок крепко врезался в память.

В тот же день мы участвуем в другом учении — в захвате группы домов. Я действую небрежно — спина прямая и открытая, движения медленные, неуклюжие. Йони делает мне выговор вместе с другими, не выполнившими как следует задания, и показывает сам, как надо пересекать внутренний двор между домами, чтобы ворваться в здание, находящееся на другой стороне двора. В первый раз в жизни я вижу, как действует человек, у которого военное искусство, что называется, вошло в плоть и кровь и сквозит в каждом его движении. Власть его над своим телом абсолютна. Гибкими и быстрыми движениями он прыгает из окна во двор, стреляет под защитой полуразрушенной стены и перебегает, согнувшись, из-под широкого окна к порогу второго дома, куда врывается со стрельбой. Все продолжается считанные секунды. «Так это делается», — говорит он нам, стоя против нас и переводя дыхание.

* * *

Нас собрали на лужайке перед жильем офицеров возле небольшого барака, служащего военным ларьком. Мы — это очень большая группа, которая вскоре надолго окажется в секторе Газы для участия в последней стадии разгрома террористов, предпринятого Ариком Шароном. Йони, командующий нашими силами, которые отправляются в Газу, привел к нам многоопытного офицера парашютных войск, который недавно побывал там, чтобы тот рассказал о своих впечатлениях. Посреди лекции офицер вспомнил о каком-то эпизоде и стал высказываться против кого-то из служивших в Газе: «Слушай, — обратился он к стоящему в стороне Йони, — не верь ни одному их слову. Ни одному слову. Я вот тебе расскажу…» Мы приготовились услышать что-то пикантное (в сущности, сплетни командиров между собой!), но Йони такого рода разговоры, в особенности в нашем присутствии, явно были противны. Немного смущенно он оборвал офицера посреди фразы, пытаясь вернуть

его к теме лекции. «Это сейчас не важно», — сказал он почти извиняющимся тоном, поскольку офицер всего лишь хотел нам помочь.

Через неделю-две, в секторе Газы, Йони проводит с нами инструктаж. Время послеполуденное, мы сидим в жаркой комнате на военной базе в городе Газа. Это не первая наша акция в секторе, но на этот раз она будет гораздо более широкого охвата, чем все предыдущие. Йони сидит над чертежом объекта и объясняет нам план вторжения в большой дом в лагере беженцев; есть подозрение, что там прячутся террористы. Мы толпимся вокруг него. Я впервые принимаю участие в действии, требующем настоящего планирования, и поражен тем, какое множество деталей учитывает Йони при подготовке небольшой атаки в зоне, находящейся под нашим контролем. Акция под его командованием планируется на ту же ночь. Он объясняет нам расположение сил, то, как должны мы продвигаться, чтобы одновременно охватить дома семейного клана с разных сторон, а также способ проникновения в здание. Каждая из частей операции растолковывается, во избежание недоразумений, во всех подробностях. Делает он это просто; деталь за деталью, словно занимается этим десятки лет. В краткие промежутки времени между одной и другой темой он порой на минуту обращается к записям в своем блокноте, и губы его сжимаются — хорошо знакомая мне привычка, проявляющаяся всякий раз, когда он о чем-то серьезно думает или на чем-то сосредоточен. Вот губы его смягчились, и он переходит к подробному изложению следующей стадии. А у меня на губах мелькает улыбка гордости.

* * *

Днем он появляется у нас в доме. «Мне придется у вас какое-то время пожить, — сообщает он нам, — у нас с Мири все кончено». В тот же день он переносит к нам свои немногочисленные вещи из квартиры Мири, где жил в последние месяцы, и поселяется в маленькой комнате в глубине нашей квартиры. Среди принесенных им книг — небольшая армейская брошюра с описанием составных частей танка.

Назавтра он возвращается в армию, на курс переподготовки танкистов. Курс он кончил с отличием и после этого получил должность командира танковой роты на Голанах, в сирийском анклаве, захваченном во время войны Судного дня. Там идет война на истощение с сирийцами, и он лишь изредка приезжает в Иерусалим и ночует в нашей квартире.

«В данный момент я полон спокойствия, — пишет он из анклава Тути, своей бывшей жене, с которой не переписывался несколько лет, — нечто вроде полнейшего мира с самим собой. Драгоценная минута покоя в канун субботы, в половине шестого вечера.

Снаружи еще светло. Я сижу на стуле у палатки, а передо мной шеренга моих танков. Позади из палатки вырывается музыка, а в руке — книга, которую я, не читая, лениво держу двумя пальцами открытой.

День прошел без серьезной стрельбы, я даже успел помыться в полевом душе. Вчера снаряд попал прямо в столовую и уничтожил ее начисто, вместе с кухонной пристройкой.

Только что прошел со счастливой улыбкой мой заместитель: „Шабат, а?“ Минуты эти стоит увековечить, и у меня пробудилось желание написать тебе письмо.

Скоро сяду в джип и отправлюсь домой. Прошел ровно месяц, как я получил роту, и с тех пор был дома только один раз на двадцать четыре часа. Интересно, что сейчас я даже потребности не чувствую уехать, и, по правде говоря, мне совершенно неясно, куда ехать. Жаль. Невредно было бы мне иметь кого-то, к кому можно возвращаться.

Обычно тут идет самая настоящая война. Хоть и не такая, как уже известные нам войны, но все же можно запросто наделать глупостей и дорого поплатиться. Рота расположена на довольно критическом участке и очень хорошо делает свою работу.

Несколько дней назад я долго думал о тебе, и сердце мое сжалось. Интересно, что каждый раз, как я о тебе размышляю, я вспоминаю именно те минуты, когда доставлял тебе огорчение и боль, и заново сожалею о них и о недостатке понимания с моей стороны. Не то что сегодня я способен был бы на понимание, но в перспективе вещи получают иной вес».

Сам я сейчас изучаю медицину и крашу квартиру, и Йони, во время короткой паузы в Иерусалиме, в передышке между обстрелами на Голанах, помогает нам сдирать со стены масляную краску. Он с энтузиазмом зовет нас посмотреть на разработанный им способ сдирания, и мы видим, что вместе с краской слезает также слой штукатурки. Бурлящая в нем радость жизни выливается наружу в его широкой улыбке. Но в то же время подо всем этим чувствуется глубокий, скрытый от глаз слой грусти и одиночества. Я знаю, что теперь одиночество его еще сильнее, чем прежде, и проистекает оно не только от того, что у него нет дома, жены и ребенка. Оно было его долей всю жизнь, даже и в бытность «популярным» среди сверстников подростком в гимназии и в движении «цоцим». Потому что источник

одиночества — в его стремящейся ввысь и всему изумляющейся душе, такой отличной от всех прочих.

Война на истощение закончилась через несколько недель после того, как Йони стал командовать остатками танкового батальона, почти полностью уничтоженного во время войны Судного дня. Анклав возвращен Сирии, как и Кунейтра, и Йони весь поглощен созданием батальона заново, почти с самого начала. По тому, как он о нем говорит, я понимаю, сколько удовольствия доставляют ему танковые войска, как велик его успех, и как его ценят там, и что его там ждет, пожелай только он остаться. Но Йони настойчиво стремится вернуться в Часть, завершив свою работу командира танкового батальона.

Приехав к нам вскоре после получения командования частью, он напоминает мне, что я не был на церемонии смены командиров. Я не пытаюсь оправдаться и даже не рассказываю, что был там в тот день. Вместо этого я спрашиваю, как идут дела в Части. «Будет порядок», — отвечает он кратко, не входя в подробности. Хотя слова его выражают свойственный ему оптимизм, но в голосе — некоторая сдержанность, за которой что-то скрыто; а может, это только мое воображение, проецирующее на его голос мое беспокойство.

Глава 4

Подумать только, что все это дело подготовлено всего за полтора дня… что развернули, такую деятельность, операцию такого охвата, такой сложности, как в Энтеббе, — это поразительно.

Гиора Зусман, офицер Части

Амир прибыл в Часть на попутных машинах рано утром в пятницу, после бессонной ночи. Когда в полночь ему позвонила секретарша Йони и сообщила, что он должен явиться утром в Часть, он что-то заподозрил. «Едем далеко?» — спросил он ее.

«Очень далеко», — ответила она, и Амир понял. Он был в числе бойцов, недавно отправленных в преддемобилизационный отпуск, и полагал, что, как старым солдатам, ему и его товарищам достанутся первые места в атаке. В голове его промелькнули воспоминания о предыдущих освободительных операциях, случившихся за время его службы в Части, — от резни в Маалоте через Бет-Шеан, Нагарию и до отеля «Савой», где погиб боец его отряда Итамар Бен-Давид. В том же бою погиб полковник Узи Яири, из первых командиров Части, который был тогда в армии в штабной должности и присоединился к группе в качестве замыкающего. От размышлений о том, что его ожидает, он не мог уснуть. Наутро, приближаясь к лагерю, Амир увидел, что там происходят большие приготовления. Различив у ограды построенный утром макет из брезента и белых целлофановых полос, предназначенных для разметки помещений старого и нового терминала, он убедился, что правильно понял, для чего его вызвали.

Войдя на территорию Части, Амир наткнулся на Амнона Пеледа, своего командира, который прибыл сюда еще прошлой ночью. Амнон не был пока посвящен в подробности плана, но уже имел какое-то представление о задании. Он тоже считал, что окажется со своими бойцами во главе отряда, хотя до сих пор точная расстановка сил не была ему известна. Амир старался вытянуть из Амнона подробности.

«Готовится операция ЦАХАЛа по освобождению захваченных в Энтеббе, — сообщил ему Амнон. — Часть — острие копья, а наш отряд — его кончик, кончик острия».

Возможно, сказанное Амноном прозвучало с ироническим

драматизмом, но Амир воспринял его слова вполне серьезно. «Услышав, я очень испугался… Ощутил, что это очень тяжелое бремя. Тот, кто говорит, что не пугается в такие минуты, тот или очень смел, или очень глуп. Меня это очень напугало». Как выяснилось, его страх был оправдан. Амнон со своими бойцами действительно будут кончиком острия, а сам Амир будет тем, кто первым ворвется в зал с заложниками.

Отойдя от Амнона, Амир разыскал молодого солдата, которому оставил свой патронташ перед уходом в отпуск. Получив назад свой старый добрый патронташ, он зашел на склад, чтобы взять под расписку многочисленные дополнительные обоймы — столько, сколько мог вместить патронташ, — и другие части снаряжения, какие могли понадобиться. На складе возле стола уже толпился народ; весь этот день солдаты будут брать предметы снаряжения по подготовленному для них списку.

Получив на руки разные вещи, которые он по заведенному порядку просил, Амир с минуту их рассматривал. Заметив, что держит в руках светосигнальный индикатор для вертолетов, он вдруг впервые совершенно ясно понял, в чем состоит их задание. «Летим в Уганду, за кудыкины горы, а я прошу индикатор! — сказал он себе. — Какой вертолет прилетит, чтобы нас оттуда вызволить?» Он вернул индикатор кладовщику и с грудой вещей в руках пошел в одну из расположенных поблизости жилых комнат, чтобы привести в порядок патронташ, пока не позвали на инструктаж и тренировки.

Тем временем Йони отдал офицерам Части краткий «предупредительный приказ». Некоторые из них не присутствовали на его инструктаже, проходившем прошлой ночью в мемориальной комнате, и сейчас в первый раз слышали в общих чертах план операции. Он снова объяснил цель операции и пути ее достижения и добавил подробности из тех, что обдумал, сидя в одиночестве у себя в кабинете, когда все ушли спать. Одним из пунктов в плане Йони было то, что его командное звено первым ворвется вместе с ним в главный вход зала, где содержатся заложники. Напрасно офицеры убеждали Йони, что ему не место среди атакующих и что ему с его командным звеном следует держаться поодаль. Кое-кто из бойцов тоже говорил об этом с Йони, разыскав его утром вне кабинета. «Мы же опытнее твоего звена в части владения оружием и всего прочего, потому что беспрестанно тренируемся».

«Но Йони настоял на том, что будет в атакующем звене, — рассказывает Шломо, один из солдат, говоривших об этом с Йони, — в особенности потому, что предполагалось: Барак

останется снаружи как своего рода сверх-КП». Проникновение в помещение — это решающий момент операции по спасению заложников. Боец врывается внутрь него, не считаясь с элементарными правилами ведения войны на застроенном пространстве, обеспечивающими ему некоторую защиту, он не бросает гранату и не поливает огнем помещение из окна или двери перед тем, как проникнуть в него: уже находясь внутри, он, прежде чем открыть огонь, старается понять, кто террорист, а кто заложник; стреляет он прицельно, выборочно, чтобы не задеть своих. «Это почти самоубийственный бой, — объясняет один из офицеров части, — ты заведомо исходишь из того, что твоя левая рука связана». Йони знал, что этот момент мог решить судьбу всего боя, даже если все прочее — приземление, продвижение, обман угандийцев — пройдет безо всяких сбоев. Здесь промедление — катастрофа. Из-за беспрецедентно большого числа заложников количество убитых на этот раз грозит намного превысить даже количество жертв во время прорыва в школу в Маалоте. «Йони на эту тему никого не хотел слушать. Наверное, он думал о важности личного примера»[40]. Значение его решения в личном смысле не осталось непонятым бойцами. «У Йони были все основания там, в атакующем звене, не быть. То, что он сам себя туда назначил, по собственной воле выбрал себе такую опасную роль — для этого требовалось настоящее мужество или, по крайней мере, в высшей степени развитое чувство ответственности»[41].

В конце приказа назначался этим же утром, но позже общий инструктаж для всего отряда. Офицеры разошлись, чтобы определить задания своим людям и начать тренировки.

Отдав указания, Йони вместе с некоторыми штабными офицерами поехал на соседнюю базу, чтобы выслушать «общий приказ» Дана Шомрона, находившегося там со своими людьми. В инструкторской собрались все командиры вспомогательных сил, включая Матана Вильнаи, который будет командовать парашютистами, и Ури Саги из Голани. Матан помнит, что Йони вернулся позднее, — Шомрон уже начал инструктаж. Шомрон представил общий план операции — высадка из «геркулесов», захват силами Части старого терминала с окружающей территорией, захват парашютистами нового терминала и контрольной башни и охрана солдатами Голани самолета во время эвакуации заложников. «Мы слушали представленный Даном Шомроном общий план, который действительно уже предусматривал после всех сделанных накануне замечаний и поправок значительную экономию и в живой силе, и в количестве самолетов, в той колоссальной массе всего, что было

запланировано поначалу»[42].

Дан Шомрон приказал командирам вспомогательных сил представить за утро собственные планы, после чего Йони со своими командирами вернулся в Часть. К ним присоединился офицер разведки Дана Шомрона Амнон Б., командовавший до этого много лет разведкой Части, чтобы оставить восьмимиллиметровые фильмы местного производства. Прошлой ночью во время совместного совещания командования пехотно-десантными войсками и авиацией к Амнону обратился специалист по заправке самолетов и сообщил номер телефона ротного старшины, который служил когда-то в Уганде. «У него есть кинопленки аэродрома», — сказал он Амнону. В ту же ночь Амнон сходил домой к сержанту, от которого услышал, что да, действительно, у него есть два фильма, снятые в Энтеббе в разное время: один — при вылете Иди Амина с визитом в Израиль, и второй — при посещении Уганды Папой Римским. Амнон забрал оба фильма вместе с кинокамерой и даже от удлинителя не отказался.

Эти фильмы, которые сейчас демонстрировались перед Йони и другими офицерами, были сняты со старой контрольной башни. «Картина устрашающая. Пятиэтажная башня полностью, контролировала всю площадь, особенно входы в старый терминал»[43]. Утром Амнон Б. показывал Матану Вильнаи видеофильм, снятый для телевизионных новостей, в котором на мгновение появлялся новый терминал. В первый раз Матан получил какое-то представление о том, как выглядит здание, которое должен захватить его отряд парашютистов. Матан тоже посетил Часть, а кроме него время от времени туда являлись другие «посторонние лица», чтобы получить информацию, поскольку самые последние и точные сведения об аэродроме Энтеббе сосредоточились там.

В кабинет Йони непрерывно приходили и выходили из него офицеры, телефонная лихорадка не прекращалась ни на минуту. Зашел в его кабинет и Дани Даган. В свои сорок два года он считался в части «стариком», и несмотря на двенадцать лет разницы между Йони и им, а может быть, как раз благодаря ей они подружились. Но по-настоящему узнали друг друга во время войны Судного дня. Когда началась война, Дани приехал на север с тендером и просил взять его в часть, где раньше он несколько раз уже служил резервистом. Он напрасно ходил от командира к командиру, пока не добрался до Йони. «Я могу вам пригодиться со своим тендером», — сказал он Йони и удивился, когда тот согласился его взять. «Следуй за нами в машине, сколько сможешь, — сказал Йони, — а удастся проехать — тем лучше».

Каждый день Дани ездил в Рош-Пину и привозил провиант и снаряжение. «Отряд Йони с шести утра уже сидел в полной боевой готовности на бронетранспортерах, в стальных касках, — рассказывает Дани. — Выезжали они раньше всех, а возвращались вечером последними. Делали точно то, что надо, и это было там большой редкостью. С того времени у меня с Частью возникла более реальная связь».

Через два года, за которые на его пути нагромоздилось много трудностей, Дани удалось с помощью Йони включиться в работу Части в рамках сверхсрочной службы. Его специальностью было обучать войска использованию транспортных средств.

Дружба Дани с Йони началась с тех пор, как он появился в доме Йони однажды в субботу, чтобы обсудить с ним возникшую в Части тяжелую проблему, которую хотел довести до его сведения. «С того дня, как между нами состоялся этот разговор, у меня появилось чувство, что это — необыкновенный человек», — говорит Дани. Вскоре отношения между ними стали еще тесней, включив также жену Дани и подругу Йони. «Я ему рассказал о себе больше, чем он мне. Не знаю, насколько он был ко мне привязан, часто ли думал обо мне и что я ему дал. Не знаю, каков между нами был баланс. Я довольно часто, насколько это возможно было в Части, виделся с ним. Мы вместе отдыхали, вместе пили, вместе ужинали. Я себя очень хорошо чувствовал в его обществе. Он был очень образованным человеком, знал гораздо больше моего, а я, с другой стороны, многое черпал из опыта. У него все было глубже. Мы были очень разными… Но я нашел в нем нечто особенное, мне было хорошо, что рядом со мной такой человек».

Перед тем как зайти в кабинет Йони, Дани пошел к майору Шаулю Мофазу, командиру отряда круговой обороны. Они договорились, что Дани проведет краткий инструктаж об использовании бронемашин для их будущих водителей. Заодно сам осмотрит новые машины.

— Я хочу участвовать в операции, — сказал он под конец разговора Шаулю. — Хочу присоединиться к твоему отряду.

Шауль, хорошо знавший Дани по совместной работе в последний год, взглянул на стоявшего перед ним пожилого человека. Если во время операции понадобится идти пешком, подумал Шауль, ему это будет не по возрасту. И все же отказать Дани было Шаулю трудно, и он согласился. «Но Йони должен будет это утвердить», — предупредил он.

Дани застал Йони, сидящим в одиночестве у себя в кабинете. Перед ним на столе были навалены карты и документы. Йони продолжал отделывать план, сосредоточившись на новых

оперативных проблемах — например, на узкой дороге, связывающей городок Энтеббе с северной частью терминала. Дорогу обнаружили, изучая утром предоставленную в их распоряжение аэрофотосъемку, и на это требовалось дать ответ.

Йони поднял глаза от стола на вошедшего в комнату Дани,

— А сейчас надо решить серьезный вопрос, — сказал ему Дани, — о моем участии в операции…

«Йони смотрел на меня, — рассказывает Дани, — и не знал, что ответить. С одной стороны, я — близкий ему человек, с другой — у меня много детей, я уже не молод и отличаюсь от бойцов Части».

Дани искал способа убедить Йони.

— Это война всего народа, а не только операция Части, и поэтому ты должен меня взять.

Йони не знал, что ответить.

— Послушай, — продолжал Дани, — в области машин мне нет равных. Неважно, стар я или молод. Если что-то случится, я справлюсь наилучшим образом.

Йони посмотрел на Дани еще минуту и решился:

— Берем, — сообщил он наконец.

Дани с трудом подавил волнение.

— Как быть с вечеринкой моей жены? — выпалил он наконец, когда решилось главное. В этот самый субботний вечер планировалось праздновать день ее рождения.

— Предоставь это мне, — ответил Йони и попросил секретаршу связать его с женой Дани.

— Мне что-то нужно тебе сообщить, — сказал он, получив связь.

— Не собираетесь ли вы… — поняла она тут же.

— Ирена, обещаю, что в воскресенье мы с Дани закатим тебе такой праздник, каких свет не видывал…

Не дослушав разговора, Дани вышел из комнаты. Он поспешил убраться, чтобы не дать Йони времени передумать. С той минуты и до самой операции Дани старался держаться подальше от Йони, опасаясь, что вид его грузной фигуры и седых волос вызовет в Йони новые сомнения.

Участие в операции Дани, человека, который по возрасту и по должности не был профессиональным военным, хотя и обладал еще с синайской кампании большим боевым опытом, вызвало протест среди некоторых бойцов Части, тем более что включение в список Дани означало исключение кого-то из них. Яростная борьба за право участвовать в операции не прекращалась. Что касается бойцов и боевых офицеров с большим стажем, тут ситуация была ясна — им оказывалось предпочтение перед

другими; не возникало вопросов и в отношении молодых бойцов, им, по-видимому, суждено было остаться дома. Борьба велась вокруг солдат, находившихся между этими двумя полюсами. Кому-то из них выпало участвовать в операции, кому-то нет. Командиры поднимали шум, ратуя за своих солдат, и непрерывно обращались по этому поводу к Йони. Поскольку никто из них не допускал, что есть хотя бы малейший шанс на то, что операция состоится, все это было похоже на абсурд. Все как один считали, на этой стадии в пятницу, что никто в верхах не посмеет утвердить такую операцию. И тем не менее жаждали включить в нее каждого пригодного солдата: а вдруг, несмотря ни на что, дело сделается, и каково тогда будет тому, кто упустит фантастический шанс, который выпадает раз в жизни?

«Мы все время донимали Йони насчет участия бойцов. Это было ужасно, — рассказывает Омер, один из командиров, — помню, в какой-то момент он на меня заревел: „Убирайся с глаз моих, не желаю больше тебя слушать!“ Тогда я применил обходной маневр. Обратился к Шаулю. Хочешь, говорю, чтобы этот боец (из другого, не моего звена) был у тебя в бронетранспортере? Рекомендую тебе, это серьезный боец, ты его знаешь по моему звену. Он ответил: давай — и так еще один мой боец попал!»

Нетрудно понять поэтому, как все расстроились, узнав, что включают Дани, а также и штабных офицеров. Среди них был Йохай, офицер по планированию военных операций Части. Тоже сравнительно немолодой, тридцати шести лет, ветеран войн Израиля. До прихода в Часть был завхозом у себя в кибуце, но собирался вернуться в армию и пройти переподготовку из пехотинца в танкисты. Его возвращение в вооруженные силы было связано со смертью трех его близких друзей, членов кибуца, командиров рот, убитых в войну Судного дня. За несколько месяцев до переподготовки, в начале лета 1975 года, ему позвонил Йони, который, как видно, слышал о Йохае от кибуцника, служившего в Части. «Мы встретились в Кирие и поговорили. Он задал мне несколько вопросов, я ответил. Я рассказал ему, где служил, что делал и что делаю сейчас. Поговорили о том о сем. Йони мне сказал, что у него есть несколько претендентов на должность, четверо или пятеро, и что через две недели он со всеми поговорит и решит, кого взять. Он объяснил, что собирается заменить Г., что создает штаб (я тогда еще не знал, о чем речь), что ему не хватает людей. Через две недели он позвонил и сказал, что я принят».

Йохай дал подписку прослужить в регулярной армии год. За два-три месяца до конца года Йони попросил его остаться в

должности еще на год. «Я вижу, как ты тяжело здесь работаешь, — сказал ему Йони, — вижу, что ты почти не бываешь дома. Я понимаю, как это трудно для семьи, и постараюсь в дальнейшем облегчить твое положение». Йохай объяснил, что получает удовольствие от каждой минуты службы и не нуждается ни в каких поблажках. Он согласился продлить срок службы, но при одном условии — что Йони включит его в те операции, для которых, по его мнению, он, Йохай, подходит. Йони пообещал.

Йохай знал, что бойцы бывают недовольны самим фактом участия людей из штаба в боевых действиях. Он столкнулся с этим в прошлом, при подготовке акции в Ливане. Йони тогда решил, что звено, назначенное влезть на крышу и атаковать вражескую позицию, будет состоять из штабных офицеров. Посреди совещания в комнате для инструктажа Йони позвали к телефону, и, когда он вышел, Йохай услышал, что солдаты ропщут по поводу состава того звена. «Вот постреляют в вас тем, чем стреляли в меня, тогда поговорите, — без церемоний обратился к ним Йохай своим хрипловатым голосом, — а пока в вас стреляли только холостыми патронами да деревянными пулями, считайте, что вы пороха не нюхали. Так что нечего воображать себя мужчинами».

Йохая включили в качестве пулеметчика в бронемашину Шауля, рядом с Дани Даганом, водителем. Занятый лихорадочной работой по всякого рода координации, которую он должен был выполнить за день, Йохай старался также не пропускать учений.

В часть уже прибыли бронемашины, доставленные с места их стоянки Амицуром и Израилем. Начались их проверка и оснащение. В бронетранспортерах установили разные средства связи и за день загрузили туда многочисленные боеприпасы и тяжелые орудия. Взяли противотанковые ракеты на случай столкновения с угандийскими танками, загрузили гранатометы. С ними в части не были знакомы, но Йони захотел их взять для усиления огневой мощи отряда, и в течение дня бойцы прошли краткий курс по обращению с гранатометами.

Поздним утром бронетранспортеры вместе с джипами перегнали в другое место, куда прибыли два-три самолета «геркулес». Это было сделано, чтобы начать тренировки по загрузке и выгрузке машин. Проверено, как загрузить три машины в первый самолет, и испытан оптимальный для этой цели способ связывания канатов. Попытались также погрузить машины в заправочный самолет, грузовое отделение которого было занято в основном большой цистерной с горючим, но очень скоро выяснилось, что это невыполнимо, и идея была отброшена.

Работа производилась вместе с летными инспекторами, которые и полетели вместе с бойцами в Энтеббе. Все это неоднократно отрабатывалось, чтобы сократить время при завязывании и развязывании еще на две-три минуты. Было важно и погрузку машин, и выгрузку произвести быстро, чтобы без задержки убраться из Энтеббе.

За группу самолетов на стоянке ответственным был майор Нати, заместитель командира эскадрильи, он во время операции поведет второй самолет. К своему удивлению, Нати встретил Амоса Бен-Авраама, молодого офицера из Части, члена того кибуца, где Нати вырос. До того момента Нати не знал, что Амос служит в Части, и из-за разницы в возрасте между ними, и потому, что уже давно оставил кибуц. «Вдруг вижу его — маленький, веснушчатый, заходит в мой самолет… подымается с джипами и с ними спускается». Естественно, они разговорились, но разговор их вращался исключительно вокруг кибуца. Ни слова об операции; поскольку ни один из них не знал, подозревает ли другой, для чего все эти учения…

Йони тоже прибыл туда, чтобы выяснить, как идут дела, вероятно, по дороге в Кирию или на обратном пути. Как во многих других случаях за последний год, Йони должен был участвовать там в совещаниях. Раньше это было связано с другими заданиями Части. Йони не имел привычки оставаться в Кирие для того лишь, чтобы «осуществлять присутствие» и общаться с высоким начальством. «Он слишком много крутится в Кирие, — сказал он как-то Биби про одного из армейских офицеров, о котором тот спрашивал. — Знай, Биби: тот, кто так себя ведет, уже не командир, а политикан». В последний год, с тех пор как Йони принял командование над Частью, он все больше сталкивался с армейской «политикой», что только удручало его. Использование связей для продвижения по службе, всякого рода интриги — это было ему противно. Может, он в первый раз увидел своими наивными (в этом смысле) глазами коррозию нравственных норм в армии, и ему с его чистой душой было трудно это переварить.

В течение пятницы Йони несколько раз съездил в Кирию и обратно, чтобы представить вышестоящим инстанциям свой план и принять участие в заседаниях по планированию и подведению итогов.

* * *

В течение того же утра с министром обороны встретились

начальник Генштаба, глава разведки и глава Мосада. «Этот план выполним, — сказал Мота по поводу представленного плана действий, — но прежде чем его утвердить, следует выяснит степень риска».

Перес пишет в своей книге об этих словах Моты:

«Он имел в виду степень риска для заложников, а не для наших вооруженных сил. Мота опасался, что мы не узнаем, где точно расположена охрана. В большинстве операций, связанных с террористическими актами В Израиле и с освобождением заложников, мы располагали разведывательными данными».

Начальник Генштаба добавил: «Мы можем оказаться в ситуации, когда в отношении главной цели у нас нет данных. Риск на этот раз, — подчеркнул Мота, — больше любого риска, на который мы когда-либо решались»[44].

В десять часов утра начальник Генштаба встретился с главой правительства. «Начальник Генштаба в первый раз представил план действий, который мне показался в общих чертах разумным и выполнимым, — писал Рабин. — Я бился над двумя главными составляющими плана: как добраться до цели незамеченными и как побыстрей овладеть территорией, удерживаемой террористами и угандийскими солдатами, — прежде, чем они успеют убить заложников»[45]. Рабин отметил, что не согласился положиться на заправку самолетов в Энтеббе, а предпочел другой вариант: остановиться для заправки в Кении, даже не предупредив заранее кенийцев.

* * *

После возвращения Йони из Кирии и, насколько помнится, еще до большого инструктажа, проведенного им с бойцами части, была получена длинная шифрованная телеграмма, которую все ждали. Телеграмма основывалась на информации, полученной в Париже в результате опроса освобожденных заложников. Опрашивали заложников французские следователи, а также израильтяне. Телеграмма содержала описание залов, сведения о террористах и их числе, о расположении угандийцев внутри и снаружи здания и другие данные. Среди прочего в телеграмме было отмечено, что угандийские солдаты находятся метрах в пятидесяти от здания и в десяти — пятнадцати метрах друг от друга и что по крайней мере один раз солдат видели также и на крыше здания. Их число — шестьдесят — сто, а террористов не меньше десяти, а то и больше.

Ави прочел Йони содержание телеграммы, Йони записал в

тетради новые данные, которые посчитал важными. Внес, в соответствии с ними, несколько изменений в план операции. После этого оба вошли в комнату для инструктажа.

Зал был переполнен. Присутствовали на инструктаже, который состоялся около полудня, даже не участвующие в операции молодые солдаты. На сцене был представлен чертеж аэродрома и схематический план помещений и входов старого терминала. Предварительный состав вспомогательных сил уже был намечен.

Как любой инструктаж, этот тоже начался с обзора информации офицером разведки. Ави кратко изложил имеющиеся на данный момент сведения. Сто шестнадцать заложников содержатся в здании старого терминала аэропорта Энтеббе. В настоящий момент совершенно неясно, в каком из залов здания они находятся. Два дня назад захваченные евреи содержались в малом зале нижнего этажа, а остальные (их, за исключением экипажа самолета, тем временем уже освободили) были в соседнем, большом зале. Неизвестно, переведены ли оставшиеся заложники в большой зал или по-прежнему содержатся в малом. Не исключено, что они размещены в двух залах, хотя вероятнее, все заложники сосредоточены в большом зале, поскольку за ним легче следить благодаря внутренней лестнице в левой задней части. Низкая дверь между двумя залами, большим и малым, позволяет проходить, наклонив голову, из зала в зал. Человек семь — десять террористов, вооруженных пистолетами и автоматами, попеременно стерегут захваченных. Возможно, что террористы заложили в залах взрывные устройства, но вероятнее всего, судя по сообщениям, только что полученным от свидетелей в Париже, это бутафорские снаряды. Простой здравый смысл говорит о том, что армия Уганды не позволила бы заложить снаряды в нижнем этаже, в то время как выше этажом находятся солдаты. Само здание, судя по последним сообщениям, стерегут шестьдесят — сто вооруженных угандийских солдат, а по другим сообщениям, — гораздо больше. Они заодно с террористами. Возможно, что угандийцы расположились поясом по фасаду здания, на расстоянии десяти метров друг от друга, но возможно также, что будущей ночью, когда, согласно плану, совершится операция, большинство окажется в здании, на втором этаже.

К западу от главного здания терминала, почти вплотную к нему, продолжал Ави, контрольная башня, господствующая над окружающей территорией. К востоку от здания, на расстоянии около двухсот метров, находится военная база с угандийскими войсками в количестве одного-двух батальонов. Там же стоят «МИГи» угандийских военно-воздушных сил. К северной стороне

старого терминала подходит дорога, связывающая его с находящимся неподалеку городком Энтеббе. Городок расположен по большей части на холме, который возвышается над взлетно-посадочными полосами, и там находится дворец президента, охраняемый гарнизоном. Крайние дома городка, стоящие на южном склоне холма, граничат с летным полем и со старым терминалом. Вплотную к главному зданию с северной стороны примыкают десятки строений поменьше для обслуживания аэродрома. Захваченный самолет-аэробус стоит в конце диагональной полосы, к юго-востоку от здания терминала.

Ави закончил. Йони встал с места в первом ряду и поднялся на сцену. В руках у него была тетрадь, в которой утром он сделал записи для инструктажа, и, говоря, он в нее заглядывал. Он говорил энергичным, но спокойным голосом. При этом некоторые заметили, что лицо у него было очень усталое.

Йони подробно изложил план операции. Первым самолетом будут доставлены три небронированных машины — два джипа и еще одна машина, скорее всего, «мерседес». В двух других самолетах будут четыре бронемашины Части, по две в каждом самолете. Четвертый самолет предназначен для эвакуации заложников и для врачебных целей. Задача Части: завладеть старым терминалом, освободить заложников, уничтожив террористов, ликвидировать любую угрозу со стороны угандийских солдат, находящихся в здании или поблизости, предотвратить прибытие возможного подкрепления угандийской армии, погрузить заложников в четвертый самолет «геркулес» и обеспечить во время эвакуации безопасность остальных самолетов и вооруженных сил, пока все не покинут аэродром.

Главная задача — нейтрализовать немедленную угрозу со стороны террористов — будет выполнена отрядом, находящимся в первом самолете. Бойцы прибудут к старому терминалу в «мерседесе» и двух джипах, выгрузившись из самолета возле нового терминала. Йони объяснил идею уловки, связанной с использованием этих машин, а также пятнистой формы и зеленых фуражек, которые выдадут всем, кто поедет в машинах. Следует предположить наличие кольца угандийских солдат вокруг здания, поэтому необходимо попытаться отсрочить или предотвратить стрельбу с их стороны, которая может начаться, если они своевременно поймут, что к ним приближаются войска противника. Эффективный огонь со стороны угандийцев может задержать быстрое продвижение отряда к зданию. Если часовые прошляпят и дадут отряду пройти беспрепятственно — тем лучше. В этом случае ему удастся продвинуться почти до дверей терминала. Бойцы быстро выйдут из машин и проникнут через

разные входы в здание. Желательно при этом не бежать, чтобы не вызвать подозрений. Но если часовые что-то заподозрят или попытаются выяснить личность пассажиров, вначале будет сделана попытка нейтрализовать их с помощью огня из оружия с глушителями, а если придется, то и громкой стрельбой. Так или иначе, с момента обнаружения и открытия огня важнейшей задачей станет как можно быстрей достичь терминала и уничтожить террористов. В «мерседесе» будут сидеть два атакующих звена — по одному на каждый, большой и малый залы, где, вероятнее всего, окажутся заложники. Если в результате какого-нибудь сбоя джипы задержатся по дороге к зданию терминала, два звена в «мерседесе» продолжат движение в одиночку, и каждое из звеньев ворвется в предназначенный для него зал.

Йони перешел к подробному описанию атакующих звеньев и их задач. В отличие от других акций по спасению, планирование этой операции должно принять в расчет возможность того, что заложники содержатся не в одном зале, а в двух, а то и разбросаны по комнатам, силы противника тоже не сосредоточены в одном месте, а рассеяны по разным помещениям, а также находятся вне здания, возможно рядом с ним. Непосредственная опасность для жизни захваченных грозит не только со стороны террористов, находящихся вместе с ними, но также и со стороны тех, кто сторожит их с разных сторон. Во всех этих пунктах враг должен быть полностью обезврежен. Захват всех частей здания с прилегающей площадкой, на которую выходят залы с заложниками, надо произвести быстро и одновременно.

Трем звеньям определено первыми вторгнуться в залы с заложниками — по одному звену на каждый из двух входов в большой зал и звено для единственного входа в малый. Гиора назначен командиром звена, которое ворвется в малый, более отдаленный зал. Муки назначается не только заместителем Йони по операции, но и командиром звена, которое войдет через западный вход (первый со стороны вторжения) большого зала. Сам Йони будет командовать звеном, которое войдет через второй вход большого зала. Этот второй вход считался «центральным» по нескольким причинам: он был средним из трех, из него легче было осуществлять контроль над залом, чем из первого входа, откуда контроль был ограничен из-за примыкавшей к нему внутренней стенки, перпендикулярной наружной стене здания. К тому же рядом с этим вторым входом был проход к малому залу, он мог пригодиться звену Йони, если выяснится во время атаки, что большинство заложников или

часть их находятся в малом зале.

Четвертое, добавочное звено под командованием Амнона Пеледа останется снаружи как резервное. С самого начала планировалось, что это звено будет привязано к Эхуду Бараку. Отношение Йони к кандидатуре Эхуда на этой стадии было как к старшему командиру, находящемуся вместе с отрядом, но без определенных обязанностей. Возможно, его имени не было и в списке участников во время этого инструктажа. По всей вероятности, Йони намеренно оставил этот момент непроясненным. «Йони считал себя командиром своих бойцов, бойцов Части. Если Эхуд будет сидеть рядом как старший командир… пусть себе сидит, но Йони было совершенно ясно, что именно он и только он будет командовать отрядом, который выполнит это задание»[46]. Возможно, Йони в этот момент уже понял из того, что было ему сказано: Эхуд участвовать в операции не будет.

Амос Бен-Авраам, который вместе с другими бойцами оставил самолеты и поспешил вернуться на базу, чтобы присутствовать на инструктаже, услышал, что он — в числе четырех человек, из которых состоит атакующее звено Йони. Он знал, что Йони оценил его за несколько недель до того, во время серии боевых учений, которые Амос проводил со своими бойцами, и, видимо, поэтому остановил на нем свой выбор. Амир, напротив, узнал, что его звено под командованием Амнона Пеледа, не станет врываться первым в помещение, а останется в резерве, и сразу испытал огромное облегчение (впрочем, временное, поскольку часа через два все изменилось и как раз звено Амнона назначили войти через центральный вход).

Йони продолжал подробно излагать задание другим подразделениям. Небольшой отряд из двух звеньев под командой Ифтаха, заместителя командира Части, войдет в западное крыло, самое близкое к атакующим. Там же находится таможенный зал (он же — зал для прибывающих пассажиров). Кроме того — и это главная функция отряда, — Ифтах с одним звеном поднимется на второй этаж, где находится, по сообщениям, много угандийских солдат, и очистит его. На этом этаже есть дверь, которая открывается на площадку внутри пространства большого зала, откуда вниз ведет лестница. Эта площадка вместе с лестницей позволяют тем, кто там находится, полностью господствовать над залом, и поэтому крайне важно устранить всякую исходящую оттуда угрозу для заложников и для атакующих сил. (В Части была получена неточная информация, якобы на втором этаже находится стеклянная галерея, также господствующая над большим залом.) Это звено, кроме того, сможет в случае

необходимости стрелять с порога по находящимся в большом зале террористам. Второе звено Ифтаха останется внизу. Его задачей будет закончить очистку таможенного зала, а также обеспечить контроль за подъемом на второй этаж и за юго-западным крылом здания.

Другое звено, под командой Дани А., очистит восточную, отдаленную часть здания, там, где жилые помещения террористов и туалеты. Один человек из этого звена должен охранять здание с востока. Небольшое звено, оставшись у джипов, будет под прикрытием машин действовать по мере необходимости как отвлекающая сила, а главное, оно сосредоточится на господствующих точках — на крыше и на контрольной башне.

Таковы вкратце были задачи первого отряда и пути их выполнения. Если случится задержка и по какой-то причине не прибудут самолеты со вторым отрядом, маленькому отряду придется перегруппироваться для защиты от возможной атаки, угрожающей им и заложникам. Более обширная круговая оборона станет возможна, когда прибудут бронемашины Части — четыре бронетранспортера Шауля Мофаза, они приземлятся через шесть-семь минут после первого отряда. Задача Шауля — не допустить, чтобы угандийские войска получили подкрепление, и нейтрализовать любое возможное сопротивление вооруженных сил, находящихся поблизости от здания терминала или на его периферии — в основном на военной базе к востоку и в городке Энтеббе к северу. Йони подчеркнул, что экипажу двух бронемашин под командованием Уди, ответственного за территорию к северу от терминала, придется полностью отрезать старое шоссе, ведущее из городка Энтеббе к старому терминалу. Согласно разведывательным данным, полученным в процессе подготовки к операции, в городке имеется вспомогательная угандийская рота, она находится в состоянии боевой готовности и может оказаться у терминала через двадцать — тридцать минут с момента вызова.

Четыре бронетранспортера Шауля должны эвакуироваться последними, после эвакуации заложников и атакующих сил. Сперва пара под командованием Уди и с последним самолетом — пара бронетранспортеров Шауля.

Среди прочего снаряжения у некоторых атакующих звеньев предусмотрены и мегафоны. Они послужат для дачи четких указаний заложникам — как им себя вести. Главное, им надо приказать с первой же минуты лечь на землю и не двигаться. Вполне вероятно, что первая реакция заложников будет не такой, какой она была бы при подобной операции в стране. Там они с самого начала принимали бы в расчет возможность освобождения

с помощью военной акции; здесь же вторжение военных станет для них полной неожиданностью, поэтому неизвестно, как они себя поведут. Позже мегафоны помогут руководить их поведением, что важно при таком большом числе заложников, которые могут в страхе разбежаться во все стороны и даже за пределы здания.

Йони также кратко объяснил, в чем состоят задачи войск Голани и парашютистов. Главное назначение парашютистов — завладеть новым терминалом, а Голани — служить резервом. Поскольку до момента операции остается мало времени, объяснил Йони, бойцов Части не обязательно посвящать во все подробности, касающиеся этих войск, тем более что они на всех этапах операции будут действовать на некотором расстоянии от бойцов Части. Более того (и это было непривычно для бойцов Части), нет надобности и в том, чтобы бойцы одного отряда самой Части подробно знали, что будут делать бойцы другого ее отряда. Краткость отпущенного на операцию времени не позволяет провести обычную подготовку. Вместе с тем очень важно, чтобы каждый хорошо знал задание, порученное ему и его вспомогательным силам, и позаботился бы о том, чтобы во время операции глаз был зорким, а голова — готовой к неожиданностям.

Во время инструктажа и после него бойцы и офицеры задавали Йони вопросы. Обсудили время прибытия бронемашин Части. Йони решил, что первая их пара после погрузки из второго самолета подождет вторую, которая прибудет меньше чем через минуту третьим самолетом. Все четыре машины двинутся под командованием Шауля к старому терминалу. Но те, кто были назначены для атаки, хотели, чтобы любое подкрепление их небольшим силам прибыло немедленно, а потому, утверждали они, первой паре бронемашин следует двинуться тотчас после высадки. В итоге, когда уже вылетели на операцию, Йони согласился на то, что каждая пара бронемашин самостоятельно прибудет к старому терминалу.

Затронут был и вопрос о том, как быть, если по той или иной причине войска не смогут вылететь из Энтеббе после операции. «Мы достаточно вооружены, — сказал Йони, — и в крайнем случае двинемся в направлении Кении на наших и на захваченных нами машинах. На этот случай раздадут карты с указанием возможных путей к границам Кении». Бойцы Части смеялись, что они, мол, единственные из посланных в Энтеббе вооруженных сил, будут моторизованы. Парашютисты и Голани останутся позади на поле боя, шутили они

Смущало бойцов также численное превосходство террористов

и угандийских войск над отрядами, прибывающими первым самолетом, в особенности над штурмующими звеньями. Террористов в здании человек десять, говорили они, а нас, врывающихся через два входа в зал, — меньше десяти. Это, говорили они, противоречит военной логике, в особенности когда идет речь о бое с террористами, удерживающими заложников, при котором штурмующие необычайно уязвимы. Йони ответил, что другой возможности нет, больше трех машин в самолет не поместится. Каждому бойцу придется быстро сориентироваться в условиях боя на месте и по мере надобности помочь другим. Наше преимущество, объяснил Йони, во внезапности наших действий. Вскоре после начала атаки, добавил он, прибудет Шауль с подкреплением. Если все будут, действовать четко, мы вполне сможем, даже при сравнительно небольшом числе бойцов, одолеть террористов и угандийцев и освободить захваченных.

В этом инструктаже, как и во всех случаях, когда он говорил с бойцами и офицерами, Йони старался передать им свою уверенность в том, что операция полностью удастся. «Йони шел на эту операцию воодушевленный и неустанно старался зажечь нас своим-энтузиазмом»[47]. Йони действительно был уверен в себе, уверен в своих солдатах. Проблема была в том, как заразить этой уверенностью каждого из бойцов.

Поведение Йони, его место среди атакующих и то, как он проводил инструктаж, соответствовали тому, что о нем знали бойцы. «Я знал — слышал о нем всякие рассказы, а тут и увидел, что он хороший боевой командир, показывающий пример и идущий впереди, в отличие от других командиров и вообще людей»[48].

«В Йони не чувствовалось напряжения, — говорит другой боец. — Ты видел, как он говорит — не то чтобы равнодушно, но хладнокровно, с каким-то спокойствием, которое вселяло в нас уверенность во время всех указаний и инструкций. Нам пришлось бывать с Йони (и убедиться в этом еще за год до этой операции), мы также слышали от солдат, которые были с ним во время войны Судного дня, что в момент напряжения или под огнем он всегда сохраняет хладнокровие и спокойствие и не теряется. Ведь почти каждый вначале, пока говорит — все хорошо, он спокоен, но при первых выстрелах — ты чувствуешь тревогу даже в тоне разговора по рации. Еще до полной передачи полномочий, до того, как Йони стал командиром Части, пришлось нам взрывать дом, где могли быть террористы. Мы пришли со взрывчаткой, со снарядами, с массой всякого оборудования — и оказалось, что дом пустой. Когда кончили стрелять и взорвали дом, у солдат произошла разрядка. Подзабыли о дисциплине и вместо того,

чтобы организовать отступление, стали обсуждать, что да как будем потом рассказывать. Вдруг взлетела осветительная ракета, и какой-то ливанский броневик стал нас обстреливать. Люди слегка напряглись. И я хорошо помню, как Йони мгновенно взял в руки командование, хотя не был официальным командиром, и приказал разобраться, сорганизоваться, рассчитаться и — отступать. С тех пор мы знали: в момент, когда все в напряжении, когда слегка теряются, он как раз — нет. И так это было на протяжении всей под готовки к Энтеббе — все шло по-деловому, без возбуждения, очень организованно и конкретно»[49].

После того как Йони закончил инструктаж, выступил Муки. Он хотел успокоить бойцов, которые опасались, что там уж очень много угандийских войск, дав им реальное представление о боеготовности армии Иди Амина. Он немного рассказал о своем угандийском опыте, выразив большое пренебрежение к возможностям угандийцев. Их уровень весьма низок, говорил он. Они разбегутся во все стороны при первых же выстрелах. К тому же угандийцы испытывают огромное почтение к белому человеку и при виде белого становятся по стойке «смирно» и отдают честь. И Муки объяснил, как именно угандийцы отдают честь, держа при этом винтовку наперевес.

Но Йони сказал, что уровень подготовки угандийских солдат — вопрос не принципиальный. «Мы, во всяком случае, должны иметь в виду, что это настоящие солдаты, которые могут быть нам опасны», — подчеркнул он. К угандийским солдатам, находящимся в здании и поблизости от него, объяснил Йони, мы отнесемся так же, как к террористам, то есть они представляют опасность и для нас, и для заложников и их надлежит ликвидировать.

А вот к тем угандийцам, что снаружи, за пределами сил круговой обороны, наше отношение будет менее жестким, в особенности к тем, кто попытается скрыться.

После краткого инструктажа командиров вспомогательных сил офицер связи Тамир подробно изложил, какова будет система связи в процессе операции. Под конец говорил Рами, начальник штаба, он сообщил дальнейшее расписание. На послеобеденное время для Части назначено предварительное ученье-модель и еще одно учение на вечер — итоговое, по взаимодействию с другими участвующими в операции вооруженными подразделениями.

Сразу же после инструктажа планировалось провести испытание оружия и транспортных средств. Солдатам еще предстояла большая работа: снаряжение, приведение в порядок машин и их проверка, тренировки, а также изучение разведывательных данных, включая чертежи и снимки.

Йони подвел итог, инструктаж закончился. Присутствовало лишь несколько командиров, не относящихся к части. Среди них — Авраам Арнан, почти двадцать лет назад создавший часть. Авраам был поражен основательностью инструктажа Йони, его вниманием к различным моментам операции. Кроме Авраама, не видно было там, насколько помнится, ни одного офицера званием выше Йони. Положение было настолько исключительное, что это, видимо, усилило среди солдат и офицеров их убежденность в том, что, так или иначе, никто из высшего начальства не собирается в самом деле выполнять эту операцию, никто всерьез не думает посылать их за тысячи километров в сердце Африки, так далеко от границ Израиля.

Оперативное задание закончилось в полдень, и Йони поехал в находящийся поблизости временный КП Дана Шомрона для утверждения плана. С ним поехали также офицер разведки Ави и офицер связи Тамир. Прежде чем войти в кабинет Шомрона, все трое ждали несколько минут снаружи, пока он освободится. Стоя в стороне вместе с Йони, Тамир спросил, каковы, на его взгляд шансы на то, что операция состоится. Йони считал, что главная проблема будет в том, чтобы получить разрешение на уровне правительства, которому, сказал он, крайне трудно на это решиться.

В этот момент Йони позвали к телефону для разговора с Оперативным отделом. После беседы он вернулся и с улыбкой сказал: «Эхуд уехал. „Очистил“ территорию, участвовать не будет». Эхуд в то же утро получил приказ от Екутиэля Адама ехать в Кению и приготовить условия для приземления и дозаправки участвующих в операции самолетов. Тамир почувствовал, что с этого момента в поведении Йони что-то изменилось, было видно, что ему стало легче, тень Эхуда теперь над ним не нависала. И так, в несколько приподнятом состоянии, по впечатлениям Тамира, Йони сразу после этого вошел в кабинет Шомрона.

План в общих чертах он представлял несколько минут. Не было ни вопросов, ни замечаний. Шомрон принял план Йони полностью, без изменений[50].

После этого они вернулись в часть, чтобы продолжать подготовку. Теперь, после того, как Йони окончательно стало ясно, что Эхуд не участвует в операции, он, видимо по этой причине, изменил местоположение своего звена. В момент атаки на терминал его звено будет исключительно командной группой, а не группой прорыва. Оно будет двигаться рядом с первым звеном, а потом расположится на площадке перед центральным

входом. Там, в нескольких метрах от фасада здания, Йони будет руководить и движением войск, и тем, что происходит в здании и снаружи. В таком случае он также сможет, если понадобится, войти без задержки в зал, где содержатся захваченные люди. В связи с этим Йони решил включить в свое командное звено, состоящее из связного Тамира, врача Давида и боевого санитара, еще одного, знакомого ему, опытного бойца. «Думаю, Йони поставил себя на такое место, чтобы иметь возможность максимально быстро перейти от командования к бою… будучи на этом месте, он мог действовать, если произойдет хотя бы малейшая осечка. Он знал, что на себя-то он всегда может положиться»[51].

Эта коррекция местоположения Йони, внесенная в план вскоре после инструктажа, была только одним из множества изменений, сделанных за оставшийся до операции день. Причина в основном состояла в том, что поступила новая информация, но не только. Йони учел соображения, которые пришли ему в голову за это время, а также предложения солдат и офицеров во время учений. «Не было определенности с начала и до конца, из-за нехватки времени приходилось планировать поэтапно, и порой не в совещательной комнате или в кабинете, а во время учений на моделях, — рассказывает Ави. — Это была очень дерзкая операция, с большой долей риска. Я помню, мы с Йони обсуждали между собой, как то и это сделать лучше, чем мы думали. Это его очень беспокоило — там, на крыше, может быть, десятки угандийцев, новая информация непрерывно течет, и ты себе говоришь: в сущности, я не знаю, на что иду… и Йони сидел в четверг ночью один в комнате и записывал мельчайшие подробности, которые подчеркнет в инструктаже, чтобы ущерб, учитывая большую степень риска, был минимальный… потому что на самом деле картина вырисовывалась не слишком симпатичная… Исходной точкой было, что благополучно вернуться всем бойцам будет трудно, независимо от уровня боевой подготовки угандийцев. Вражеских солдат десятки, и достаточно, если один-два из них выстрелят, чтобы были убитые. Ты едешь в такое место, о котором не знаешь, что оно собой представляет, — там есть комнаты, ниши, есть крыша, есть темнота, и ты не знаешь, откуда стреляют… и во время учений Йони уделил большое внимание оружию, чтобы оно было достаточно действенным. Он хотел хорошее оружие против башни, помимо пулеметов, — например, ракеты, чтобы могли обезвредить этот фактор, или подобное оружие для бронемашин нашего подкрепления, которое должно прибыть к старому терминалу».

Итак, хотя основной план остался по большей части неизменным, он был гибким, то и дело принимались новые решения, касающиеся вооружения, расположения отдельных звеньев, распоряжений об открытии огня бронемашинами, о том, зачернять или нет лица тех, кто атакует, и т. п. Во время учений, например, офицеры решили, что по окончании акции надо пересчитать бойцов части, и договорились о том, как это сделать. «План был очень свободным и изменялся много раз. У нас было слишком мало времени. Все шло слишком быстро. В этом смысле план был просто образцом гибкости и быстроты действий, перемен и четкой поэтапности. Это была вершина — выше не бывает»[52].

Амицур уже доставил «мерседес» из городского гаража. Тут же вокруг машины столпились солдаты, каждый надеялся оказаться среди ее пассажиров. Йони тоже не преминул прийти и обследовать машину. «Придя в первый раз посмотреть на „мерседес“, он задался вопросом; сколько народу здесь поместится, чтобы не было слишком тесно, — сколько, например, сядет с водителем и кто именно сядет с водителем. Он влез в „мерседес“, потом обошел его кругом, размышляя о личном снаряжении, об оружии и т. п., в том числе и о том, чтобы из-за тесноты в „мерседесе“ не пострадал бы кто-нибудь, не дай Бог, от случайного выстрела. И тогда же, я думаю, он решил убрать с заднего сиденья одного человека, который там предполагался по плану»[53]. «Мерседес», предоставленный Части, был белого цвета, а Иди Амин, судя по фильмам и фотографиям, которые получила Часть, ездил в черных машинах. Поэтому надо было ее перекрасить. Но это, пожалуй, была наименьшая проблема, с ней связанная. Корпус машины был старый, шины стертые, аккумулятор слабый, и, кроме всего прочего, мотор в техническом отношении устарел. Чтобы довести ее до нормальной боевой готовности, придется здорово над ней поработать. Ави Р., один из старейших механиков Части, долго трудился, чтобы исправить одну-единственную деталь. «Мы подняли капот, и я увидел, что генератор стоит наискосок к ремню… и хотя все вращалось, но не в выпрямленном состоянии. В таком положении ты не можешь знать, сколько продержится ремень, он вполне может порваться, а мы не из тех, кто садится в лужу. Токарных станков, чтобы это исправить, у нас не было, и все делалось на скорую руку. Вытащил я генератор, и оказалось, что он сдвинулся из-за того, что винты, его удерживающие, проходят через сделавшиеся слишком большими отверстия. Я решил его починить. Расширил еще больше дырки крепления генератора, сделал ему новую нарезку и ввинтил в нее особые

стальные гайки, которые пришлось затачивать. Отверстие гаек точно соответствовало диаметру первоначального винта, на котором держался генератор. Винты эти также стерлись, и мы их заменили подходящими новыми».

Окончив чинить одну деталь, обнаруживали новую неисправность, как, например, утечку из бачка с горючим, который пришлось опорожнить и залатать.

Еще до этого Йони позаботился о похожей машине-дублере для тренировок, на случай, если «мерседес» вовремя не доставят или не смогут воспользоваться на первом этапе. Он знал, что у Израиля есть большая зеленая «ауди», и вызвал его к себе в контору. Хотя в «ауди» только два сиденья, а не три, как в «мерседесе», но это была самая большая из доступных гражданских машин. Попросив присутствующих выйти на минуту из комнаты, Йони сказал Израилю, что ему нужна его машина, и просил разрешения ею воспользоваться.

— Нам придется много раз в нее садиться и выходить из нее, с оружием и снаряжением. Без сомнения, что-то в машине повредится, — сказал он, — но это очень важное дело — нет у нас другой машины.

— Нет проблемы, — ответил Израиль и отдал Йони ключи. Перед тем как Израиль вышел из комнаты, Йони его заверил, что позаботится о возмещении любого ущерба, который будет причинен машине.

В конечном счете «ауди» не пришлось воспользоваться — «мерседес» прибыл до того, как начались тренировки, и с машиной возились до учений и в промежутке между ними, ночью и в субботу утром. И все же не хватило времени и возможностей устранить все неисправности машины. Красить ее закончили в считанные минуты перед отлетом, а техническое состояние машины хотя и позволяло ехать в ней, было далеко от удовлетворительного. Днем к кабинету Йони подошел Дани Даган и попросил передать от него записку. Дани писал: боюсь, что «мерседесом» невозможно будет воспользоваться из-за дряхлого его состояния. Йони просил, чтобы машину все же попытались починить, если же это невозможно, придется вместо нее взять «ленд-ровер». Вместе с тем в записке, полученной Дани, рукой Йони было написано: «Не очень важно, чтобы „мерседес“ полетел».

Параллельно у офицера разведки работали над подготовкой внешних аксессуаров для «мерседеса»: сделали маленькие флажки наподобие тех, что видели на снимках «мерседеса» Иди Амина, они будут развеваться на передней части машины, нарезали из картона пластины, выкрасили в подходящие цвета и

вывели на них угандийский номер.

В полдень Йони и несколько его офицеров встретились в Части с тремя из старших представителей эскадрильи «геркулесов». Это были командир эскадрильи подполковник Шики Шани, его второй заместитель майор Ави Айнштейн и Шломо, старший штурман эскадрильи. Они трое поведут первый самолет, который доставит отряд вторжения в аэропорт Энтеббе. Целью совещания было согласовать действия (помимо других согласований, намеченных в Кирие) между командирами — Шики и Йони — и между двумя действующими подразделениями. «Планирование действий авиации и наземных войск происходило раздельно, — рассказывает Шани. — А уж потом мы встретились с Йони и его товарищами… и начали связывать наши планы в единый для всех план»[54].

Они больше часа сидели в кабинете Йони за столом с разложенными на нем чертежами. Йони вел совещание. Было условлено, что самолет выгрузит бойцов Части на боковой посадочной полосе, связывающей новую полосу, на которой они приземлятся, со старой, диагональной. Договорились о направлении выезда машин и о том, с какой стороны они проедут перед самолетом; были также проверены и обработаны дополнительные данные, касающиеся взаимодействия между ними — от мелких, вроде сопоставления высоты пропеллера самолета и «мерседеса» с джипами, которые проедут под крылом, и до более значительных; так, например, оговорили место, где будет ждать самолет, который заберет заложников.

«Сидели и входили в мельчайшие детали — в технику посадки, в то, как повести и поставить самолет, рассказывает Шани. — Важно было поговорить в таком узком кругу, чтобы задавать вопросы и отвечать на вопросы, касающиеся других вариантов и их оценки, просто необходимо было поговорить о всяких мелких проблемах, в которые при основном, общем планировании никогда нет времени вникать… Йони это делал очень профессионально, очень по-деловому и совершенно спокойно, как и положено: покончили с одним пунктом и — вперед, без задержки, переходим к следующему. В этой операции мы до некоторой степени предоставили Части диктовать нам образ действий, потому что мы, в конце концов, их „обслуживали“ — они хотели что-то совершенно определенное, а мы должны были удовлетворить эти требования.

Каждый представил свои проблемы в подробностях, поскольку никогда ведь не знаешь, где точка пересечения; ты можешь думать, что то или иное несущественно, а оно как раз существенно. Поэтому каждый и представил свои проблемы, и я

определенно помню, что говорили также и о проблеме освещения взлетно-посадочной полосы. Йони хотел знать, что будет, если мы прилетим, а полоса не освещена. Он не мог, конечно, помочь в этом, но определенно хотел знать, и мы представили ему разработанную нами тактику, включающую использование радара… там непосредственные исполнители операции произвели „шлифовку“ и приняли решения. Ведь, по существу, мы, командиры отрядов, подводим итоги всему сказанному, и именно эти итоги значат больше, чем другие решения».

Тут Айнштейн в первый раз услышал о том, какие именно машины погрузят в каждый самолет, и о том, что его самолет приземлится на семь минут раньше других. Идея «мерседеса», о которой он узнал только здесь, его рассмешила. И вообще — чем больше прояснялись для него подробности операции на земле и то, что происходит в Части, тем больше он удивлялся тому, что видел. «Тут я в первый раз соприкоснулся с работой Части. На меня произвели большое впечатление целеустремленность, эффективность, вникание в нужные детали… Мне, как человеку постороннему, все происходящее там казалось выше моего понимания… Я не присутствовал на инструктажах в самой Части, но вопросы, которых мы касались во время нашего совместного совещания, удивляли своей дотошностью, они касались всего… Часть мне казалась каким-то другим, чудесным миром».

Шани вспоминает, как при обсуждении, которое часто прерывалось адресованными Йони телефонными звонками, тот вертел в руках наган, который принесли ему в кабинет. Во время разговора Йони разобрал и собрал, в рассеянности, глушитель нагана, и при вращении барабана слышался время от времени долгий стук. «Йони сидел на стуле, а мы все — вокруг. Иногда дуло нагана невольно направлялось на нас, и мне очень не нравилось, что дуло время от времени смотрит на меня».

Шани также помнит, что во время совещания появился Дан Шомрон. «Он с нами не сидел, не совещался… я помню, что он появился, что-то спросил, сказал и вышел».

В конце встречи обратились и к деталям административного характера, связанным с назначенным на вечер ученьем-моделью. После этого все вышли на примыкающую к кабинетам галерею и там еще заканчивали разговор. На галерее их встретил прибывший в часть Нати, заместитель Шани. Нати с этой минуты должен был заняться согласованием действий эскадрильи с Частью к предстоящему вечером большому ученью, заменив Шани, который до самого начала ученья занят был другой проблемой. Начальник Генштаба просил его и Айнштейна показать ему ночью, как они производят посадку на темную

полосу. «О Части я не беспокоюсь, — сказал им Мота Гур, придя в эскадрилью, чтобы поговорить с летчиками, — для них что Сде Дов[55], что Энтеббе — все равно. Проблема — ваша, чтобы их действительно там выгрузили без помех». (Наверное, Гур это сказал, чтобы подчеркнуть, какая огромная ответственность лежит на летчиках. На самом же деле существует очень большая разница (хотя бы психологическая, не говоря о практической) между наземной акцией на отдаленной, к тому же враждебной территории, и акцией, что называется, рядом с твоим домом, в особенности если успех или неуспех операции во многом зависит от того, удастся ли застать террористов врасплох.) Эскадрилья Шани хотя и разрабатывала в последнее время технику посадки самолетов «геркулес» на неосвещенную полосу, но техника эта не была еще как следует испытана.

Место демонстрации было назначено Бени Пеледом и Мотой Гуром в Шарм-эль-Шейхе. Там можно было полностью затемнить летное поле, и туда, к южной оконечности Синайского полуострова, Шани придется лететь в темноте довольно долго, что весьма похоже на условия операции. Интересно, однако, что у Шани была полная уверенность в своей способности произвести посадку на затемненную полосу незнакомого ему аэродрома в Энтеббе, чего он не мог сказать об аэродроме в Шарме. Дело в том, что полоса в Энтеббе почти идеально подходила для высадки в темноте благодаря удобному расположению у воды, что позволяло радару ясно отделить дорожку от моря. В Шарме условия были другими. Там полоса начиналась не у берега, как в Энтеббе, а на значительном от него расстоянии. Кроме того, в Шарме она шла не перпендикулярно линии берега, а параллельно. Из-за двух этих обстоятельств радару трудно было различить ее. Поэтому Шани решил лететь в Шарм при свете дня и предварительно поупражняться до того, как он продемонстрирует высадку начальнику Генштаба и командиру авиации. Он знал, что начальник Генштаба не одобрит этот его шаг, если узнает о нем, но знал он и то, что неудачная демонстрация посадки перед начальником Генштаба будет смертным приговором операции. Шани, конечно, не хотел, чтобы операция не состоялась из-за «неверного суждения сухопутного человека», даже если этот человек — высший армейский начальник.

Сразу же после встречи с Йони в Части Шани и Айнштейн, не тратя времени зря, полетели в Синай, чтобы несколько раз испробовать там подлет к полосе в Шарме и посадку на нее. Им еще надо было засветло вернуться на север, чтобы захватить с собой на юг начальника Генштаба и командира авиации.

Лихорадка приготовлений в Части не прекращалась ни на минуту. По мере того как выяснялись подробности, касающиеся старого здания терминала, в парусиновый макет вокзала вносились поправки. Учения разных звеньев на модели уже начались, командиры особенно налегали на отработку отдельных действий и на взаимодействие вооруженных сил друг с другом. Пока тренировалось одно звено, другое готовило снаряжение. В числе прочего проверили, способен ли «мерседес» с девятью солдатами подняться в «геркулес» по сходням. Йони участвовал не во всех этих тренировках, поскольку у него было много других дел, в том числе и встречи в Кирие, однако все эти дела не помешали ему проверять, как идут тренировки. «Я помню его возле нас, рядом, во время тренировок, как он нас подбадривает и кричит»[56].

В процессе планирования и на учениях Йони старался выделить самое важное. «Мне запомнилось, — говорит Ави, — в частности, из разговоров с ним во время поездки в машине, что его занимали и беспокоили четыре главные проблемы. Первая внезапность нашего появления; вторая не допустить, чтобы к терминалу с разных сторон стекалось подкрепление; третья — суметь быстро обнаружить террористов в терминале, чтобы не ошибиться нанести удар по ним, а не по обычным гражданам; ну и еще — проблема башни».

Время шло и сжималось; часы, оставшиеся до большого ученья-модели, сокращались, как и часы, оставшиеся до самой операции. Йони время от времени проверял, как идет подготовка снаряжения и вооружения. Один из командиров части помнит, что Йони сделал выговор тем, кто был занят снаряжением джипов, убедившись, что в назначенный час машины не готовы. Состоялось еще одно совещание офицеров, на котором Йони окончательно решил еще несколько вопросов, как, например, закладка взрывчатки на взлетно-посадочных полосах при отступлении и возврате к самолетам. Йони считал, что эвакуация с аэродрома будет одним из самых опасных действий еще и потому, что, оказавшись уже в самолете, наши бойцы останутся, в сущности, без защиты. Закладка взрывчатки должна создать впечатление, что военные все еще там, на земле, и это сможет удержать или задержать угандийские вооруженные силы, не допустить их к новому терминалу в то время, когда там происходит эвакуация и вылет.

На этом совещании он решил также, что «мерседес» точно возьмут для операции, после того как выяснилось, что требуется для его починки. Другой «мерседес» достать не удалось, несмотря

на обращения Части к военным инстанциям. Йони решил, что, если «мерседес» остановится на пути от самолета к терминалу, его «пассажиры» не станут задерживаться, чтобы починить его, а оставят машину и поедут к терминалу на джипах.

Вскоре после двух часов дня на базу приехал автобус, полный офицеров-резервистов Части. Они вернулись с юга, с подготовительного учения перед испытанием бронемашин резервистских войск, назначенного на следующую неделю. Ответственным за учения Йони в начале недели назначил Алика, офицера-резервиста, вместо Муки, занятого операцией в Энтеббе. Но к концу недели у Йони уже были для Алика другие планы. В четверг ночью, во время подготовки к операции, Йони решил взять Алика в свое звено и той же ночью дал указание Йохаю его вызвать. Йохай считал, что стоит подождать, пока Алик вместе с другими командирами сам прибудет в Часть назавтра, в пятницу. Если мы вызовем его сейчас, сказал он Йони, командиры что-то заподозрят. Они ринутся в Часть, и мы утонем под грузом просьб. Йони согласился, но вместе с тем решил, что, если Алик явится после двух часов дня, когда должны начаться комбинированные учения, его уже не станут включать в состав отряда.

Йони и Алик были знакомы много лет. Когда Йони вернулся в армию на должность командира отряда в Части после года с четвертью университетских занятий, Алик занимал такую же должность. Они оба командовали новобранцами. Спали в одной комнате и часто вместе тренировали в поле солдат. Между ними завязались близкие и теплые отношения, хотя обычно между командирами параллельных отрядов возникают трения, личное соперничество. Иногда Йони советовал Алику почитать какую-нибудь принесенную им книгу, а однажды попытался убедить его курить, как он, трубку. «Очень удачное сочетание — книга и трубка, — сказал Йони со смехом. — Не волнуйся, я выберу тебе подходящую трубку». И действительно, при первой возможности Йони принес из дому набор трубок, разложил их перед собой и исследовал с видом знатока, потом взял одну из них и сказал Алику: «Вот этот пайп — очень удачный и хорошо пойдет с этой книгой». Алик, который до тех пор не курил, сделал несколько попыток, но вскоре отказался от этой идеи.

Они говорили на разные темы, включая учения и ежедневную рутину. «Йони был не из тех, кто спешит сойтись со всяким, он не отличался открытостью, — говорит о нем Алик. — Его надо было узнать поближе, проникнуть в него, и вот тогда ты начинал понимать, что он за человек, впечатление было необыкновенное». Вместе они прошли долгий путь, включая период в секторе Газы с выслеживанием террористов и большую часть войны Судного дня.

В этой войне Йони был командиром отряда, состоявшего в основном из солдат срочной службы, в большинстве молодых. Алик, хотя и был резервистом, предпочел присоединиться к этому отряду Йони. «Это было связано с моими отношениями с Йони — я высоко ценил его, и мне было с ним легко». Взаимное уважение укрепилось во время сражений. На Алика произвело впечатление то, как Йони владеет ситуацией в бою, и тот факт, что он не боялся взять на себя любое задание во время войны; более того, Йони обычно был инициатором заданий, игнорируя недовольство некоторых солдат и офицеров. А Йони понравилось, как Алик держится под огнем и его поведение как командира в продолжение всей войны. Как для Алика было естественно во время войны Судного дня присоединиться к Йони, так и теперь для Йони было естественно желать, чтобы Алик, хладнокровный офицер, который не потеряет самообладания, если возникнут проблемы, был поблизости от него во время операции.

Возвращаясь в автобусе с учений в Часть, офицеры запаса не особенно спешили. Хотя они и знали о захвате самолета и о том, что вопрос обсуждается в армии и в Части, но, имея опыт в «обсуждениях» такого рода, не придавали им значения. По дороге в Часть остановились поесть мороженого. Прибыв на базу, поторопились почистить оружие и сдать снаряжение, чтобы побыстрей уехать домой. Хотя Алик и заметил какое-то движение в Части, он не связал его с возможной акцией в Энтеббе. Но когда к нему подошел один из штабных офицеров и сказал: «Зайди скорей к Йони, ты запаздываешь», — он сразу понял, о чем речь.

Йони, увидев, что он входит к нему в кабинет, вскочил. «Послушай, — сказал он, — хотя ты опоздал на полчаса, но давай беги скорей и соберись. Отстаем. Нужно немедленно начать упражняться». Йони передал ему список личного снаряжения и сказал, что подробные объяснения будут потом — нельзя терять времени. Перед тем как Алик вышел из комнаты, Йони ему сказал: «Делай все по-быстрому, но постарайся, чтобы резервисты не обратили внимания».

Оставив кабинет, Алик поспешил на склад. Офицеры-резервисты возвращали снаряжение. Они избавляются от снаряжения, а Алик рядом с ними расписывается за него, но они ничего не замечают. «Резервисты так стремились домой, что попросту не видели, что происходит. Смотрели только на прилавок и на ожидающий их автобус». Долгие минуты Алик был в большом напряжении, опасаясь, что товарищи заметет его странные действия. Он все время старался как-то прикрыть полученные предметы, за которые расписался, как и за пятнистую форму и зеленый берет, выделявшиеся своим необычным видом.

Наконец получил все что надо и перешел к соседнему окну оружейного склада. Там пришлось вернуть винтовку «галиль», которая только вошла в употребление в армии и из которой он стрелял всю неделю, и расписаться за незнакомый «Калашников», даже не испробованный им в стрельбе. «Галиль» хорошо стреляла во время учений, но сила привычки была такова, что Алику даже не пришло в голову, что можно не брать с собой «Калашников» на операцию.

Все имущество Алик отнес в одну из комнат общежития офицеров и там положил на постель. Пока он в спешке разбирал отдельные предметы, в комнату вошел один из офицеров-резервистов, с которым он провел неделю.

— Поехали?

— Нет, я с вами не еду. Вернусь уже с Муки.

— С ума сошел? Муки небось останется здесь до двенадцати ночи. Идем, автобус ждет. Поехали!

— Отстань, я устал, — твердил Алик свое, — сейчас залягу в постель с газетой, передохнуть охота. И когда Муки поедет, поеду с ним. Мне не к спеху.

Офицер странно посмотрел на Алика:

— Да брось, поспишь в автобусе! Все там поспим.

Груда снаряжения лежала на постели, прямо перед офицером. Алик распространялся в описаниях своей усталости. «Оставь, — говорил он, зевая. — Я тут же засну. Сию минуту лягу на эту кровать и вырублюсь».

Офицер наконец отстал. Он коротко бросил: «Ладно, каждый по-своему с ума сходит…» — вышел из комнаты и направился к товарищам, ожидавшим в автобусе отъезда домой.

После ухода офицера Алик проследил из-за неплотно притворенной двери, как автобус выехал с территории лагеря. Заметил, что за оградой идут учения на машинах. Как только автобус скрылся, он бегом бросился из комнаты и присоединился к бойцам.

Йони объяснил вкратце, где его место в отряде — он будет с ним вместе в командном звене, — и познакомил еще с двумя людьми звена, Давидом и Тамиром, уже сидевшими вместе с другими бойцами в джипе. Алик их раньше не знал. «Из какого ты отряда?» — спросил он врача Давида, которого из-за моложавого вида принял за рядового солдата. Выяснив, кто он, Алик обратился к Тамиру: «А ты?» «Я офицер связи», — ответил Тамир. Поскольку у Алика не было никакого понятия об их боевом опыте, он указал им кратко: «Сейчас разговаривать некогда. Хочу дать вам только одно указание: всякий раз, когда я поворачиваю голову, я хочу видеть вас рядом с собой. Это все».

Как выяснилось, Алик был единственным резервистом в Части, принявшим участие в операции. Другим это не удалось. За день было получено немало звонков от резервистов, до которых дошли слухи о том, что что-то готовится. Один-два даже явились в Часть лично, чтобы присоединиться к акции. Всем отказали.

Учения продолжались все послеобеденное время. Вторжение проигрывалось раз за разом. Отдельные отрезки времени — время выгрузки из самолета, время пути к старому терминалу, время прорыва в здание, включая выход из машин — тщательно измерялись. «С момента остановки машин не задерживаться ни секунды. Как можно быстрее достичь входов, — снова и снова подчеркивал Йони бойцам, возвращаясь к тому, о чем говорил во время инструктажа. — Каждый в критический момент должен вести себя так, будто он один». В «мерседесе» прорабатывались разные, по мере надобности, варианты применения оружия — «Калашникова» или пистолета, с левого крыла или с правого, при том что Йони — он был и командиром «мерседеса» — отдавал команды. Прорабатывался быстрый выход из «мерседеса», как и вход в него в случае необходимости. В машине Йони сидел возле водителя — им был Амицур. На среднем сиденье сидели: справа Гиора (за Йони), Муки, еще один боец. На заднем теснились четверо бойцов.

Около четырех часов Йони снова поехал в Кирию на решающую встречу. Его вызвал министр обороны Шимон Перес для беседы наедине. (По воспоминаниям Израиля, который подвозил Йони, встреча произошла именно в это время. Перес время точно не помнит, но склоняется к тому, что встреча состоялась до обеда.) Перес считал, что операция необходима, но очень опасался катастрофического исхода. В особенности его угнетала цена, которую, возможно, придется заплатить кровью, даже если нашим войскам удастся вернуться домой. Поэтому он вызвал к себе Йони, чтобы от него услышать, как он расценивает шансы на успех операции, а может, также и чтобы лишний раз получить впечатление от самого Йони.

Йони, безусловно, понимал все значение предстоящей встречи. Если Перес почувствует, что он не совсем уверен или, напротив, слишком в себе уверен, недостаточно уравновешен, он не станет связываться с этим делом; и это будет конец операции.

Израиль и на этот раз вез Йони в Кирию и по дороге вступил с ним в разговор. За столько лет, проведенных рядом в поездках, Израиль привык почти свободно говорить с Йони. Он спросил, каковы, по его мнению, шансы, что операцию утвердят. Йони ответил, что, несмотря на кучу трудностей, он думает, что ему

«удастся это дело провести».

Израиль вдруг почувствовал, что операция приобретает реальные черты, что она действительно может состояться, и в нем пробудились тяжкие сомнения. Он видел, как стремится Йони продвинуть это дело, но при этом размышлял, а разделяют ли эту позицию другие? Он не мог не обратить внимания на то, что почти никто «извне» не посетил Части, чтобы составить впечатление о том, как идет там подготовка.

— Йони, — начал он очень серьезно, — ты уверен, что прав в своем отношении к этой операции?

— Израиль, — ответил ему Йони, — я так же уверен в своей правоте, как в том, что вижу сейчас свет у себя перед глазами.

Израиль продолжал нажимать на него:

— Ну, а что им мешает утвердить операцию?

— Послушай, ведь я их понимаю. Они же должны принять на себя ответственность, и, разумеется, им трудно согласиться.

— Почему их не видно в Части? Почему до сих пор их не видели в Части?

— Я их понимаю, — заключил Йони, ничего более не объясняя, и Израиль почувствовал, что Йони их как бы оправдывает.

— Что значит, ты их понимаешь? Что ты понимаешь? — настаивал Израиль. — Парни в Части работают почти двадцать четыре часа в сутки. Кроме тебя и Муки — вы-то суетитесь все время, — там никого не видно!

Никакого другого ответа Израиль не получил и в этот момент почувствовал, что Йони как командир одинок в борьбе за операцию.

Когда они прибыли в Кирию, часовой на воротах не позволил им проехать. «Он требовал какого-то пропуска», — рассказывает Израиль. Йони был очень напряжен. Он вышел из машины, отодвинул часового в сторону, открыл ворота, сказал мне: «Езжай», и машина проехала. Йони оставил меня там, чтобы я сам договорился с часовыми и с их начальством на воротах, и побежал к зданию. Только потом, часа через три после возвращения в Часть, он вдруг вспомнил об этом и спросил, задержали ли меня.

Йони пришлось подождать несколько минут, пока его вызвали в кабинет Переса. Пока он ждал в прихожей, его увидела Рахель Рабинович, секретарша начальника Генштаба, кабинет которого был поблизости, на том же этаже. Она удивилась, встретив там Йони, в одиночестве ожидающего встречи с министром обороны, и еще больше удивилась тому, что приглашение Йони последовало не через канцелярию начальника

Генштаба. «Я кого-то спросила, не знает ли он, какова цель встречи, — рассказывает Рахель, — и мне сказали, что Шимон Перес позвал его, чтобы посмотреть в глаза и спросить со всей прямотой: „Йони, выполнимо ли это дело?“ Цель встречи была одна: чтобы Йони сказал, что это выполнимо… Йони стоял с картами в руках, очень занятый и озабоченный… Ему было некогда, он сказал, что очень спешит и что дали бы ему уже войти».

Встреча с Шимоном Пересом продолжалась около трех четвертей часа. Йони подробно объяснял Пересу ход операции. Министру обороны понравились разные хитрые идеи вроде использования «мерседеса», о котором Перес уже знал, и то, как Йони представил дело. «Впечатление, полученное мною, было: точность и воображение. И кроме того — полная уверенность Йони в себе». По словам Переса, эта уверенность Йони передалась ему «стопроцентно». Он спросил, как Йони относится к тому, что операции явно недостает разведывательных данных. Этот факт очень беспокоил Переса. Йони ответил ему: «Разве тебе известна хоть одна операция, которая не выполнялась бы наполовину вслепую? Любая операция наполовину проводится вслепую». И Перес добавляет: «Но Йони знал свое дело и объяснил мне, что акция и в самом деле осуществима. Что же касается цены, сказал он, то у нас есть все шансы обойтись нулевой ценой».

Израиль помнит, что Йони вышел очень ободренный после встречи с министром обороны, в отличие от других встреч, которые у него были в тот день в Кирие. Он почувствовал со стороны Переса значительную поддержку идее операции и понял: тот сделает все, что в его силах, чтобы операция состоялась.

В то время как Шани и Айнштейн были заняты своими собственными тренировками в Шарме, в их эскадрилье одновременно проходил подробный инструктаж перед ученьем-моделью. Поскольку Шани там не присутствовал, вел инструктаж Нати, его заместитель. Были там и некоторые летчики-резервисты, об участии которых в операции принял решение Шани. Кроме них, туда пригласили старого штурмана-резервиста Цви, которого Шани назначил в свой первый самолет. В тот период Цвика готовился у себя дома к университетским экзаменам; в пятницу утром ему позвонили и сказали: прибыть в эскадрилью в полдень. Было нетрудно догадаться, зачем звонят. У него еще осталось время выйти и купить газету, и по дороге он встретил знакомую девушку, сестру одной из заложниц.

— Что будет? — спросила его девушка.

— Будет порядок, — ответил он, не имея возможности

сказать ей ничего из того, что, как он полагал, предстояло. — Идут переговоры, и все будет в порядке.

Сестра захваченной женщины была на грани истерики, как и другие близкие заложников. Они кричали на весь мир, стремясь, чтобы их услышали в средствах массовой информации и в правительстве и не бросили их близких на произвол судьбы ради принципа не уступать террору — принципа, который, по крайней мере для них, в тот момент ничего не стоил. Прочих граждан страны охватило чувство бессилия и даже депрессии. Каждый час слушали новости, и ситуация казалась совершенно ясной — арабы вот-вот нанесут нам новый удар, снова будут бахвалиться и черпать силы в очередном успехе, а Израиль не в состоянии ничего предпринять. Или покоримся террору и освободим из тюрем террористов, или не покоримся. Но тогда около сотни невинных людей будут убиты. Дилемма ясна, благополучного выхода нет.

Прибыв на базу, Цвика не узнал своей эскадрильи. «Все пути, все промежутки между бараками и сами бараки были полны медицинского оборудования — никогда прежде не видал я такого количества. После стало ясно, что готовятся создать летучий госпиталь».

Среди прибывших после обеда на инструктаж летчиков был Рами Леви, который явился туда в форме Эль-Аля. Он только что вернулся в страну гражданским рейсом из Лондона на самолете «Боинг-707», и в аэропорту Лод его ждал молодой авиационный инженер из эскадрильи с указанием немедленно явиться туда.

И Амнон Халивни, один из бывших командиров эскадрильи, тоже вернулся в страну в тот день гражданским рейсом. Еще сидя в кабине «боинга» после приземления и отводя самолет на стоянку, он увидел, как офицер авиации сигналит, чтобы он быстрей спускался.

После инструктажа Нати офицеры сидели на базе эскадрильи за столом для инструктажа с Бени Пеледом и Екутиэлем Адамом и обсуждали различные вопросы, связанные с операцией. Экипажи самолетов уже были укомплектованы. Тут вмешался Халивни, когда-то служивший в израильской военной миссии в Уганде, и сказал, что, по ею мнению, целесообразно ему быть ведущим пилотом вместо Шани, поскольку он хорошо знает Африку — то есть трассу и состояние погоды в пути, а также аэродром Энтеббе (по крайней мере, по состоянию на 1970 г.). Другой летчик-резервист поддержал Халивни. Когда Шани и Айнштейн вернулись в эскадрилью после учений в Шарме и Шани узнал о возможности своей замены, он выразил полное несогласие с этой идеей. Возникла ситуация, почти аналогичная

той, что была по вопросу о командовании между Эхудом и Йони, только здесь проблема решилась гораздо быстрее, почти в момент зарождения. Бени Пелед только спросил Шани, уверен ли он в своей способности выполнить задание, и, услышав вполне утвердительный ответ, Пелед и Адам (он утром того же дня принял решение о роли Эхуда) объявили присутствующим, что есть командир эскадрильи Шани, и именно он возглавит строй.

Предложение двух летчиков-резервистов о замене Шани проистекало не по причине недоверия к нему, а из профессиональных соображений, к которым, безусловно, в какой-то мере примешивались личные мотивы. «Шани имел тогда с профессиональной точки зрения очень высокую репутацию», — сказал о нем один из присутствовавших там офицеров эскадрильи. А другой офицер уверен, что Шани — «лучший из командиров эскадрилий „геркулесов“. Он — прекрасный ведущий и был нужным человеком в нужном месте».

Шани и Айнштейн взяли с собой начальника Генштаба в «геркулес» и снова полетели в Синай. Несмотря на то что Айнштейн ни на минуту не верил в реальность операции, он все же хотел, чтобы начальник Генштаба получил благоприятное впечатление от посадки, хотя бы для того, чтобы не летчики стали предлогом или причиной, из-за которой спасательная операция не состоится. Вся площадь аэродрома в Шарме, включая строения, была теперь, с наступлением вечера, погружена во мрак. На базе получили команду полностью погасить все огни. На земле не было ни одного заметного для глаза знака, который помог бы летчикам обнаружить расположение посадочной полосы. Айнштейн сидел на правом сиденье и смотрел в окно, чтобы попытаться помочь Шани ее найти на последней стадии. До той ночи ни тот, ни другой не совершали такого рода посадки. Как Шани и опасался, радар не распознал как следует посадочной полосы в Шарме. Вместо нее он обнаружил ограду, параллельную полосе для перевозок. Таким образом, в момент посадки самолет оказался над полосой для перевозок, а не над главной полосой. Включив посадочные огни, Шани обнаружил ошибку, резко свернул влево, выровнялся над главной полосой и продолжал снижаться. Колеса самолета почти достигли полосы, но асфальта не коснулись; Шани не хотел произвести настоящую посадку и обратить на себя ненужное внимание. Эта последняя подробность не имела особого значения для целей тренировки, и самолет снова поднялся вверх. Начальник Генштаба, сидевший позади пилота, понял, что произошла ошибка.

Шани сделал еще один заход, на этот раз более удачно, и совершил посадку на главную полосу, хотя и не абсолютно точно.

«Уверен был, что вы справитесь», — радостно сказал Мота Гур пилотам, похлопав их по плечам. Трое пилотов так и остались в неведении, понял ли начальник Генштаба, не будучи летчиком, что при второй посадке имела место неточность, но свои сомнения держали при себе.

Демонстрация закончилась, и пилоты повернули на север, чтобы доставить начальника Генштаба и Бени Пеледа на место ученья-модели. В это время ночи луна еще освещала бледным светом землю; но завтра ночью, в Африке, в час, на который назначена посадка, она уже исчезнет с горизонта. Воцарившийся мрак, возможно, поможет им стать незамеченными, но при этом очень затруднит посадку: удастся ли пилотам в кромешной тьме различить посадочную полосу? Шани и Айнштейн об этом промолчали. У них не было никакого желания добавить еще один сдерживающий фактор в процесс принятия решения, и до самой операции никто из них не сказал ни слова о возможности исчезновения луны. Шани уже решил, что с луной или без нее — в случае, если посадочная полоса не будет освещена, он зажжет посадочные огни самолета на последней стадии снижения, после того как радар приведет его на полосу.

И если даже радар не обнаружит в темноте полосу, Шани был тверд в своем намерении приземлиться в Энтеббе. «Если я увижу, что на поле темно, — сказал он Бени Пеледу, — и радар не находит посадочную полосу, то включу радио и передам на контрольную башню: я — самолет Восточно-Африканской авиалинии номер семьдесят, с общей неисправностью в электросети, объявляю аварийное состояние. Прошу немедленно включить огни! Нет контролера в мире, который не повернет в таком случае рубильник. Не обезумеет же он до такой степени, чтобы взять на свою совесть крушение самолета с двумястами пассажирами. Он включит, и мы приземлимся. Пока поймет, что случилось, операция уже состоится. Так о чем беспокоится?»

Но Бени Пелед не беспокоился. Он был уверен в своих пилотах и сказал Шани, что идея хорошая, ею можно воспользоваться в случае необходимости, но пока лучше держать ее при себе.

Бойцы Части ждали ночью прибытия начальника Генштаба, чтобы начать ученье-модель. Перед ученьем Йони провел дополнительный инструктаж для командиров отрядов Части. «Говорили обо всем — и о плане, и немножко о разных других вариантах и реакциях на них. Подробнейшим образом обсуждали, что именно должен делать каждый. И тут возник вопрос: атаковать ли „МИГи“? Насколько помню, решили в случае

опасности с их стороны открыть по ним огонь. Но если кругом будет темно, пустынно и безлюдно — не превращать это в День независимости»[57]. Потом Йони проинструктировал заново все отряды Части.

Первое ученье-модель Йони провел еще при свете дня, перед ночным ученьем, которое должно было состояться в присутствии начальника Генштаба. «Атаку» после выхода из машин вел Муки, который был командиром звеньев прорыва. Вначале Йони определил, что первым к терминалу двинется звено Гиоры, поскольку ему надлежит проникнуть в самое отдаленное помещение, а затем два других атакующих звена. В таком случае вторжение произойдет через все три главных входа одновременно. Однако Муки, будучи командиром звеньев прорыва на нижнем этаже, воспротивился тому, чтобы кто-то другой, а не он вел атаку. Он пытался убедить в этом Йони, напомнив ему опыт прошлого, который показал, что, если человек, находящийся на острие прорыва, задерживается, случается беда. Между ними вспыхнул короткий и бурный спор, но Йони остался при своем мнении. Тогда Муки сказал ему: «А ты на моем месте, где бы предпочел быть?» Муки говорит, что Йони улыбнулся и молча показал пальцем на бумаге — первым. И действительно, позже Муки обнаружил, что порядок продвижения звеньев к терминалу изменен, его звено — первое из атакующих, а рядом, впереди, двинется Йони и его командное звено. (Описание взято из рассказа Муки в еженедельной телепрограмме «Время пришло» от 12.5.86.)

Для второго ученья Йони поставил двух человек, изображающих угандийских солдат. Но не у здания терминала — было известно, что там находятся часовые, а подальше, у начала ведущей к нему полосы. «По логике, они поставят здесь охрану», — сказал Йони.

Кроме бойцов Части, начала учений ожидали также солдаты и офицеры парашютных войск и Голани. Среди них был и сержант Сурин Хершко, который скоро должен был демобилизоваться. Он со своим батальоном был на Голанах, когда вместе с четырнадцатью товарищами получил приказ направиться в центр страны. Прошлой ночью, с четверга на пятницу, они прибыли на место, где назавтра должно было состояться ученье-модель, и там легли спать на земле, в спальных мешках. В пятницу им сказали, что готовится атака на трехэтажное здание, в котором находятся террористы. Ни слова об Энтеббе, атака якобы состоится в Ливане. Однако, увидев на месте самолеты «геркулес» и услышав утром, что их приглашают в заправочный самолет, чтобы понять, сколько человек туда может втиснуться, они уже не нуждались в

объяснении, что готовится вторжение в Энтеббе. Большую часть дня, до начала ученья-модели, им особенно нечего было делать. Они сидели в сторонке, говорили между собой, глядя на своих офицеров, занятых встречами, переговорами и подготовкой планов. Время от времени Сурин видел там подполковника, которого знал раньше. Это был Йони.

«Я был сержантом в минометном подразделении, — рассказывает Сурин о своем, знакомстве с Йони в период, когда Йони был танкистом. — Меня иногда посылали с отрядом для минометной поддержки на танковых батальонных ученьях. Так я дважды оказался и в батальоне Йони. Я сидел с ним на инструктаже по планированию учений и моего в них участия. Я видел очень энергичного парня… он очень хорошо разбирался в минометах. Знал, о чем идет речь. Обычно, отправляясь на такие ученья, я знал: буду делать что хочу, командир батальона все равно в этом деле не смыслит — постреляю, когда и как хочу, чтобы появилось там немного дыма, и это его устроит. Но с Йони такое не прошло. Он знал эту область и этот предмет, знал точно, чего и когда требовать. И в самом батальоне к Йони было особое отношение. Его там ценили. И еще я помню — когда я вышел после учений со своим звеном, мне дали от их батальона водителя для минометного бронетранспортера. Это был личный шофер Йони, шофер его машины. „Заметь, — все время обращал мое внимание шофер, — какая у него власть на всем учением, как он владеет всеми, как отдает команды. Меня это поразило — никогда не видел, чтобы шофер с таким интересом следил за ученьем“».

У Сурина не было особых опасений по поводу операции в Энтеббе. Он полагался на своих командиров и был уверен, что армия способна вернуть его оттуда живым. Перед ученьем-моделью ему и его товарищам сказали, что они должны выйти из самолета и прибыть к «зданию», обозначенному специальными знаками. Но назавтра, в субботу, они уже получили более подробную инструкцию. Им наконец сказали, что они отправляются в Энтеббе, что их задача — завладеть новым зданием терминала. Звено Сурина, во главе с командиром его роты, должно залезть на крышу и проверить, нет ли там угандийских солдат. Еще им сказали, что к угандийским солдатам, если они там обнаружатся, надо отнестись как к врагу. Гражданских не трогать, а только собрать их в нижнем этаже. Им также объяснили, что хотя захваченные находятся в здании старого терминала, но кто знает, может быть, за последний день их перевели в новый. В этом случае именно им придется освобождать заложников.

Около десяти вечера начальник Генштаба вернулся из Шарма в центр страны. Начальник Генштаба с Екутиэлем Адамом, Даном Шомроном и другими старшими офицерами сначала собрались в кабинете Йони, где он им кратко изложил свой план, который они в основном уже знали, и где обсудили отдельные связанные с операцией пункты. Гур заострил внимание на контрольной башне, и Йони объяснил, что он собирается нейтрализовать ее на первой стадии операции с помощью сил отвлечения на джипах и вооруженного ручным пулеметом бойца, а на второй — с помощью солдат на бронетранспортерах. После короткого совещания все поехали на место, где должно было состояться ученье-модель.

Во время ученья самолеты ехали по взлетно-посадочной полосе, будто только что приземлились. Из первого самолета сначала вышли бойцы отряда парашютистов, чтобы установить на полосе фонари. Они послужат для обозначения взлетно-посадочной полосы в Энтеббе, если она не будет освещена или свет на ней погаснет после того, как приземлится первый самолет. (Инициатива использования ручных фонарей во время Операции принадлежит полковнику Матану Вильнаи. Незадолго до того он прорабатывал с эскадрильей «геркулесов» посадку в полевых условиях; во время совместных учений выработалась система использования ручных фонарей для обозначения посадочной полосы. Матан считал, что эти фонари послужат очень важным средством обеспечения безопасности в Энтеббе на случай, если освещение будет там выключено. Под конец его предложение было принято.) Когда первый самолет остановился, спустили трап для «мерседеса» и двух джипов части. Амицур, водитель «мерседеса», поворачивает ключ, чтобы завести машину, — и ничего не происходит: мотор не заводится, и учение чуть не провалилось, не успев начаться. Амицур попросил, чтобы ехавший за ним джип ударил его машину, чтобы встряхнуть стартер, и действительна, удар помог, «мерседес» завелся. Машины спустились с самолета и поехали к «старому терминалу».

При повороте налево, ведущему к нему, столкнулись с двумя «часовыми», которых поставил Йони. «Часовые» заподозрили неладное в приближающейся машине, скомандовали «стоп», в ответ Йони «выстрелил» из пистолета с глушителем. «Поставили бочки и прочие объекты рядом с двумя бойцами, изображавшими часовых, на самой полосе и „столкнулись“ с ними, — рассказывает Муки. — То есть они нас „остановили“. Мы остановились, Йони „выстрелил“ в одного из них из пистолета с

глушителем… и двинулись дальше к „терминалу“. Отряд остановился перед ним». Бойцы выскочили из машин, причем Муки вел «атаку», а Йони бежал рядом. Они ворвались в проходы, расположенные между брезентовыми полотнищами, и стали стрелять во внутрь «комнат» холостыми патронами. Йони руководил действиями, включавшими также и его бронемашины, которые появились сразу же после этого, а позже — «эвакуацией» заложников и бойцов части. Это продолжалось недолго. Начальник Генштаба находился рядом: в пути от самолета к «терминалу» он был в машине, во время «атаки» и «вторжения» — лично наблюдал за бойцами.

Бени Пеледу, командующему авиацией, бег солдат в темноте в разные стороны показался сплошным балаганом. Но начальник Генштаба, будучи пехотинцем, понимал, что происходит, и был доволен. Хаги Регев, адъютант начальника Генштаба, также сопровождал атакующие силы Части. Йони и Хаги знали друг друга с войны Судного дня, когда отряд под командованием Йони присоединился в момент вторжения к седьмой танковой бригаде, где служил Хаги. С тех пор они поддерживали контакты и иногда встречались. «Во время ученья я чувствовал, что он хочет мне что-то сказать, — рассказывает Хаги. — Он был усталый, может, слегка больной, во всяком случае, очень усталый. И он, по сути, сказал, но какими-то другими словами: „Передай своему боссу, что все в порядке, мы готовы“… Мне кажется, течение его мысли было такое: ученье-модель, возможно, прошло не совсем удачно и в результате не прибавило уверенности руководителям, которые должны принять решение… И он хотел не сам, а через меня донести эту мысль, чтобы не вызвать ни малейшего подозрения, что хоть что-то не в порядке. А смысл вложил такой: „Все в порядке. Скажи, чтобы не беспокоились. Они не знают точно, что мы делаем, но мы знаем. Все в порядке“. Но опять же — я запомнил его таким усталым — физически усталым, не душевно, мне, во всяком случае, так показалось».

У начальника Генштаба было только несколько замечаний к Йони после ученья-модели. Он был недоволен тем, что джипы перегружены людьми, и боялся, что это помешает им действовать. «Словно груда людей двигалась, а не машина», — вспоминал Янош это зрелище. Начальник Генштаба просил уменьшить число людей в каждом джипе. Йони сказал, что, по его мнению, все в порядке, что они уже не раз так действовали и проблем не возникало, но начальник Генштаба стоял на своем, и наконец решили, что с каждой машины снимут по человеку.

Бойцы Части услышали, что начальник Генштаба хочет сократить число людей в джипах. «Это был напряженный

момент, — рассказывает Алик. — В подобных случаях все начинают глядеть по сторонам, искать, кого бы снять. Я почувствовал себя „аутсайдером“, поскольку был резервистом, не состоял на регулярной службе в Части; естественно я опустил глаза, стал топтаться на месте. Но потом подумал: нет, раз Йони меня позвал, то ясно: сейчас меня никто не снимет… так и сказал себе: „Сейчас меня никто не может снять“».

Йони и начальник Генштаба обсуждали операцию в основном в полевой палатке, сооруженной прошлой ночью и служившей днем столовой для находившихся на месте пехотно-десантных войск. Начальник Генштаба собрал старших командиров в палатку, чтобы выслушать, каковы, по их мнению, шансы на успех операции. Около часа сидели на деревянных лавках вокруг раскладных столов, на которых — об этом своевременно позаботился Рами Дотан — лежали ломти арбуза. Командиры операции во главе с Даном Шомроном высказали положительное мнение. «Вторжение, — так они сказали, — пройдет, по всей вероятности, успешно». Шомрон подчеркнул, что все зависит от первого самолета. Если первому самолету удастся приземлиться, операция удастся.

Теперь решение было за Гуром. Рекомендовать ли проведение операции гражданским властям или нет? На него произвели хорошее впечатление как главные силы, так и вспомогательные, и сейчас ему осталось только принять окончательное решение. Он — главный военный авторитет, и без его утверждения и однозначной рекомендации войска на операцию не пошлют. В этот момент Гур, безусловно, чувствовал весь груз лежащей на нем ответственности. Прежде всего перед подчиненными, перед бойцами, которые по его приказу устремятся к цели, расположенной за тысячи километров, о которой несравненно больше неизвестно, чем известно. Поражение в такой операции может быть сокрушительнее любого другого военного поражения, когда-либо испытанного страной. И вопрос не только в том, сколько заложников или бойцов будут убиты во время операции. Всем в голову приходили два тяжелых сценария. Один — что во время операции всех заложников перебьют до того, как спасатели смогут до них добраться, и второй — о котором никто не говорил вслух, но который у всех мелькал в воображении, — что во время вторжения что-то случится, и в результате отряд, отобранный из лучших бойцов и офицеров армии, вообще не сможет выбраться из Африки по воздуху; в лучшем случае, он должен будет пробивать себе путь, отбиваясь от угандийской армии, до границ Кении, в худшем — попадет в плен, а то и будет уничтожен. И это станет не только военной трагедией, но и повлечет за собой до

сих пор невиданную для Израиля политическую катастрофу. И главная военная ответственность за это ляжет на плечи начальника Генштаба, который рекомендовал такую безумную операцию.

Мота смотрел на окружающих его офицеров и слушал, что они ему говорят. Он выяснял состояние их духа и одновременно своего собственного.

Беседа Моты с Йони была самой продолжительной. Подполковник Амнон, офицер разведки при Шомроне, рассказывает: «Начальник Генштаба, по сути, говорил с Йони о том, насколько он верит в успех, каковы, по его мнению, шансы провести акцию в данных условиях». Как перед этим при встрече с Пересом в тот же день, так и теперь Йони понимал, насколько важен тон, каким он ответит, а также вес, какой он придаст каждому слову. «У меня было впечатление, что Йони, чтобы не показаться слишком самоуверенным (на самом-то деле я убежден, он ни минуты не сомневался, что все будет сделано), отвечал очень обдуманно и сказал, что, исходя из уровня тренировок и вообще из достигнутого уровня, не должно быть особых проблем… а что касается имеющихся разведывательных данных, то их достаточно, чтобы выполнить операцию, при этом степень риска не слишком велика»[58].

«Йони сказал, что если самолет приземлится в Энтеббе и бойцы отправятся к терминалу, то операция пройдет успешно и быстро»[59].

«Йони сказал ему, что у него есть твердое ощущение, что если заложники там действительно обнаружатся, то мы, Часть, с нашей техникой, с нашими людьми, безусловно справимся, — рассказывает Муки. — Йони вполне естественно и обоснованно считал, что операция выполнима. Подводя итоги, Йони ему сказал: „Это можно выполнить“. Я видел реакцию Моты и уверен, что эти три слова Йони придали военному руководству и начальнику Генштаба уверенность в том, что дело надо продолжать и что следует просить разрешения на операцию у правительства»[60].

Это впечатление — о степени влияния, какое могли оказать слова Йони, и то, как именно он говорил с начальником Генштаба, разделяли также другие присутствовавшие во время беседы. Рами Дотан не принимал активного участия в разговоре, а наблюдал за ним со стороны. «Хочешь не хочешь, ты видишь, что происходит. Видишь людей, их мимику, подмечаешь, куда смотрят глаза Моты… а смотрели они на Йони. Разговор в палатке укрепил Моту в готовности идти на это дело, — говорит Рами и добавляет от себя: — Спросить меня, кто именно укрепил

его в этой готовности, — я скажу: Йони. В этом я уверен на сто процентов».

По окончании встречи в палатке начальник Генштаба сообщил, что будет рекомендовать министру обороны пойти на операцию. Это было одно из самых смелых решений, принятых каким-либо начальником Генштаба. С этого момента, сказал им Мота, окончательное согласие будет зависеть от правительства, Было решено, что за ночь участвующие в операции самолеты и машины будут перевезены на аэродром в Лоде, откуда назавтра вылетят назначенные для операции вооруженные силы.

Офицеры встали. Кто-то еще оставался две-три минуты в палатке, кто-то вышел. Говорили немного и почти шепотом. Создавалось впечатление: «притаились перед броском» — по определению одного из присутствовавших.

Пройдя к выходу из палатки, Йони обнял стоявшего там Рами и сказал: «Все будет в порядке». Он сказал это не подбадривая, а серьезно, как будто и себя уверял в том, что все кончится благополучно. «Он был тем, кто определит успех операции первым же боевым действием, когда все еще могло пойти насмарку и окончиться провалом. Ответственность, которая лежала на Йони, была в сто раз тяжелее, чем других офицеров, и ты это чувствовал. Когда он сказал: „Все будет в порядке…“, он ручался за то, что мы и в самом деле выйдем из этого с честью… Я это почувствовал, и это придало силы».

На Яноша серьезность Йони тоже произвела похожее впечатление. «Если хорошо знаешь человека, достаточно взглянуть на него или несколько минут побыть рядом, чтобы понять его душевное состояние. Йони показался мне не обеспокоенным, но серьезным: гораздо более серьезным, чем обычно. И еще я отметил больше значительности в подходе, больше глубины. Гораздо больше, чем во время войны».

Возможно, потому, что Янош был близок с Йони, очень дружен с ним, он смог уловить то, что не все заметили. «У меня было чувство, что он приступил к операции очень усталым. Да он и сказал мне, что устал ужасно. И что ему еще массу дел надо подготовить и сделать. Но кроме того, он казался мне удрученным. Что-то его тяготило».

Офицеры разошлись, а с ними и солдаты. Бойцы Части вернулись к себе на базу. Было уже за полночь, но осталось еще много работы, которую надо было сделать. Кроме прочего, следовало завершить подготовку различных машин. Закончить починку и покраску «мерседеса» и установить в нем всякие мелкие, но важные детали, например угандийский вымпел

впереди. Требовалось закончить личную экипировку и подготовить все для назначенного на утро смотра снаряжения, а солдатам и офицерам, кроме того, просмотреть материалы операции, ознакомиться с разведывательными данными, в особенности с устройством терминала и с полосами и площадками вокруг него. До сих пор на это не было времени.

Йони сидел с офицерами. Он познакомил их со свежеполученными данными и провел краткий разбор прошедшего ученья. Потом посидел с Аликом и объяснил ему вкратце, с помощью разбросанных по столу чертежей, расположение сил и план операции. Главной обязанностью Алика было возглавить КП, если сам он по какой-либо причине будет вынужден его оставить, например, чтобы лично вмешаться в какое-то действие.

Солдаты разошлись по разным своим делам, как и большинство офицеров. Однако несколько офицеров собралось в одной из комнат против площадки с флагштоком. Их вдруг охватило большое беспокойство. До самого ученья-модели никто из них не верил, что операция состоится. Хотя они и проверяли своих солдат на различных смотрах снаряжения, обсуждали всякого рода замечания, касающиеся учений, гневно сражались за право своих солдат участвовать в операции — все это они делали вроде бы всерьез, но при этом где-то в подсознании сидела мысль, что эти мероприятия напрасны, что операция все равно не состоится. И вот теперь, когда стало известно, что начальник Генштаба решил рекомендовать правительству операцию и что ночью должны перевезти машины в Лод и погрузить их в самолеты, — до них впервые дошло, что, может, и в самом деле это произойдет. Вполне возможно! Начальник Генштаба порекомендует министру обороны и главе правительства, а они, почти слепо веря в способность Части выполнить все, примут положительное решение, проведут его в правительстве.

Рано утром они впервые услышали от Йони о плане операции. А теперь, через восемнадцать часов — безумных часов, когда они работали в поте лица, тренировались, — подготовка к операции уже позади, и им предстоит отправка в Энтеббе. Но к операции такого рода — к «особой» операции — они привыкли готовиться многие месяцы, вплоть до самого момента исполнения: тщательнейшим образом выверить тысячу и одну деталь и в результате достичь такого уровня подготовки, когда каждый боец точно знает, что он будет делать каждую данную минуту. Нельзя предоставлять дело воле случая. Подобная операция требует учений в настоящем здании, чтобы создалось истинное ощущение того, что произойдет в действительности, а

не на нескольких размеченных полосах среди брезентовых полотен; план такой «особой» операции после поправок должен быть всеми одобрен за несколько недель; разведывательные данные должны быть надежными, чтобы укрепить в людях полную уверенность, что они идут на «надежную» акцию. А здесь, сказал один из офицеров, «мы чувствовали, что все друг друга надувают. Вооруженные силы не готовы, модель — не модель, машины — не машины, ученья — не ученья, разведка — не разведка, и все — одна большая туфта. Мы чувствовали, что один надувает другого: Часть — себя и армию, командование пехотно-десантными войсками — тех, кто над ним, и так далее».

Разговор офицеров в комнате принял такой оборот, что там прозвучало мнение: следует через голову Йони, их командира, и даже через голову армейской верхушки добраться прямо до одного из министров, чтобы правительство поняло, каково настоящее положение вещей.

В тот момент, в ночь перед операцией, они мало верили в ее успех, а опасения были велики. Проистекало это в основном от известных им объективных данных. Но частично — из-за испорченных отношений двух-трех из них с Йони. За год, что Йони был командиром, их взаимоотношения испытали и взлеты, и падения, но в конечном счете остались плохими. Йони знал о противодействии ему со стороны этих офицеров, и из-за его чувствительности, возможно излишней для командира, знание это осталось у него в душе открытой раной, не дававшей ему покоя. Хотя некоторые из молодых офицеров, сперва настроенные против него, в корне изменили за год свое мнение о Йони и превратились в его горячих сторонников, а один-два из них тем временем закончили службу, оставалось все же несколько человек, упрямо противостоявших Йони. В какой-то степени их возражения против него, безусловно, имели объективные причины, связанные с отдельными его ошибками, но в основе лежало, по-видимому, личное неприятие. А постоянное противодействие в определенный момент, как известно, обретает упорный, почти «принципиальный» характер. Что бы ни сделал объект противодействия — все заранее обречено на критику со стороны его противников. Поэтому и составленный Йони план операции, и предпринятые им действия не устраивали этих офицеров. «Йони не все продумал, не все подготовил», — скажут они после этой операции и ее грандиозного успеха. Конечно же не все — это было бы выше человеческих сил. Возможно, подготовь эту операцию кто-то другой, он бы подумал о других деталях и составил бы совсем другой план. Йони и сам знал, что план и его подготовка не идеальны — о каком идеале может идти речь,

когда в его распоряжении был такой короткий срок? — однако полагал, что они обеспечат успешное проведение операции. К тому же он верил в своих солдат и офицеров, включая и своих противников среди них, и рассчитывал, что в необходимый момент они сделают максимум того, что требует ситуация. Ну и конечно, он верил в себя.

«Мы, молодые командиры, — сказал один из критиков, — полагались, по сути, на „технику“ и не слишком принимали в расчет главное наше и наших солдат качество — находчивость, инициативу, что называется, „открытая голова“».

Справедливости ради надо сказать, что источником опасений этих офицеров были не слабодушие, не страх перед врагом. Во время самой операции они показали образцовое мужество. К тому же чувство неудовлетворенности от последнего перед операцией ученья-модели испытывали не только противники Йони, а и некоторые другие офицеры, не принимавшие участия в этой ночной беседе, и даже те, кто сражался вместе с Йони во время войны Судного дня и полагался на него в момент боя, как ни на кого другого. Сыграли свою роль лихорадочная подготовка, сложность задания, сравнение с опытом прошлых операций по освобождению заложников, а также сомнения и опасения, свойственные каждому человеку в тот или иной момент перед решающей акцией.

Офицеры наконец разошлись, так и не приняв решения к кому-либо обратиться. Но факт остается фактом — в этот ночной час, меньше чем за двадцать четыре часа до высадки в Уганде, ключевые роли в операции принадлежали офицерам, душа которых не была спокойна в отношении задания. Такого рода чувства во время дела, успех которого решается за минуты, чреваты катастрофой. Назавтра Йони — своими действиями, своим примером — вызовет в них прямо противоположные чувства.

Экипировка, осмотр снаряжения, отбор машин и их подготовка, чистка оружия и разного рода координация и внутри части, и вне ее — все это продолжалось до глубокой ночи. В комнате Амира и Шломо, как и в других комнатах, солдаты иногда гасили свет, чтобы сделать наводку установленных на личном оружии фонариков. Они были необходимы на случай, если зал, где содержатся заложники, не будет освещен, — без них не разглядишь, в кого стреляешь. «Меня не оставляла мысль о травме, связанной с гостиницей „Савой“, — рассказывает Шломо, раненный в той операции, — в момент, когда мы прибыли к зданию, террористы взорвали бомбу. Все здание погрузилось в

темноту — дым и тьма египетская, ни зги не видать. Я подумал, что и тут может произойти нечто подобное, и для такого случая единственный источник света для тебя — фонарик. С его помощью ты ищешь цель — врага. Иначе — промахнешься. Мы ставили в комнате оружие на что-то устойчивое, смотрели сквозь дула и нажимали на фонарик. Чтобы удостовериться, что сноп света падает в точку, на которую ты целишься сквозь дуло, — это был вопрос жизни и смерти». На всех солдат не хватало подходящих для «Калашниковых» фонариков, поэтому некоторым пришлось взять «узи», для которых фонариков было в изобилии. Илан, солдат из атакующего звена, отправился с «узи», за который расписался, на соседнее стрельбище и там перестрелял из него все взятые с собой магазинные коробки, чтобы убедиться, что все работают как надо.

Тот, кто до сих пор не загрузил магазины и не наполнил подсумки гранатами, сделал это сейчас. Каждый взял с собой столько гранат и магазинов, сколько вмещали карманы патронташа. Всем велели зарядить винтовку двойным магазином, чтобы не было никакой задержки в момент замены первого магазина. Амир взял к себе в вещмешок устройство для взлома дверей и продумал, как всего удобнее тащить на себе мегафон с вещмешком. В каждом из атакующих звеньев кто-то один должен был тащить это снаряжение. Никому, разумеется, не хотелось, и в жеребьевке, которую провели в звене Амнона Пеледа, эта роль выпала Амиру.

Часть солдат и офицеров пошли поспать несколько часов. Другие, кому требовалось продолжить работу, остались бодрствовать всю ночь. А некоторые бодрствовали потому, что не могли заснуть.

А Пинхас пребывал в беспокойстве. В два часа ночи ему сказали, что еще один солдат из его группы отозван. Теперь он — последний оставшийся солдат их группы и самый молодой участник операции. Всего несколько недель назад Пинхас окончил учебный курс. Остальные ребята из его группы опередили его и получили по окончании курса значок Части на торжественной и многолюдной церемонии, состоявшейся, как обычно, ночью. А Пинхас из-за перелома ноги не смог тогда принять участия в предварительном испытании. Только поправившись, он с другим солдатом прошли трудное и долгое испытание. В конце его Йони задал им упражнение со стрельбой возле какого-то старинного объекта. Потом пришла очередь торжественной церемонии.

«На этот раз присутствует не вся Часть, а только мы втроем, — сказал Йони двум стоявшим перед ним потным

солдатам. — Но это не уменьшает значения акта. Наоборот. Изо всех проведенных мною смотров с получением значков этот самый волнующий. Потому что эта частная церемония породила между нами особую связь — между мною, командиром части, и каждым из вас двоих». Он вынул из кармана маленькие крылышки, символ Части, и протянул им, пожимая руки. В темноте ночи бойцы не могли разглядеть крылышки, только ощутили их пальцами.

Интимность ситуации очаровала Йони. Душевная связь с простым солдатом была для него важнее всего. Но по мере того, как шли годы и он повышался в должности, связь эту все труднее было поддерживать, особенно с тех пор, как он стал командиром Части. Создавать же видимость связи между людьми, этакую «связь с массами», внешнее и поверхностное компанейство, Йони был просто не способен. Любое притворство, любая фальшь в человеческих отношениях — хотя бы и улыбка, «сердечная», ничего не значащая, — были решительно чужды его натуре. Улыбался он самопроизвольно — широко, приветливо.

Выдавая значок Пинхасу, Йони получил возможность установить контакт, пусть и кратковременный, со своими бойцами. Он предложил им вернуться с ним в Часть в его машине вместо грузовика, приехавшего забрать их. По пути, пока солдаты не задремали, Йони интересовался их прошлым, спрашивал об их теперешней жизни. Так, он узнал, что родители Пинхаса приехали в страну из Туниса, что Пинхас — один из семи братьев и что среднюю школу перед мобилизацией он кончал, живя в интернате.

Едва ли Пинхас успел до операции взглянуть на крылышки больше двух раз. Их место было не на груди у него, а в ящике стола.

Сейчас, посреди субботней ночи, когда оставалось всего несколько часов до выхода отряда из лагеря, Пинхас испугался, что Йони и его вычеркнет из списка. Он знал, что по «возрасту» бойцов — он на очереди, и с беспокойством спросил одного из офицеров: «Какие у меня шансы участвовать?»

— Тебя никогда не вычеркнут, — твердо ответил офицер.

Пинхас удовольствовался этим ответом и вернулся к себе в комнату, чтобы подготовиться к утренней проверке снаряжения. Он был уверен, что акция Части пройдет успешно, что свою работу бойца с ручным пулеметом во втором звене Ифтаха он выполнит хорошо. «И еще мне было ясно, — говорит Пинхас, — что если повредят самолеты, то нам оттуда не выбраться. Не будет никакого пути назад. Может, это не говорилось прямо, но здравый смысл подсказал мне, что именно так оно и будет».

Посреди ночи Пинхас пошел спать. Оставшиеся до побудки два часа он проспал, испытав перед тем облегчение оттого, что его не исключат из группы, которая приземлится в такой точке на экваторе, откуда может и не быть обратного пути.

Амир был из тех, кто не пошел спать. Знал, что все равно не уснет — и от волнения, и от страха. Страх проистекал не от недостатка уверенности в командирах. Это был тот физический страх, который испытывает почти каждый солдат, идущий в бой. Только вчера ночью ему позвонила секретарша и сообщила, что «едем очень далеко», и вот сейчас эта «поездка» уже неотвратима. «Или это будет самая успешная из операций ЦАХАЛа, или самый большой провал», — сказал он товарищу по комнате. Оставшиеся до утренней проверки снаряжения часы Амир трудился над оперативной папкой, раз за разом возвращался к схемам и снимкам, чтобы, не дай Бог, не перепутать входы и не попасть вместо зала с заложниками в другое помещение. Хотя по плану он должен вбежать вторым в центральный вход после своего командира Амнона, а тот, конечно, знает, куда бежать, но нельзя полагаться только на это. Надо быть готовым ко всему. Он осмотрел и большую карту Африки, с указанием пути возможной эвакуации из Энтеббе; путь этот шел по северному берегу озера Виктория к границе с Кенией.

Дани Даган также бегло взглянул на карту и на этот путь. Расстояние до Кении — двести километров, и в бронетранспортере, бак которого он позаботился наполнить до предела и загрузить туда еще несколько полных канистр, горючего хватит, чтобы добраться до границы и дальше. В тот момент его беспокоило другое. У «мерседеса» были стертые шины, в некоторых местах даже виднелась ткань. «Хотя „мерседес“ должен проехать только три — пять километров, но в нем будет девять — десять человек, и шины должны быть в порядке», — сказал Дани. Амицур позвонил другу, который связал его и Дани с хозяином гаража для «мерседесов». Ночью Дани поехал на склад в Яфо и взял оттуда пять новых шин. На ресторанной салфетке дал расписку хозяину гаража, что в течение недели заплатит ему за шины.

Но и после смены шин техническое состояние «мерседеса» продолжало беспокоить Дани, и он хотел заменить его другой машиной. Он доложил Йони, что, по его мнению, машина для акции негодна. «Ты уверен?» — спросил его Йони. Дани рассказал ему, что у его друга есть большая черная девятиместная машина «фиори». Йони загорелся этой идеей. «Великолепно — поезжай, привези ее», — сказал он. Дани среди ночи поехал к своему другу и, не говоря, для чего ему нужна машина, попросил разрешения

день-два ею попользоваться. После звонка в Кирию и полученной гарантии того, что армия покроет любой материальный ущерб, Дани позвонил Йони и сообщил, что машину можно использовать. «Какова ее длина?» — спросил Йони. Узнав, что машина на шестьдесят сантиметров длиннее «мерседеса», Йони отказался от нее — в самолете не хватало места. Так что оставалось лишь надеяться, что стартер и все другие детали мотора «мерседеса» в ответственный момент не откажут.

Тамиру, родители которого в тот день вернулись из-за границы, Йони разрешил съездить домой и вернуться утром. Большинству других офицеров в возрасте Тамира, как и солдатам, приказано было не уезжать. Но молодые офицеры имели обыкновение частенько нарушать такого рода приказы, в особенности когда внутренний голос говорит тебе, что операция все равно не состоится. «В тот период мы с А. всякий раз по окончании учений ехали домой, — рассказывает один из офицеров. — И в этот раз тоже подумали: не поехать ли нам? И решили: поедем. Взяли D-200 и отправились. Доехали до ближайшего перекрестка, вдруг капот мотора встал у нас прямо перед носом. Мы переглянулись и подумали: может, все же не стоит ехать? Опустили капот, развернулись и поехали назад в лагерь».

«В пятницу трудились до поздней ночи, — рассказывает Ави. — Йони тоже работал допоздна — над тем, на что еще надо обратить внимание, что еще надо проверить, убедиться, что все в порядке». Кроме того, Йони с Ави были заняты и другим очень важным делом, которому Часть в тот период посвящала мало времени. В связи с этим делом у них была назначена на завтра, на субботу, встреча с неким лицом. Перенести встречу было нельзя. Не было другого выхода, как присутствовать на ней Ави, поэтому они заранее решили, что Ави не летит в Энтеббе. «Мы с Йони обсуждали вопросы, связанные с другим делом, но я чувствовал, что он уже там, в Энтеббе. Он сочувствовал мне, видя как я огорчен оттого, что обязательства перед другими лицами мешают мне принять участие в операции… Однако, исходя из того, что шанс получить разрешение на операцию и на этой стадии невелик и вряд ли на нее решатся, Йони сказал мне: „Ави, жаль, чтобы ты тратил на это время“».

После всех дел у Йони осталось для сна всего несколько часов. Он понимал, что поспать перед операцией необходимо. Приехав домой, он пошел в душ. Когда Брурия зашла в ванную, ей показалось, что Йони заснул в душе: он стоял, прислонившись спиной к стене, вода лилась на голову, глаза закрыты. Они поставили будильник на ранний час, чтобы успеть поговорить о

письме, которое Йони оставил ей прошлой ночью. Сейчас, среди ночи, было уже не до мыслей и размышлений. Все, чего Йони хотел, — это спать. Он забрался под одеяло и тут же заснул.

Глава 5

Рассказы других добавляются к моим собственным воспоминаниям. Они выстраиваются в моей памяти в непрерывную череду, ведущую к гибели Йони в Энтеббе.

Шестнадцать лет прошло с войны Судного дня, и мой товарищ по службе в части на миг затрудняется определить точное место боя. Мы едем чуть к северу от Нефаха в направлении перекрестка Вест. Шоссе идет вверх и вниз, и каждый раз при спуске исчезают из поля зрения окружающие нас насыпи из камней. Во время одного из подъемов, перед тем как достичь вершины холма, он говорит: это здесь. Выходим из машины.

«Сирийские коммандос были рассыпаны здесь, слева от шоссе, — рассказывает он. — Вертолеты, которые их доставили, уже летели назад, на восток». Посадку вертолетов заметил один из отрядов Йони, расположенный у Нефаха для круговой обороны. Получив это известие, Йони немедля, чтобы не дать сирийцам сорганизоваться, приказал сесть на бронетранспортеры. Через несколько минут все, кто успел занять места — человек сорок, — уехали. Двигаясь в направлении высадки, миновали отряд Голани, уже пострадавший в перестрелке с сирийцами. Йони не смог получить у них сведений о расположении сирийских войск и продолжал продвигаться дальше. Остановил колонну в той самой точке, где мы сейчас остановились, и бойцы части вышли из бронемашин. «Когда мы были еще поблизости от бронетранспортеров, началась вдруг довольно серьезная стрельба, — рассказывает Шай, в то время — один из молодых офицеров части[61]. Мы, к счастью, успели пригнуться, и снаряды пролетели над нами. Но один из офицеров был ранен и позже умер».

Здесь, на шоссе, отметил я про себя, был ранен Гидони, только начав прочесывать местность. «Мы оттащили его назад, в это углубление на обочине, справа, и начали им заниматься, — рассказывает мне мой друг и добавляет: — При этом учти, что сирийцы уже стреляли вон с того, соседнего укрепления. — Я смотрю в том направлении и вижу в нескольких метрах слева длинную террасу, сооруженную параллельно шоссе. — Сирийцы располагались позади террасы».

Эту террасу после первого удара атаковал Шай вместе с другими бойцами. «Сирийцы начали сражаться, — продолжал Шай описывать бой. — Они поймали нас в самой удобной для них позиции в момент, когда сами были в укрытии, а мы — на виду.

Исход боя мог быть весьма мрачным. Я увидел, как погиб офицер, в считанных метрах от меня… Стрельба притихла, и было чувство, похожее на ожидание, вот сейчас кто-то что-то сделает. Лично я помню, что меня охватил страх. Сильный страх. И то, что я потом увидел, буду помнить всю жизнь: Йони вдруг поднялся совершенно спокойно, словно ничего особенного тут не происходит. Помню, он был в зеленой, не маскировочной каске. Жестами показывает людям, чтобы поднялись вместе с ним, и начинает продвигаться вперед, словно на учении. Идет выпрямившись, стреляет и отдает команды налево и направо с обычным своим, всегда отличавшим его хладнокровием. Помню, что я, как его подчиненный, как боец, подумал: если он, черт возьми, может такое, то и я не уступлю, — поднялся и вступил в бой».

Теперь мы двигаемся в глубь территории, среди разбросанных камней и полуразрушенных насыпей. «Во время боя я к нему приблизился, — рассказывает Шай. — Я был весь в пылу битвы. Он меня успокоил и спросил, как у меня с патронами. Я ответил, что не слишком много, тогда он сказал: „Убивай их поодиночке, как я учил тебя. Так гораздо точнее, очередями не надо. Ну, действуй“».

«Он двигался не бегом, атакуя спокойно, очень обдуманно. Так мы продвигались, прочесывали местность и одолели врага». За одной из террас погиб Барух, когда атаковал рядом с Йони. Сейчас мы ищем противотанковую траншею, где засело тогда человек десять сирийцев. Трудно определить ее расположение, наконец находим ее — неглубокую, ставшую совсем плоской от временных напластований. На минуту я вглядываюсь в окружающую местность. Наверное, это оттуда, сверху, Муки прикрывал наступление. «Добравшись до вершины, я заметил в земле какую-то впадину и увидел там стрелявших солдат, — рассказывает Муки. — Я крикнул Йони, чтобы он прикрыл, что я атакую это место… Я успел только крикнуть, что там есть люди, и Йони тут же бросился в атаку со своими бойцами. Мне оставалось только прикрывать их. Картина, запечатленная в моей памяти: Йони атакует первый с восемью бойцами против десяти сирийских коммандос и уничтожает всех. Эта картина постоянно стоит у меня перед глазами: как Йони атакует, стреляет и ведет людей в бой».

Мы отошли за несколько сот метров от шоссе. Возвращаемся назад через низкорослый кустарник. Бой продолжался тогда около полутора часов, еще раз прочесали местность, обнаруживая оставшихся позади сирийских солдат. Я захожу в машину, все еще переваривая в голове ход боя и его результаты. В части — двое

убитых[62] и раненый: сирийский отряд, также насчитывавший сорок человек, уничтожен полностью. «Выйти с таким результатом после того, как мы были захвачены врасплох, после стычки на короткой дистанции, сорганизовать разбросанный отряд — благодаря Йони это кончилось так, как кончилось», — говорит Шани.

«Йони вел здесь такой бой, о каком я даже в книгах не читал», — расскажет позже Муки. Йони подытожил результаты этого боя в кратком отчете, написанном после войны, добавив при этом: «Еще раз доказано, что наши войска, сражаясь по всем простым правилам — побеждают… Необходимо в каждом случае, перед каждым движением на местности, позаботиться о серьезных прикрытиях… Ясно, что решающая стадия достигнута, если противник морально подавлен. Перелом наступает, когда противника охватывает страх смерти. Страх этот совершенно парализует людей… Пока этот результат не достигнут, противник способен взвешивать свои действия и остается опасным врагом».

Йони никогда не рассказывал мне о подробностях того боя, и я никогда его об этом не спрашивал. Только однажды он как бы между прочим заметил: «Бедняги сирийцы. Этакое невезение — наткнуться на самую лучшую в мире часть». И я подумал, не сказав ему об этом, что им не повезло еще и в том, что наткнулись они именно на него.

Родителям нашим он также не рассказывал о том бое. Как-то сказал отцу: «Хороший командир проверяется не только победой в бою. Тот, кто готов жертвовать людьми, — почти обречен на победу. Однако истинно хороший командир побеждает с малыми потерями».

Эта картина — Йони в час боя — возникает снова и снова. Она не менялась в Энтеббе и наверняка примерно так же выглядела уже в первом его бою, когда Йони было двадцать лет, во время акции возмездия в Самоа.

«Как видно, есть люди, — писал тогда Йони, — которые под огнем теряют чувство реальности, не отдавая себе отчета в своих действиях в каждый данный момент. А некоторые, напротив, — не чувствуют никакой перемены. К таким, во всяком случае, принадлежу я. Та же степень концентрации, та же способность выносить суждения, то же чувство реальности и почти такое же напряжение, как обычно».

Так же выглядела картина — Йони в час боя и в ночной час, в горах Гуш-Эциона, в начале семидесятых годов. «Мы собирались атаковать дом, где окопались террористы, — рассказал боец Йони, служивший под его командованием в разведывательном отряде „Харув“[63]. — Приходили туда четыре-пять ночей подряд,

но разрешения атаковать не получили. В одну из ночей долго шли к дому, километров двадцать через горы… В последнюю ночь нас вдруг заметил сторож. Мы застыли на месте, а Йони понял, что надо действовать немедленно; он перепрыгнул один через каменную ограду, стал у входа и начал стрелять… Йони был недоволен тем, как прошла атака, хотя это был наш первый бой. Только двое из пяти террористов были убиты, остальные скрылись… Йони был молчалив в ту ночь, погружен в себя. Чувствовалось, что он недоволен, что дело было сделано не так, как надо. Много об этом не говорилось — и так все было ясно».

Боец еще рассказывал о Йони, а под конец заключил: «Он был не только командир, но также и воспитатель — настоящий воспитатель, как я считаю… Он был особенным даже в том, как наказывал. Достаточным наказанием мог быть тяжелый личный разговор».

Мысли мои подчинены каким-то своим законам, и, возможно, слово «воспитатель» перенесло их в тот период когда Йони был молодым командиром взвода парашютистов. «Мы сидели в окопе во время, какого-то учения по обороне, — рассказал служивший в этом взводе боец[64]. — Один военный паек приходился на пятерых, и каждый раз только двое могли выйти поесть. Пришлось мне есть с Йони. Он был голоден, перед ним стояла банка мяса и банка гороха, он хотел есть, как обычный человек, но ведь он был командиром взвода. Командир сидит рядом со своим бойцом, и ему как-то неловко набрасываться на еду. Я видел его колебания, и, по-видимому, в данном случае победил голод. Он съел немного больше. Я заметил, что он слегка смущен — неудобно ему, что съел больше. А я как раз искал случая поймать, подцепить его. Я спросил: „А как же другие бойцы?“ Он поднял голову и ответил; „Если будешь командиром, так не поступай“. И вот что интересно, года через три-четыре, когда оба мы уже были командирами, он напомнил мне об этом случае. „Ты помнишь? — спросил он, — надеюсь, ты не съедаешь еду своих бойцов?“»

Бойцы этого взвода парашютистов, даже расставшись после окончания, ежегодно встречались. «Мы каждый раз встречались первого января на площади Дизенгофа, и, как правило, приходили все, — рассказывали об этом первые солдаты Йони. — Мы шли в ресторан или в клуб и сидели там до самого утра. Во время этих встреч Йони был как один из нас — говорил искренне, открыто, изливал все, что накопилось. Когда мы поняли, какие чувства он испытывает к нам, мы очень крепко к нему привязались».

«Люди, когда выпьют, веселеют и дурачатся. Из года в год мы

рассказывали одни и те же истории, одни и те же случаи из прошлого… И видели, как Йони радуется встрече, может быть, оттого, что он был привязан к нам гораздо сильней, чем к другим. Не то что потом; с его повышением по службе связь с бойцами стала слабеть. И я думаю, что Йони был довольно замкнутым. Если не знал хорошо человека и не относился к нему сердечно — вряд ли способен был заговорить с ним на личные темы. А с нами не так, с нами говорил на любую тему и даже о самом себе

На последнюю встречу один из компании не пришел. Йони не понимал — как может человек пропустить такую встречу, как можно себе такое позволить… Мы ему сказали: „Оставь, у него траур в семье“. А он не мог поверить.

Каждый раз при расставании после нашей встречи видно было, как ему жалко уходить и как нет у него никакого желания возвращаться туда, откуда он пришел. Так хорошо ему было с друзьями… Он с нами пил, дурачился и всегда за полчаса, за час до ухода шел вздремнуть. Потом, взбодрившись, вставал, говорил: шалом, хевре, ноги в руки, и исчезал.

В последний раз — он плясал и дурачился всю ночь, на всю катушку. У нас была пятилитровая бутылка виски, и пока эта бутылка не кончилась, никто не вставал… Он — и только он — наливал, и наконец бутылка кончилась. Утром он должен был ехать, возвращаться. И — даже руки никому не пожал. Попрощался на расстоянии, сказал: шалом, — и ушел. Ему было жалко».

Мы продолжаем ехать на север Голанских высот. «Здесь, — показывает мой друг направо, — был район прорыва. Здесь мы вошли в сирийский анклав». Накануне прорыва отряд Йони присоединили к седьмой танковой бригаде. Тогда Йони в первый раз встретил Яноша, командира бригады.

«Это было в какой-то палатке ночью, за шесть-семь часов до прорыва, — рассказывает Янош. — Нас познакомил, кажется, Рафуль. На сборе дивизионных командиров Рафуль мне сказал: „Смотри, это Йони. Он твой подчиненный… Давай, бери его“. Я определил Йони в первый прорвавшийся батальон… Во время боев контакты между нами были совершенно случайными, беглыми и поспешными, деловыми и сухими. Приказ, задание, отчет. Но я уже и тогда, как говорится, был им „захвачен“. Радовался, что он пришел, что я могу с ним поговорить».

«Однажды его позвали на командный пункт. Изъяли посреди войны, — кажется, он полетел на вертолете, чтобы получить какое-то задание в другом месте. Я ему сказал: „Ты отказываешься от всего, возвращаешься к нам“. Он ответил: „Я к вам точно вернусь, ни на что другое не соглашусь. Все ерунда“. И

он вернулся. Потом был взят вторично для дела, связанного с захватом Хермона. Мне было очень жаль, что его забирают. Сколько я тогда его знал? Десять дней? Может, меньше».

Знакомство Яноша с Йони продолжалось и после войны. Когда Йони кончил переподготовку в танкисты, он был взят в дивизию Яноша, которая стояла на Голанских высотах.

«Со временем я подпал под большое влияние Йони, — продолжает Янош. — Хотя между нами была большая разница в возрасте. Мне было сорок, а Йони, когда он погиб, всего тридцать. Разница в десять лет. Я всегда был старше его по званию, но меня постоянно тянуло к нему (в армейской жизни с ее иерархией первые шаги ему навстречу обычно приходилось делать мне), поскольку я чувствовал: у него многому можно научиться. Я ценил его как человека в полном смысле этого слова, у которого можно почерпнуть и силу духа, и духовное богатство. Каждый человек, независимо от возраста, звания, профессии, ищет какую-то внутреннюю опору, которая придала бы ему силы. В армейской работе ты в этом особенно нуждаешься. Естественно, что большинство людей вокруг ждут того, что ты будешь им такой опорой, и черпают силу в том, что находятся в твоем кругу. Так, я чувствовал, что во мне находили такую опору те, кто окружал меня в армии, с кем я работал, и, честно говоря, ощущал некоторое свое превосходство над ними. Но, встретив Йони, я понял — вот кто стоит надо мной, по сути, почти во всех отношениях. Я искал его общества и дружбы, чтобы перенять у него то, что в нем есть. Словом, чтобы на него опереться.

Находясь с ним рядом, разговаривая с ним, я чувствовал какое-то душевное, духовное наполнение. Как будто прочел хорошую книгу. Прочтешь такую книгу — и обогащаешься, ощущаешь некий подъем духа… Что-то в нем было впечатляющее, доминирующее, но я не думаю, что стоит перечислять черты характера. Важнее объяснить, что человек чувствует, чем давать вещам конкретные названия».

Мимо нас проносятся холмы с округлыми вершинами. Впереди на горизонте высится Хермон. «Во время прорыва, — продолжает рассказ мой друг, сидящий рядом, — был тяжелый обстрел сирийцев. Мы немного отдалились от перекрестка и стали на обочине. Делать было нечего, оставалось только ждать, пока кончится обстрел. Мы все прижались к полу бронетранспортера. Только Йони, стоя во весь рост, смотрел на то, что происходит. Мы ему говорили: „Йони, ложись“, но он продолжал стоять. Для чего? Все равно ведь ничего не мог поделать».

Хотя я этого рассказа не знал, но как будто уже слышал его. Йони стоял, объясняю мысленно своему другу, потому что вести себя иначе было бы не в его духе. Разумеется, это был напрасный риск. Подчиненным своим он, конечно, не позволил бы так себя вести. Во всем, что касалось их безопасности, он был осторожен и предельно педантичен (однажды даже сделал замечание своему комполка танкистов за то, что тот появился у них в роте без защитного жилета). Но для того, чтобы понять его поведение, надо знать, что естественного страха — физического страха смерти, свойственного почти каждому человеку, а уж тем более молодому, двадцатисемилетнему, — никогда в нем не было. И потому, будучи командиром, он считал нужным — даже если в тот момент ничего не мог сделать наблюдать за боем, изучать положение.

Вскоре после этого, в ходе военных действий, Йони услышал по рации, что ранен Йоси Бен-Ханан, командир танкового батальона 7-й бригады Яноша. Случилось это после того, как его атака на Тель-Шамс была отбита. Тот, кто не пострадал во время атаки, отступил, поврежденный танк Йоси остался под холмом, а раненый Йоси, истекая кровью, лежит неподалеку на земле, выброшенный из танка взрывной волной в момент попадания. Водитель танка, хотя сам не пострадал, предпочел остаться со своим раненым командиром и заботиться о нем. Йоси удалось сообщить о себе в последний момент с помощью бипера, который дал ему за день до того Йони. Два танкиста остались в одиночестве, на занятой сирийцами территории. Возвращение сирийских солдат на холм было только вопросом времени. «Мы, отряд Йони, ели солдатский паек у компункта Яноша, командира бригады. Следили по рации за боем и вдруг слышим, что Йоси ранен, танк его поврежден, надо его спасать»[65]. Йони сообщил Яношу и Рафулю, что он намерен со своими солдатами спасти Йоси. Йони не мешкал ни минуты. С ним пошли Муки, Гиора, Шай и другие офицеры и солдаты, всего человек двенадцать. Они сели в два бронетранспортера. «Мои товарищи, — рассказывает Шай, — офицеры седьмой бригады, сказали: „Слушай, Шай, это самоубийство — то, что вы собираетесь делать, это безумие“. — „Молчи! — сказал я одному из них. — Не говори этого при солдатах“». Два бронетранспортера сперва поехали по следам гусениц, которые оставил танковый отряд Йоси, а под конец двигались в направлении пламени — там полыхал подбитый сирийский джип. Наступили сумерки, и к склону холма прибыли уже в темноте. Вышли из бронетранспортера, а дальше — бегом, пока не обнаружили Йоси. Йони приказал обследовать при слабом свете израильские поврежденные танки, чтобы убедиться,

что в них нет людей, и погрузил Йоси на носилки. Ну а потом мы поспешили оттуда убраться. Вскоре после этого туда явились сирийцы, которые оттащили в Дамаск израильские танки, а с ними, как видно, тела танкистов, не замеченные бойцами части.

«Прибытие Йони с его людьми решило мою судьбу, — говорил Йоси много лет спустя. — Я обязан ему жизнью»[66].

Сразу после войны Йони навестил Йоси в госпитале, а затем написал ему письмо. В письме, в котором Йони хвалил качества Йоси как командира в бою, нет ни малейшего намека на этот спасательный рейд. Среди прочего, там написано следующее:

«Я рад был услышать из окутавшего тебя гипса, самое главное для тебя: что ты здесь и что ты жив… Ты мне напомнил мое состояние, когда я лежал в больнице Рамбам после Шестидневной войны; вокруг меня суетились врачи, сомневаясь, будет ли работать моя левая рука, а мне казалось, что они беспокоятся о совершенно второстепенной вещи. Ведь главное жить, а все прочее — побочно».

Мысли мои несутся и отмеривают версты по пути к последней атаке Йони в Энтеббе. Вот что он сказал мне во время нашего с ним разговора за год-два до своей гибели. Я пытался убедить его иначе относиться к собственной жизни, а Йони, в момент откровенности, сказал, что не может принять моего совета, поскольку мы с ним по-разному смотрим на жизнь. Какой смысл серьезно думать про «завтра» и действовать «разумно» — так он сказал, — если ему не известно, будет ли он вообще жив, когда придет «завтра».

«Моя жизнь принадлежит только мне, как и моя смерть», — сказал Йони Биби за несколько лет до того. Это было перед «Сабеной», другой операцией по спасению заложников, когда арабские террористы захватили самолет и посадили его в Лоде. Йони прибыл на место акции за несколько минут до ее начала. Биби уже был снаряжен и готов к атаке со своими солдатами. Йони, который во что бы то ни стало желал принять участие в сражении, требовал, чтобы его взяли вместо Биби (был постоянно действующий приказ, запрещающий двум братьям участвовать вместе в одной акции). Когда Биби возразил: не будет же он сидеть в стороне, когда его бойцы сражаются! — Йони ответил: «Да, ты прав, значит, будем участвовать оба». — «Йони, подумай о наших родителях. Подумай о том, что с ними будет, если мы оба погибнем в акции», — пытался убедить его Биби. И Йони ему ответил так, как ответил, — что он хозяин своей жизни и смерти.

Но Эхуд, командовавший операцией, не утвердил участие Йони, и досада Йони тут же сменилась другими чувствами, когда он после боя увидел раненого Биби.

До сих пор поражаюсь, как удалось Йони взять меня с собой на другую акцию. Целью этой операции по захвату сирийских полковников был обмен военнопленными между нами и ими, освобождение наших моряков и летчиков, томившихся в сирийской тюрьме. (Йони командовал этой акцией. Этот факт, конечно, фигурирует в документах операции, но он искажен в различных публикациях, появившихся после нее. Как в любой операции, здесь был тыловой командный пункт, который возглавлял другой офицер (подполковник Эхуд Барак), старший по званию из участников акции, но командиром операции на месте был Йони.) Мое участие потому, может быть, было легче скрыть, что нас с товарищем поместили во фланговый блокирующий отряд. Я видел Йони во время операции только на мгновение, но этого было достаточно, чтобы почувствовать, какое влияние он оказывал на бойцов в минуты боя — и взглядом, и тоном. Роль нашего блокирующего отряда под командованием Муки была побочной, и при основной акции — захвате сирийцев и ливанских жандармов — мы не присутствовали. Главный отряд во главе с Йони и его заместителем по операции Узи проник на ливанскую территорию и направился на запад, к намеченному месту захвата — туда двигалась колонна сирийских офицеров. Отряд остановился на обочине шоссе — будто они люди гражданские и у них что-то сломалось в машине. Дозорная группа сообщила Йони, что произошло осложнение: колонна офицеров задержалась возле ливанских крестьян, как видно что-то заподозривших, и стала разворачиваться назад. Как всегда в таких случаях, Йони точно знал, что надо делать. Он отдал приказ быстро сесть в гражданские машины. После короткой погони сирийцев догнали и в перестрелке одолели их и ливанское сопровождение.

Когда мы — отряд Муки — подошли к ним со стороны блокирования с запада, слышались только отдельные выстрелы, подавлявшие остатки сопротивления. Сирийские офицеры уже были взяты и сосредоточены все вместе. Мы с товарищем тогда в первый раз участвовали в бою, и мое напряжение, когда мы прибыли к месту стрельбы, достигло предела. Там я увидел Йони: он стоял на шоссе и отдавал команды громким и энергичным голосом. Он спокойно сказал нам, что делать, и мое напряжение сразу же спало. Нам поручили прочесать местность к северу в поисках одного из сирийских офицеров, которому удалось скрыться в момент боя. Вернувшись через несколько минут, мы Йони уже не застали. Он предоставил своему заместителю по операции Узи заниматься доставкой пленных и трофейных машин на территорию Израиля, а сам отправился в соседнюю арабскую

деревню наблюдать за поисками машины, которая скрылась туда, и было неясно, имеет ли она отношение к колонне. Его не было с нами, когда мы в колонне победителей, с трофейными машинами и пленниками высокого ранга, пересекли границу страны, возвращаясь назад.

Мы проезжаем район на Голанах, где был расположен танковый батальон Йони. Основанный Йони лагерь вскоре после его гибели переименовали в «Лагерь Йонатана», и нам, семье, устроили здесь экскурсию. Войдя в лагерь, мы увидели на стене одного из строений строчки, написанные большими черными буквами, — из речи Йони при расставании с батальоном. Слова — почти в точности соответствующие его речи, экземпляр которой был найден в бумагах Йони, — воспроизведены были людьми батальона больше чем через год после их произнесения исключительно по памяти.

«Кирш (заместитель командира батальона) разместил весь батальон на большом пространстве, — рассказал один из штабных офицеров батальона о церемонии смены командиров. — Это было после какого-то учения. Поставили танки в виде буквы П. Йони стоял напротив на бронетранспортере и говорил ту прощальную речь. В конце речи отдал честь батальону в знак уважения и признания заслуг и так закончил свои обязанности».

В центре лагеря был кабинет Йони, где он еще и спасался, когда хотел уединиться. Время от времени он вырывался из армейского мира серых бараков, тропинок, проложенных среди выбеленных камней, и переходил в другой, свой мир. «Как-то ночью я кончил работать часа в два-три утра. Увидел свет у него в кабинете и зашел узнать, как дела. Это было после того, как Йони целый день был на ротных учениях. Смотрю, а он читает книгу стихов, кажется, Бялика…»[67].

«В ту пору если он спал часа два-три, то это много, — рассказал Янош, который был тогда его командиром дивизии. — Йони действительно жил жизнью батальона двадцать четыре часа в сутки. Редко увидишь такого целеустремленного человека. Понемногу он построил батальон, сформировал его, и учения стали выкристаллизовываться».

«Первое батальонное учение было полным провалом. В основном техническое учение, которое не удалось. Не удалось по двум главным причинам: из-за недостатка опыта у Йони по задействованию танков и просто по невезению. Иногда, если начнешь что-то с левой ноги, ничего уже не поможет. Это бывает».

«Жаль мне было, что так прошло учение, которым он командовал; после его окончания я за четверть часа подвел итог в

присутствии всех. И потом сказал: Йони, пойдем. Взял Йони и устроил ему анализ от алеф до тав, по пунктам. Я не знал, как он отреагирует, поскольку „насел“ на него не с криками и гневом, но самым суровым образом, а это иногда труднее всего вынести. Я видел, как он все записывает и не просто говорит „бэсэдер“, а спрашивает и анализирует. И вдруг я почувствовал, что вместо того, чтобы шаблонно подвести итог учению, мы, по сути, переходим к обсуждению его вдвоем: я сказал, он сказал, он спрашивает, я отвечаю, я развиваю, и он развивает, и это превратилось в беседу между двумя людьми: между мной и им. Мы сидели часа четыре-пять, анализируя учение. Потом соскользнули с учения и поговорили о военной истории, о философии, о географии, и снова вернулись к учению — и все каким-то образом в рамках разговора на эту тему. Я в нем различал желание учиться, постигать, понимать. Он сидел там вовсе не в роли получившего выговор, который только и ожидает, когда закончатся нотации, прекратится это унижение и он сможет убраться. Он сидел и не хотел уходить… Я спросил Йони: „Сколько тебе надо времени, чтобы повторить учение?“ Он сказал, что недели две. Так оно и было. И вот тут-то можно было увидеть, что значит „применить на практике“. Учение прошло отлично. Не повторилось ни одной ошибки прошлого раза».

В День независимости, примерно через год после того, как ему дали батальон, пришлось Йони как-то поехать в штаб Северного военного округа, чтобы получить от Рафуля звание подполковника. «У Йони не было для церемонии черного берета, только рабочая фуражка, — рассказывает штабной офицер, — как не было и разных значков и медалей, вроде медали за участие в Шестидневной войне. Всех тех внешних атрибутов, которые в Тель-Авиве носят напоказ каждый день. Он крутился по лагерю со своими потрепанными майорскими погонами, и я ему уже говорил полушутя: „Может, пора их поменять?“ Но перед этой церемонией Кирш ему выдал новые погоны майора, а также, кажется, и портупею, и мы ему добавили, чего не хватало. После этого он поспешил в штаб за получением звания».

Как командир батальона, считал Янош, «он был с профессиональной и человеческой точки зрения одним из самых замечательных офицеров в дивизии — и по способности к общему военному анализу, и по способности обращаться с отдельным танком. Знаком был со всеми тайнами ремесла, изучил их. Батальон его был ведущим в дивизии также и с точки зрения связи простого солдата с частью. Его личность как-то отражалась на части, она становилась ведущей — как в смысле боевого духа, так и чисто профессионально. Словом, превращалась в отличную

часть.

Мне хотелось, чтобы он остался в танковых войсках. Я ему говорил: „Побудешь командиром батальона, сделаем тебя заместителем командира полка. Считаю, что через короткое время ты будешь командиром полка“. Я верил в его талант, в способность руководить».

Чтобы случилось, если бы он остался в танковых войсках? — спрашиваю я себя. «Я пытался его убедить не переходить в Часть», — сказал Янош, и эта фраза сверлит мне мозг. Но все эти спекуляции — бесплодны, хотя бы потому, что не было ни малейшего в мире шанса, что он бы решил иначе, чем он решил.

Йони перешел в Часть. Он вернулся в свой «плавильный котел», как он любовно называл ее. И этим шагом еще больше погрузился в одиночество.

«Он очень отличался от других знакомых мне командиров, — сказал один из штабных офицеров Части. — В значительной мере был интеллектуалом. И душевно был старше нас на несколько порядков. Многое мы не могли тогда понять. Только в последние годы я постигаю, что он сделал. Мы были молоды тогда, и наша критика порой звучала слишком резко. Но за год, что он нами командовал, мне случалось быть с ним в разнообразных, более широких кругах, и я стал воспринимать его иначе… Однажды я как-то был у него дома, мы говорили на разные темы. Он был болен и просил меня прийти. Я тогда понял, какая у него эрудиция. И вот тут-то, по сути, стало меняться мое о нем мнение, я начал его больше понимать. Прежде всего я понял, что он все видит, но не обо всем, что видит, чувствует потребность говорить. Когда захочет, он скажет тебе свое мнение о данном вопросе. Он способен прощать, но до определенного предела. Если это переходит границу, он тебе врежет. Он стремился к тому, чтобы люди сами себя строили, учась на своих ошибках, чтобы пытались их исправить и совершенствовались своими силами, а не с помощью дисциплины».

«…Его жизненный опыт значительно превосходил наш, и это влияло на его поведение. У него действительно было доброе сердце. Ты видел, как это проявлялось даже в малом, и внутри Части, и вне ее. С одной стороны, он пытался сблизиться с людьми, не требуя особого „чинопочитания“. С другой стороны, во многом оставался загадкой. Для нас тогда он был загадкой. Мы его не понимали, и я думаю, что он это знал».

«Они не узнали Йони в полной мере, — таково мнение офицера, ветерана Части, о некоторых его офицерах. — Они не узнали его таким, каким он был на самом деле».

И для бойцов он во многих отношениях в самом деле был загадкой. «Йони был другой! — рассказывает один из них. — Ты видел, несмотря на его попытки с нами сблизиться, что он, по сути, оставался закрытым — думающим, размышляющим… Когда мы куда-то ехали или ждали начала инструктажа, он уединялся со своей трубкой, с книгой. Но, уходя в увольнительную на ночь и нуждаясь в транспорте, мы во время совещания передавали ему записку с просьбой предоставить нам его машину — просьба к командиру части весьма „наглая“, — он давал ее».

Другая моя поездка, на этот раз на юг, в Масаду. Я спускаюсь в большой колодец в южной части горы. Я знаю, что незадолго до смерти туда спускался Йони. Так же вот сходил по бесконечным ступеням, пока не добрался до дна пустого резервуара, служившего в течение трех лет бойцам великого восстания. В руках Йони была брошюра, из тех, что раздают туристам. Глубоко под землей, на дне, освещенном лучами света, проникающими через отверстие наверху, было прохладно и чисто. Можно было спокойно читать брошюру, на последних страницах которой помещена речь Элеазара бен-Иаира. Там, в храмовой тишине сводчатого пространства, вдвоем с Брурией, Йони вслух читал эту речь, и только Брурия была возле него. Она просила его прекратить; но слова, произнесенные командиром Масады две тысячи лет назад исходили из его уст и отдавались эхом среди скальных стен:

«Ибо для смерти мы родились, и для смерти родили своих потомков, и от смерти не скроются наисчастливейшие из людей. Но на жизнь в позоре и в рабстве — …на это зло человек не обречен с рожденья. Умрем же прежде, чем станем рабами наших ненавистников, и свободными останемся, покинув земной удел».

«Жить, — писал Йони в своем последнем письме, за несколько дней до смерти, — и по возможности подольше». С жизнью он не хотел расставаться. Его вечным вопросом было; какую прожить жизнь? В пустой смене суток он не видел никакого смысла.

Глава 6

Смешно, до какой степени по-разному я ощущаю состояния, когда мне есть что делать и когда я вижу, что делать нечего. Например, пока есть возможность тренироваться, двигаться по местности, пока есть надобность производить проверку боевой готовности или просто освежать систему — я ни минуты не спокоен. Но как только закончена стадия «до» и настал момент исполнения, я совершенно спокоен.

Из записки Йони к Брурии

Проспав несколько часов, Йони проснулся у себя дома в субботу утром. Позавтракал вместе с Брурией. Рядом с ними на полу лежала их немецкая овчарка Мор. В холодильнике был приготовленный Брурией лимонный пирог, и Йони, как иногда делал, поел немного прямо с подноса. «Съем только полпирога, — шутил Йони, — и так всякий раз буду есть половину от половины, чтобы всегда у меня оставался пирог».

Брурия знала, что часть готовится к операции по освобождению. За завтраком Йони сказал ей, что у правительства наверняка не хватит смелости утвердить операцию и в конце концов ничего не состоится. «Может быть, он так думал, — считает Брурия, — но возможно также, что он сказал это, чтобы я не волновалась».

— Я, наверное, вернусь после обеда на несколько часов, — сказал он ей, — тогда и увидимся.

В ответ на вопросы Брурии о письме, которое он написал ей за несколько дней до того, Йони стал что-то говорить о тяжелом состоянии, в котором в тот период находился, но разговор об этом не продвинулся дальше начала, наверное, из-за нехватки времени. «Я должен бежать», — сказал он, заметив, что задержался дольше намеченного.

Йони спустился к машине, где его ждал шофер, за ним поспешила Брурия, крикнув: «Йони, ты забыл попрощаться с Мор!» Но военная машина уже выруливала со стоянки, и Йони ее не слышал.

Работа в части все еще не прекращалась. Солдаты продолжали отрабатывать последние детали и, разложив перед собой на земле снаряжение, готовились к его последнему смотру, а штаб в это время продолжал последние приготовления и согласования. Кроме проверки снаряжения, Йони устроил еще один краткий инструктаж для всех участников отряда.

Он позвонил Хаги, адъютанту начальника Генштаба По телефону они старались говорить намеками. Йони хотел узнать у Хаги, осталось ли в силе решение идти на операцию, принятое прошлой ночью армейским начальством. И еще хотел убедиться в том, что в последний момент кто-то со стороны не помешает самостоятельным действиям его и Части. Хаги дал ему понять, что по этим двум пунктам все осталось как было, и под конец пожелал Йони успеха.

Йони положил трубку. Конечно, беседа вызвала в нем сильное волнение. Он убедился в том, что после долгой ночи колебаний в Тель-Авиве, после того, как начальник Генштаба заявил, что поддерживает идею операции, и остались считанные часы до решительного момента, — подготовка продолжает набирать силу. За несколько часов, проведенных дома, Йони оторвался от непрерывной цепи приготовлений, продолжавшихся больше суток. А тем временем внешний ход событий продолжал развиваться, и операция уже получила необходимый размах. Возможность того, что Йони полетит со своими людьми в Африку, чтобы освободить попавших в западню людей, стала как никогда реальной.

Йони устроил совещание командиров различных вспомогательных сил (так называемое «тактическое учение без участия войск»). Перед совещанием кое-кто из младших офицеров обратился к своему непосредственному командиру Гиоре. «В субботу утром мы увидели, что акция получает развитие. Помню чувство, когда ты вдруг понял, что дело действительно двигается», — рассказывает Гиора. Офицеры заявили ему, что не чувствуют себя уверенно в отношении операции, которая, как видно, состоится. «Надо пойти к Йони и сказать ему, что некоторые детали не доработаны», — сказали они. Этот их шаг, говорит Гиора, «был вызван поспешной подготовкой операции, а также бытующим в части обычаем этакого „философствования“ — то есть полагалось обсуждать, что делать, если то или иное звено застрянет, или что делать, если террористы оказались там или сям, а времени, чтобы действовать, нет». Гиора сходил к Йони и рассказал ему о мнении офицеров. «Йони сразу понял, что тут есть проблема, и учел сказанное мною». Он собрал офицеров в кабинете своего заместителя Ифтаха.

На совещании обсудили возникшие вопросы. Среди прочего говорили о проблеме нейтрализации господствующих на местности пунктов. Насколько Гиора помнит, Йони во время инструктажа определил, что в первые минуты отвлекающий огонь по крыше терминала и контрольной башне надо будет сдерживать, то есть не инициировать его, но, разумеется, отвечать на огонь оттуда следует. Офицеры не сразу поняли, почему нельзя открывать огонь немедленно. А этот пункт в плане Йони объяснялся тем, что речь шла об операции по спасению заложников, а не об обычном захвате вражеского здания. Как всегда в такого рода операциях, предотвратить опасность для заложников можно было, только подвергнув большому риску солдат.

«Мы говорили: в нас оттуда будут стрелять, но Йони объяснил, что вся эта акция продлится полминуты — минуту. В этот отрезок времени сам он должен находиться на передней линии и в считанные секунды сориентироваться, какое звено застряло, какому звену подойти, а может, самому проникнуть внутрь, если там будет какая-то заминка. Когда бойцы из пяти звеньев одновременно врываются в здание и стреляют, начинается шум, переполох, и бывает трудно владеть положением. Все это не так-то просто, особенно если мы хотим все завершить за минуту. И поэтому, говорил Йони, если у него над головой или позади какое-то звено откроет сильный огонь по башне или верхним этажам, это вызовет еще больший переполох и такой шум, что он как командир рискует в решительную минуту потерять связь со своими людьми, не сможет прокричать им команду. Йони упирал на выполнение задания: надо овладеть помещениями, а это во многом зависит от того, что он, командир, увидит и поймет, как идет бой, в очень короткий промежуток времени. Йони настаивал на необходимости сдержать огонь, сознавая, что это рискованно. Он настаивал на том, что должен владеть положением в главном»[68].

Совещание, рассчитанное на пятнадцать минут, закончилось лишь через час. «Это был очень плодотворный час, — говорит Гиора. — Было много споров о том, как действовать в таком напряжении, поднимались самые разные вопросы, и Йони совершенно определенно отвечал на них… Это было настоящее тактическое учение. Через час мы вышли совсем с другим чувством: на массу неясных вопросов был дан ответ. Заседание прошло замечательно».

Через час Йони должен был ехать вместе с некоторыми штабными офицерами в Лод на последний инструктаж командиров перед операцией, и он просил Муки обсудить

оставшиеся дела.

Перед тем как выйти из кабинета, он позвал Яэль, одну из своих секретарш, чтобы с ней попрощаться. Она заметила, что Йони был в хорошем настроении, говорил с ней уверенно. Он сказал ей, видимо в ответ на ее вопрос, что он уверен — все вернутся, но прибавил: если только это не кончится катастрофой. Когда, попрощавшись с ней, он выходил из конторы, Яэль обратила внимание на то, что он взял книжку карманного формата на английском, которую тогда читал, — боевик Алистера Маклина «Пыльная дорога к смерти».

Проходя через лагерь, Йони встретил Израиля. Они постояли с минуту и перебросились несколькими словами. Израиль видел, что Йони погружен в себя, как-то задумчив. «Он чувствовал, что кончил свою битву за операцию и теперь остался сам с собой наедине».

Вдруг Йони сказал ему: «Знаешь, Израиль, я пойду отдать честь флагу. Раз в жизни надо отдать честь флагу».

«Он это сказал от всего сердца, — рассказывает Израиль, — и я почувствовал, что он действительно отдает честь — но не рукой, а душой».

Хотя Ави не хотел сопровождать Йони в Лод, ссылаясь на то, что жаль времени, Йони все же убедил его. «Поедем, поедем со мной», — сказал он ему. Ави понял, что в связи с этой поездкой в Лод у Йони укрепилась уверенность, что операция состоится. Йони ему сказал, что хочет еще раз, перед отправкой на акцию, поговорить с бойцами Части.

«Кроме того, — рассказывает Ави, — помимо тактической стороны операции, наш разговор приобрел некую сионистскую и общечеловеческую направленность. Важность операции его очень волновала, он заговорил о ней с воодушевлением: как представишь, куда ты летишь и что совершишь… и если ты привозишь назад сто с лишним израильтян — ведь это огромное дело… Йони извинился передо мной за то, что загрузил меня другой работой, ничего не поделаешь, сказал он, кто-то ведь должен продолжать текущие дела… Он был в хорошем настроении, но погружен в себя, озабочен — много деталей крутилось у него в голове… Озабочен также и другим важным делом, для которого я остался в то время, как он уезжал. Он сказал: „Послушай, Ави, я тебя тут оставляю, займись этим, я не хочу, чтобы мы упустили это другое дело, чтобы оно пострадало“».

Они прибыли в эскадрилью, и до инструктажа оставалось еще какое-то время. Йони увидел там д-ра Эрана, который был в свое

время врачом части. Д-р Эфраим Снэ, главврач командования пехотно-десантными войсками, поставил Эрана ответственным за врачебную часть, которая разместится в четвертом самолете, где будут и спасенные заложники. Эран назначил команду опытных врачей и санитаров, заготовивших массу медицинского оборудования, чтобы обслужить десятки раненых, которые ожидались. Йони и Эран обменялись мнением по поводу обслуживания раненых, при этом Эран напомнил Йони случай из прошлых лет. Один раненый боец остался тогда лежать на вражеской территории, рядом с ним был еще один боец, и Йони, находясь сравнительно далеко от места происшествия, добрался до них первым. «Покончив с этим заданием, Йони бегом бросился к ним, — рассказывает об этом Менахем Дигли, тогдашний командир Части. — Он попросту взял дело в свои руки. Это было очень характерно для Йони: быстро отреагировать на возникшую проблему и быстро ее решить. Он нас все время держал по рации в курсе дела и был очень спокоен — никакой паники. Он сообщил нам, что он в пути, успокоил по рации и солдата, который был с раненым, и сказал ему: „Мы на пути к тебе, будь спокоен“». Йони эвакуировал раненого, а потом им занялся врач Эран.

Сейчас в Лоде Эран заговорил о раненых в предстоящей операции и заметил, что число их определит степень успеха фактора внезапности.

«Йони говорил об операции очень обдуманно, — вспоминает Эран. — Он был, по-моему, в таком настроении, какое бывает у людей перед экзаменом. Кончил заниматься и был вполне готов. Дело решенное, осталось его выполнить, и все. Я почувствовал в нем не напряжение, а готовность натянутой пружины… Еще мне показалось, что он нестрижен, волосы всклокочены, и еще одно впечатление — что он устал, реакции были слегка замедленные».

В комнате для инструктажа эскадрильи Йони узнал, что Халивни, летчик четвертого самолета, провел несколько лет в Энтеббе и хорошо знает место. Халивни помнит, что это было до инструктажа, а Шани уверен, что разговор между Йони и Халивни состоялся после.

«Услышав об этом, Йони на меня набросился, как ворона на сыр, — говорит Халивни. — Минуту, обратился он ко мне, ты мне можешь рассказать о здании?»

Они склонились над большим столом для инструктажа с двух сторон. Йони расстелил чертеж летного поля и стал расспрашивать Халивни. Отвечая на вопросы, Халивни в то же время чертил схему здания на клочке бумаги.

«Йони хотел знать подробности о здании — от пожарной будки справа до контрольной башни слева. Он хотел знать, где

лестница, какие там окна, каков подход к дверям и т. п. Особенно он интересовался внутренними переходами в здании. Он спросил меня, как добраться от зала для прибывающих пассажиров (таможенный зал) до зала для отъезжающих (большой зал), где находятся захваченные. Я ему сказал, что залы разделяет внутренний коридор (об этом в части не было известно; вход в проход, который виден на снимках, считался „вторым“ входом „таможенного зала“, в действительности же у „таможенного зала“ был только один вход), но не мог ответить на вопрос, есть ли в коридоре двери, через которые переходят из одного зала в другой».

Йони проявил большой интерес и ко входу на лестницу, ведущую на верхний этаж. Халивни сказал, что, насколько он помнит, входят на эту лестницу с другой стороны здания и поэтому, чтобы добраться до этого входа, надо сначала пересечь здание и выйти наружу с северной стороны. Почти так оно и оказалось в действительности. Йони также хотел знать точное расположение двери на втором этаже, выходящей на другую лестницу, ту, что ведет вниз, в большой зал, и находится, по сути, внутри него. Он выяснил с Халивни еще кое-какие дополнительные подробности, касающиеся других частей здания, а также расспросил его о площадке, примыкающей к фасаду терминала, по которой пробежит атакующий отряд, — а именно: есть ли у нее ограда или иные препятствия и каков ее грунт. Халивни рассказал ему также о контрольной башне, в частности о том, где расположены ведущие наверх ступени.

«Он спросил еще об одной вещи, — говорит Халивни. — Как ты думаешь, спросил он, какое впечатление произведут „мерседес“ и джипы на угандийского часового? Я ответил: угандийский часовой играет на полном серьезе. Это не израильский караульный на воротах. Он исполняет свою роль как следует, действует, как ему велят. И ночью он стоит и не спит. И, если появится машина — никаких шуток. Он крикнет: стоп! — или что-то в этом роде и нацелит на нее свою винтовку со штыком, и если ты не остановился, он стреляет — не потому, что думает, что ты враг, а от страха перед наказанием, которое последует от его начальника Генштаба, если он этого не сделает… Угандийский солдат, может быть, дурак, но он агрессивен, и его надо опасаться». Всех служивших в Уганде израильтян предупреждали об этих особенностях угандийских стражей и о том, что они имеют привычку стрелять без больших колебаний. Сам Халивни, приближаясь ночью к угандийскому часовому, подымал руки, несмотря на свое высокое положение в стране.

Они беседовали минут двадцать, Йони задавал вопросы, а Халивни отвечал, стараясь быть предельно точным. «Он был нацелен на информацию, сбор данных, — вспоминает Халивни. — На меня произвело впечатление то, как он устремлен был на предстоящее ему задание… Пока он надеялся, что может что-то узнать от меня, он весь был внимание, но как только понял, что выжал из меня всю информацию, — тут же отошел…»

В одиннадцать тридцать под руководством Екутиэля Адама начался инструктаж «последней группы команд»[69]. В инструкторской и снаружи столпилось много офицеров, в основном высокого ранга. На возвышении был укреплен большой чертеж аэродрома Энтеббе, и там стояли и выступали Екутиэль Адам, Бени Пелед, Дан Шомрон, Матан Вильнаи, Шики Шани, Йони и другие. Инструктаж, проходивший в отсутствие большинства участвующих в операции солдат и офицеров, носил скорее представительный, чем практичный характер.

Говорили кратко, подробнее обсуждалось только участие авиации. Рам Леви, летчик-резервист, назначенный лететь в первом самолете, полагал, что немало вопросов, касающихся роли авиации, так до конца и не было решено. Это противоречило обычно действующим нормам. Леви поднял некоторые вопросы перед собравшимися, но никто на них не ответил. «Мне не дали ответов на беспокоившие меня вопросы. Не было времени запланировать все, а возможно, и не хотели давать ответов — поскольку определенные ответы могли осложнить дело; недосказанность предполагала, что ты сможешь действовать более гибко». Айнштейн на клочке бумаги отметал для себя некоторые пункты — например, частоты для радиосвязи и разные коды для передач. Вместо аккуратной папки, которую он привык получать даже перед простыми учениями, именно эти заметки служили ему во время операции.

Екутиэль Адам подвел итог заседанию. В конце его выступления кто-то спросил: кто будет заместителем Шомрона во время операции? И Адам тут же на месте назначил Матана Вильнаи. Как предусмотрено планом, сводный отряд пока что отправится в Шарм, чтобы сократить расстояние до Энтеббе, и там будет ждать правительственного решения. Четыре самолета будет сопровождать летучий КП в «Боинге-707», который из-за разницы в скорости полета вылетит через несколько часов после отряда и нагонит его в небе Восточной Африки. В самолете КП будут в числе прочих генерал-майор Бени Пелед, ответственный за авиационную часть, и глава Оперативного отдела, генерал-майор Екутиэль Адам, ответственный за всю операцию.

После инструктажа Йони подошел к Шики Шани: «Покажи

мне еще раз точное место, где ты нас высадишь». Для Йони это было типично: хотя он спросил для себя, у него, несомненно, была еще одна цель — убедиться, что Шани четко понимает свою роль во всем, что касается того, как будут выезжать машины. Они склонились над длинным столом инструкторской, рассматривая план летного поля и пункт высадки отряда. При этом Шани сообщил Йони, что собирается приземлиться в Энтеббе и в том случае, если фонари на взлетно-посадочной полосе не будут гореть и радару самолета будет трудно определить полосу. «Это частный альтернативный план нашей эскадрильи, — сказал Шани. — Если мы не находим полосу, мы прикидываемся гражданским самолетом, попавшим в затруднительное положение, и просим по радио контрольную башню включить освещение».

Йони обрадовался этой идее. «Он мне сказал: „Это отличная идея“, — рассказывает Шани. — И побежал, чтобы рассказать об этом кому-то из своей компании, как будто они сами бились над этой проблемой и вот теперь им дали подходящий ответ. Потом Йони схватили разные высшие офицеры и стали прижимать его к стенке. Я не стал ждать его, пошел к летчикам, мы сидели разговаривали на улице на траве».

Шани очень ценил Йони. «Мы были одного с ним звания, но я испытывал к нему уважение как к человеку, который, я знал, гораздо выше меня, — говорит Шани. — Моя оценка Йони строилась на… знакомстве с его личностью — частично по моим собственным наблюдениям, а частично по рассказам окружающих, создавших определенно героический образ. В нем сочетались выдающийся боец и интеллектуал… В моем представлении однозначно возник образ исключительной личности. Йони для меня встал в один ряд с могучими личностями нашей древности».

Цви, пилот-резервист у Шани, слышал от него о Йони фразу; которая врезалась ему в память. Йони проходил недалеко от них, и Шани сказал Цви: «Такого бойца у нас в стране еще не было».

Старый штурман не ожидал подобных слов от командира эскадрильи, которого знал много лет. «От Шани получаешь комплимент раз в полвека. Он человек серьезный, — объясняет Цви, — мы ведь с детства воспитаны на рассказах о героях прошлого. И услышать вдруг такую оценку от Шани было поразительно».

Шани еще сказал Цви: «…И шанс его при этом уцелеть — фифти-фифти».

В субботу утром начальник Генштаба, глава Оперативного

отдела и командир эскадрильи встретились с главой правительства, министром обороны и министром иностранных дел. Начальник Генштаба получил утром доклад от главы разведки, генерал-майора Шломо Газита, по оценке которого, имеющиеся разведывательные данные действительно позволяют выполнить операцию. Перед тремя членами правительства представлен был план армии по освобождению захваченных, и начальник Генштаба однозначно заявил, что он его поддерживает и рекомендует. На основании этой рекомендации Рабин собрал специальную группу министров и после краткого обсуждения, на котором Перес выразил энергичную поддержку военной акции, группа утвердила план. На два часа пополудни назначено было заседание всего правительства. Именно оно решит в конечном счете, идти на операцию или нет.

Перед тем как солдаты Части выехали в Лод на военном автобусе, у них были час или два передышки. Во время совещания командиров и после него им особенно нечего было делать, поскольку приготовления в основном были закончены. Пинхасу, самому молодому бойцу в отряде, этот отрезок времени запомнился как очень трудная часть операции. Ожидание грядущего, когда к тому же есть время думать и заниматься самоанализом, далось ему нелегко. Яэль, секретарша Йони, которая давно знала Пинхаса — они учились в одном классе в средней школе, — подошла к нему утром, чтобы его подбодрить. Теперь Пинхас обдумывал, не написать ли чего-нибудь семье перед вылетом на операцию.

Дани Даган и Амицур в это время еще трудились над «мерседесом» и не заметили, что военный автобус с солдатами оставляет Часть. Они установили на «мерседесе» флажок Уганды на антенне слева и припаяли на фасаде машины маленький вымпел на металлическом стержне. Номера уже были заменены на «угандийские», сделанные из картона, и «мерседес» имел сейчас внушительный угандийский вид. Однако, на их взгляд, его облик еще не был совершенным. После ночной покраски остались неравномерные участки, и они продолжали обрызгивать машину черной краской из банок. Вдруг Дани заметил, что они здесь одни. Отправились в центр лагеря в поисках других бойцов из отряда, но увидели, что все уже уехали. Поспешно свернув флаг и прикрыв номера, они сели в машину и доехали на ней до аэродрома. До вылета еще оставалось время. Амицур поднял «мерседес» задним ходом в брюхо первого самолета, стоявшего на дорожке. Два «лендровера» уже были внутри, все машины привязали к полу самолета. Там, в Лоде, солдаты и офицеры

Части встретились с остальными бойцами, участвующими в операции, которых было больше, чем их. Пинхас увидел, как некоторые парашютисты целуются с полковыми секретаршами, — приехавшими проводить их на аэродром.

Тем временем в Лод поступили снимки аэродрома в Энтеббе, сделанные два дня назад Мосадом. Без этих снимков операция едва ли бы состоялась. Из снимков следовало, что, по крайней мере в момент, когда они были сделаны, вокруг здания и на его крыше угандийцев было сравнительно немного. Это уменьшало опасность больших потерь и укрепляло уверенность в успехе операции. Йони быстро рассмотрел снимки и оставил их при себе, чтобы изучать их дальше и ознакомить с ними в Шарм-эль-Шейхе других участников операции.

Во время ожидания в Лоде врач Части Давид узнал, что его санитара решено не брать в Энтеббе. Лишь в последний момент, как видно, выяснилось, что в атакующем отряде есть лишний человек. Давид был недоволен этим решением. Оно означало, что ему самому придется больше заниматься пострадавшими как санитару, чем как врачу. «Я совершенно не сомневался, что мне будет не хватать санитара, чтобы оказать помощь раненым, — рассказывает Давид. — Йони был занят. Я подошел к нему и сказал: „Это ошибка“. Но он отрезал: „Вопрос закрыт“, — и этим кончил дело… Я понял, что причина в Алике. Алик — старый добрый солдат, на которого Йони полагался в момент боя, и он решил его взять».

Йони объявил вооруженным силам Части, что вскоре они полетят в Шарм, а оттуда через некоторое время — в Энтеббе. В этот промежуток времени собираются члены правительства, объяснил он, и решают, утвердить или нет операцию. Он добавил несколько руководящих указаний, касающихся операции, но самые главные напутственные слова солдатам оставил напоследок, до Шарма.

Уже поднявшись к себе во второй самолет, Шауль Мофаз, командующий силами круговой обороны, окончательно договорился с пилотом Нати о световой сигнализации, с помощью которой Нати даст знать, когда разомкнуть цепи, открыть двери и т. п. Откладывать такого рода согласования на последний момент было, конечно, очень нетипично как для авиации, так и для Части, но они наконец впервые смогли поговорить.

В это время в Лод прибыли Шимон Перес и начальник Генштаба. Они ушли с совещания министерской группы, чтобы присутствовать при вылете вооруженных сил. Перес рассказывает в своей книге, что в Лоде к нему тут же обратились командиры

отрядов с вопросом: утвердит ли правительство операцию? Дан Шомрон сказал Пересу: «Шимон, не беспокойся, все пройдет благополучно». «А Йони, — рассказывает Перес, — подошел, чтобы пожать мне руку и сказать, что план — на все сто»[70]. Перес и Гур побыли в Лоде несколько минут и поспешили вернуться в Тель-Авив, где должно было начаться заседание правительства.

Йони и Ави еще успели поговорить о новых разведывательных данных и их значении. «Поступил новый материал с разных сторон, — рассказывает Ави, — поговорили и об этом, а под конец — уже вот-вот начнут подыматься на самолеты — Йони мне сказал: „Лети со мной до Шарма“. Я говорю: Йони, я здесь без ничего [без патронташа и оружия], а ты мне говоришь: лети до Шарма? Из Шарма вы улетите, а я останусь? Это не годится. В конце концов я убедил его, что нет смысла мне лететь с ними до Шарма. Пошел с ним к машине, чтобы взять его патронташ и сумку со снаряжением. (Йони просил при этом шофера Части, который привез их в Лод налить воду во фляжки, поскольку не успел этого сделать раньше, и попрощался с ним.) Договорились, что я возьму к себе его машину и вернусь с ней в Лод завтра утром, чтобы забрать Йони назад в Часть после операции.

Пожали друг другу руки… и я пожелал ему успеха. При этом я почувствовал, думаю, что и он тоже, — что это не просто рукопожатие, что оно значительнее, чем при обычном прощании. На лице его была улыбка — не веселая, а многозначительная улыбка. Он еще успел мне сказать: „Сделай все, как мы договорились, чтобы не упустить время в другом деле“».

Янош тоже попрощался там с Йони. «К себе в самолет Йони поднялся последним. Я стоял у входа в самолет. Обменялись рукопожатием. Я ему сказал: „Не беспокойся — если что-то случится, мы позаботимся о вдовах“. Конечно, это было сказано больше в шутку, чем всерьез. Я не думал о том, что он погибнет, не вернется. Ни в коем случае не промелькнуло даже на миг сомнение в том, что он уцелеет. Он мне сказал: „Будет порядок, и передай ей привет“. Или: „Береги ее“, — что-то в этом роде, подразумевая Брурию. Это, по сути, была последняя наша встреча».

В тринадцать двадцать по очереди вылетели четыре самолета «геркулес» и с ними пятый, взятый в Шарм в качестве запасного. Пять самолетов взлетали с промежутком минут в пять и в разных направлениях, чтобы не создалось впечатления, что готовится акция, связанная с определенным объектом. На некотором

расстоянии от Лода все повернули на юг, в направлении Синая. Отрезок пути до Шарма первый самолет вместо Шани вел Рам Леви для дополнительной тренировки в вождении самолета, который он давно не пилотировал. Перед взлетом обнаружились отдельные неполадки в системах, хотя Шани позаботился о том, чтобы отремонтировать четыре предназначенные для дела самолета и заменить или исправить в них любую ненадежную деталь. Неполадки были быстро ликвидированы, но у Леви осталось неприятное чувство.

Во время полета царило полное молчание в радиосвязи, в основном из-за присутствия русских разведывательных кораблей у берегов Израиля. Летели на очень небольшой высоте, чтобы не быть обнаруженными иорданскими радарами. Из-за летней жары и низкого уровня полета он сопровождался непрерывной качкой, отчего солдат сильно тошнило и рвало. «Это было ужасно. Я много летал на „носорогах“, но полет в Шарм был гораздо тяжелее всех прежних, — вспоминает один боец. — Сидели в джипе, и порой наши головы от толчков самолета ударялись в потолок. У меня было чувство, что, когда мы прибудем в Энтеббе и спустят трап самолета, мы все ляжем на посадочной полосе, не в силах двинуться с места»[71]. Шани испытывал угрызения совести из-за такого полета, хотя вины его в этом не было. «Ты знаешь, что будешь везти их семь с половиной часов, после чего они должны воевать, а сам угробил их уже в начале полета». Через час с небольшим выворачивания кишок, перемазав полы в самолетах, бойцы наконец приземлились в Шарме. С приземлением молчание радиосвязи было нарушено летчиком самолета компании «Аркия», обратившим внимание на происходящее и передавшим по радиосвязи на контрольную башню, а вместе с тем и всему миру: «Весело у тебя!»

Солдаты вышли из самолетов, и наземная команда поспешила наполнить баки с горючим до предела. И на этой стадии мало кто верил, что операция в самом деле состоится. Шауль Мофаз даже раздумывал, пока приземлялись в Шарме, где именно на взлетном поле они смогут провести ночь.

Пехотинцы собрались в подземных ангарах аэродрома. Бойцы части заняли отдельный ангар. Многие были измучены полетом. У Алика не хватило сил спуститься с самолета. Он попросил Амицура принести ему вещи, чтобы переодеться. Амицур принес ему также банку с водой, чтобы ополоснуть лицо. Сменив замызганную рвотой и потом одежду, Алик вышел из самолета и долго лежал на песке, пока к нему не вернулись силы. Доктор Давид раздал бойцам таблетки от тошноты, доктор Эран позаботился в этом же смысле о других бойцах из пехоты. Один

боец из атакующего звена Муки, которого много рвало во время полета, остался совсем без сил и чувствовал что ни на что не годен. Йони приказал Омеру, командиру одного из бронетранспортеров, перевести в атакующее звено солдата из круговой обороны. Омер выбрал Амоса Г., так как был уверен, что у того в нужный момент хватит решимости стрелять. Йони сказал Амосу, что объяснит ему в ходе полета, какова его роль в операции. Амос тем временем забрал у бойца, который отсеялся, его пятнистую форму, а также его мегафон и его вещмешок вместе со взрывным устройством для пролома дверей.

Бойцам раздали легкую еду. Солдаты ели и пили и вскоре оправились от тяжелого полета. Йони еще раз просмотрел новые снимки, сделанные в Энтеббе, а потом прошелся между разными группами. «Йони прошел от группы к группе и отдал персональные распоряжения каждому бойцу из отряда — каждого спросил, ясно ли ему его место, и где будут остальные, и т. п.»[72]. Группе Ифтаха, которая должна была подняться на второй этаж, объяснил — видимо, в связи с тем, что услышал от Халивни, — точное расположение лестницы.

Последние распоряжения он отдал и силам круговой обороны. Йони подчеркнул, что блокирование должно быть «активным» — не с помощью массированного огня по убегающим, а значит, не представляющим опасности угандийцам, а путем активного охвата и прочесывания территории, чтобы предотвратить проникновение любых вооруженных сил извне. И вот тут уж не колеблясь следует открывать огонь по конкретной цели. Было намерение попытаться создать из четырех бронемашин настоящее защитное кольцо. Йони снова подчеркнул необходимость перекрыть северную дорогу, ведущую от городка Энтеббе к району терминала.

В бронетранспортере Шауля, который должен был подойти довольно близко к зданию терминала, в районе площадки, был дополнительный врач — доктор Эрик. Врач-резервист Части, он в случае необходимости должен был помочь Давиду ухаживать за ранеными. У Йони спросили, когда доктору Эрику надо прибыть к зданию терминала для оказания помощи. Из-за того что пересечение линии огня было связано с риском, Йони сказал ему: «Если не происходит ничего такого, из-за чего ты крайне нужен, — оставайся на месте». В любом случае, если Эрик на какой-то стадии присоединится к бойцам, действующим в здании, ему придется вернуться во время эвакуации к бронетранспортеру Шауля и отступить с ними в последнем самолете. Йони не хотел, чтобы люди на месте остались без врача.

«По мере развития событий Йони в какой-то мере менялся, —

рассказывает один солдат. — Мне кажется, он стал спокойнее, выглядел умиротворенным, он находился в естественной для него обстановке»[73].

Кроме коротких распоряжений Йони, командиры главных вспомогательных сил давали собственные инструкции: Муки — своим группам вторжения, Ифтах — группам второго этажа и Шауль — группе круговой обороны.

Йони собрал вокруг себя своих людей. Раздавались призывы пройти во второй ангар на инструктаж Дана Шомрона, но Йони сказал бойцам Части, что сейчас важнее, чтобы выслушали его. Это были последние его слова, сказанные всему отряду вместе. Йони знал: то, что он попытается им сейчас объяснить, то чувство, которое он в них вселит, будет в высшей степени важно для операции. Он был немногословен, говорил всего несколько минут, но за эти считанные минуты достиг желаемого эффекта.

«Это был необычный инструктаж, — рассказывает Илан. — Это был инструктаж особенный, и он на всех произвел впечатление».

Сначала Йони сообщил им о поправках, связанных с новой информацией, — в частности, о том, что угандийская охрана, судя по всему, не столь значительна, как предполагалось, — и повторил в общих чертах план операции.

Сейчас Йони оставил в стороне массу подробностей, которые за последние сутки в спешке навалили на бойцов, и разного рода отданные им распоряжения и сосредоточил их внимание на главном. Цель операции — спасение заложников, сказал Йони. При любом развитии событий, в том, к примеру, случае, если будет открыт огонь и все пойдет не так, как мы ожидаем, или если окажется, что заложники находятся не там, где предполагалось, — каждый должен помнить, в чем цель акции, и действовать для ее достижения. На всех этапах операции эта цель должна стоять у них перед глазами, и ею им следует руководствоваться. Мы — лучше террористов, сказал Йони бойцам, поэтому, если каждый боец и офицер будет действовать в соответствии с потребностями операции и здравым смыслом, мы быстро их одолеем.

Он сказал, что вполне уверен в бойцах Части и в их способности выполнить задание в соответствии с планом. И опять подчеркнул, что главное для атакующих звеньев — поскорей добраться до заложников и уничтожить опасных для них террористов. В момент атаки будут раненые, сказал Йони, но мы не задерживаемся для оказания им помощи, мы бежим к заложникам. Ранеными занимаемся только после уничтожения террористов.

«Йони объяснил все кратко и доходчиво… Его указание: каждому реагировать на происходящее исходя из главной цели задания, — стало для солдат определяющим. Все предстало в правильном ракурсе. Когда в солдат за сутки впихивают в срочном боевом порядке миллион деталей, все меняется у них в голове. И вот тут является кто-то и укладывает все в две фразы», — рассказывает Шломо.

Йони сказал также несколько слов о важности задания («проникающих в сердце», по определению Йохая). Примерно это звучало так: нельзя уступать террористам. Долг армии, долг народа Израиля не уступать в таких случаях, даже если обстоятельства заставляют при этом отправляться далеко за пределы Израиля. На нас возложена первостепенная по важности миссия, заключил он, — от нас зависит, сможем ли мы оправдать надежды своего народа.

«Помню, что во время этого инструктажа я поражался тому, как он говорит, — вспоминает Амир, — он вселил в меня массу уверенности… Лучше не скажешь перед операцией вообще и перед этой в частности». Инструктаж достиг своей цели в немалой степени благодаря ораторскому таланту Йони. К тому же он сам излучал уверенность, верил в своих бойцов и, сумев отделить для них главное от второстепенного, укрепил их веру в свою способность успешно выполнить задание.

По окончании инструктажа Дани Даган вместе с другими подошел к Йони просмотреть новый разведывательный материал, которым тот располагал. «Я положил ему руку на плечо. Он кивнул головой: все будет в порядке, — не сказав ни слова. У меня на душе стало хорошо».

Омер также подошел к Йони после инструктажа. Было известно, что он со своим бронетранспортером должен приблизиться к «МИГам» и военной базе. Но он не знал точно, открывать ли первому огонь или стрелять лишь в ответ, поскольку распоряжения на этот счет накануне неоднократно менялись. «Йони сказал мне определенно, что я — инициатор, но не „истерического“ огня, а по мере надобности».

Что касается стрельбы по «МИГам», то Йони сказал: принципиальное разрешение на это имеется, но сделать это Омеру следует, лишь получив окончательное от него, Йони, разрешение. Во всяком случае — не раньше, чем Омер совершенно устранит опасность со стороны угандийцев на своем участке, и после того, как станет ясно, что он не нужен в другом месте.

Ознакомив отряд с новыми снимками, полученными из Энтеббе, Йони передал Тамиру тот, где старый терминал

изображен крупным планом, а также схему эвакуации из Уганды и сказал ему: «Храни это на всякий случай».

Некоторые из бойцов части зашли во второй ангар — послушать Шомрона. Через тридцать один год после Катастрофы, говорил Шомрон, кто-то снова занимается сегрегацией евреев. Бойцам представился случай быть «длинной рукой ЦАХАЛа, чтобы подобные явления не повторились».

Муки рассказывает, что они с Йони после его инструктажа прошлись немного вдвоем, обсуждая, как видно, кое-какие детали операции. Вдруг Муки заметил, что Дан Шомрон держит речь. Будучи в некотором раздражении от того, вероятно, как развивались события за последние сорок восемь часов, он сказал Йони: «Гляди-ка — здесь, в сущности, забыли, кто главная сила в операции. Со всеми говорят, а с нами нет. С нами никто не говорил!»

— Нет, все в порядке, — сказал ему Йони, — он нас позвал на инструктаж, но, поскольку мы сами его провели, он нас оставил в покое.

— Послушай! — продолжал Муки. — Мы идем на операцию, нас могут убить, а кто завтра появится в газетах? Дан Шомрон, начальник Генштаба и Рабин.

Йони посмеялся.

Глава 7

— Ты знаешь, что значит слово «дрор»? — спросил меня Йони. — Свобода. Поэтому эту птицу зовут «птица дрор» — она не может жить в неволе.

Йони и его друг, обоим по четырнадцать лет, стоят передо мной во дворе нашего дома. Я сижу на земле. Обнимаю рукой сооруженную мною клетку — закрытую картонную коробку с решеткой, внутри которой — птица. Кто-то из мальчишек нашего района, из тех, кто без дела шатается по улицам, нашел ее в роще близ школы и почему-то решил принести мне. Я так обрадовался этому птенцу! Выстелил клетку сухой травой, набросал там хлебных крошек, поставил маленькую посудину с водой. Своими руками создал, как мне показалось, целый мир для маленькой птахи. На следующее утро я побежал за дом, торопясь увидеть своего птенца, и, услышав вдруг резкий крик, испугался. Большой пятнистый кот, вцепившись когтями в клетку, пытался содрать с нее решетку. Увидев меня — к тому же я бросил в него камень, — кот тотчас закрыл свою зубастую пасть и спасся бегством за забор. Серая крохотная птичка за решеткой стояла, окаменев, в своем углу. Только клюв ее без устали двигался, издавая испуганное однообразное чириканье. Мне жалко птицу. Я стою на страже возле клетки, не зная, что делать, и тут появляется Йони со своим другом.

Я пытаюсь найти для Йони аргументы, почему птица должна остаться у меня, но он терпеливо объясняет мне, что такое свобода — и для птицы, рожденной летать в небе, и для людей, ходящих по земле.

— Мы с Мейши отнесем ее назад в рощу, — говорит он мне, когда я рассказываю, откуда она взялась. — Найдем ее гнездо.

Наконец он меня убедил. Я осторожно приоткрываю клетку. Йони протягивает руку в оставленное мною узкое отверстие, берет птицу и прячет ее за пазуху. Они уходят от меня по немощеной дороге, ведущей от нашего дома к роще.

Вернувшись оттуда один, Йони коротко мне сообщает, что все в порядке: они нашли ей хорошее гнездо.

* * *

Йони сидит в одной из двух комнат их с Тути квартиры. В данный момент он студент университета и углублен в свой учебник, а я готовлю уроки. Я прошу Йони почитать со мной

«Перед статуей Аполлона» Черняховского. Хотя я уже учусь в Стране больше года (после четырех с половиной лет пребывания в Америке), мне до сих пор трудна поэзия на иврите. Прошлой зимой Биби помог мне исправить ошибки в сочинении о поэзии Бялика, сидя со мной ночью, когда приехал, простуженный и усталый, ненадолго в отпуск — он проходил тогда курс молодого бойца.

Сейчас, читая со мной стихотворение, Йони постепенно воодушевляется им. Как мне знакомо простодушное волнение, какое вызывает в нем все прекрасное и высокое, этот влекущий его по дороге жизни мотор! К середине стихотворения он понижает голос, дает звукам языка играть у себя во рту.

И вот я здесь, я буду первым
Среди вернувшихся к тебе —
В тот миг, когда, отвергнув
Умиранье поколений,
Я разорву души оковы,
Души моей живой,
Приникнувшей к земле…
И преклоню колени
Пред жизнью, подвигом и красотой…[74]

Голос, читающий стихи, звучит по-взрослому, задумчиво, немного не так, как несколько лет назад, когда он впервые открыл для себя поэтические переводы Жаботинского. Мы всей семьей сидели у нас в столовой в Америке, а Йони задерживался и все не выходил к столу. Наконец ворвался с открытой книгой в руках и прочел нам, не спрашивая нашего согласия, «Ворона», а после — «Аннабель Ли», восхищаясь красотой звуков и настроением, разлитым в этих стихах. Мне хотелось тогда, чтобы он поскорее кончил и сел. И хотя его почти детский энтузиазм показался в тот момент странным (мне, двенадцатилетнему мальчику!), но поразительно, как глубоко запала мне в память эта картина — то, с каким подъемом он читает прекрасные строчки, волнение в голосе, горящие, устремленные в книгу глаза; будучи уже молодым человеком, я искал эти переводы, поскольку английский оригинал меня не удовлетворил. В этот раз, в Иерусалиме, я терпеливо слушаю, как он читает «Перед статуей Аполлона», и слежу взглядом за строчками. Мы кончили разбирать стихи, Тути уговаривает остаться у них ночевать. Снаружи — проливной дождь. Я почему-то отказываюсь и иду на угол ждать автобуса. Уже темно. На улице холодно, дождь хлещет в лицо.

* * *

«Сегодня я вел машину, — рассказывает он мне и Биби, Уже год, с одиннадцатого класса, у него есть американские водительские права. — Вдруг заметил, что еду быстро, как я привык, и тут машина слегка вильнула на повороте. Я подумал: сейчас слишком резко поверну руль, не сразу нажму на тормоза — и все, конец жизни. Жизнь вдруг показалась такой ощутимой, такой дорогой, что я поехал медленно-медленно и осторожно. Это было так, словно жизнь висит на волоске и в любой момент, если весь не сосредоточишься на каждом своем движении, — она оборвется».

Через год, в заснеженный зимний день, я лезу к нам на крышу — хочется уединиться. Нахожу там тетради Йони за двенадцатый класс, перед его возвращением в Страну для службы в армии, и в них — напечатанное на машинке стихотворение Шекспира. Долго читаю его. Понимаю только частично, в основном с помощью короткого сочинения, которое Йони написал о нем в классе, но большего мне и не надо, главное понятно:

> Like as the waves make toward the pebbled shore,
> So do our minutes hasten to their end;
> Each changing place with that which goes before,
> In sequent toil all forwards do contend[75].

* * *

Мы сидим за столом в нашем доме в Иерусалиме за субботним обедом. Мои родители — по обоим концам стола, мы, дети-школьники, по бокам. Постелена белая скатерть, на ней тарелки и остатки еды, в воздухе свободно носятся звуки нашей беседы. Напротив, в открытом окне — красные цветы посаженного матерью в саду дерева.

Йони, справа от меня, отхлебнул воды из стакана. «Какая вкусная вода!» — говорит он, и в его голосе удовольствие.

Он снова отхлебнул из стакана. Подержал воду во рту, поболтал немного, наконец, пропустил в горло. Улыбнулся сам себе, довольный. Жизнь ему всего дороже в тот момент и удивительно вкусна.

Глава 8

В четырнадцать ноль-ноль началось заседание правительства. Перес и Рабин полагали, что, коль скоро они оба поддержали операцию, обсуждение будет кратким. Но они ошиблись, обсуждение продолжалось гораздо дольше намеченного. Произошло это из-за объяснений начальника Генштаба Моты Гура. После того как Гур представил в общих чертах операцию, один из министров спросил; «Сколько ожидается пострадавших?» Гур объяснил, что это трудно предсказать заранее. С одной стороны, он вынес положительное впечатление от генерального учения-модели, которое прошло накануне ночью, и потому полагает, что есть хорошие шансы на успех операции. Число пострадавших среди заложников, по всей вероятности, будет незначительным, но все же может достичь и двадцати человек[76]. Вместе с тем, продолжал Гур, никогда нельзя знать, что может случиться в ходе военной акции. Успех действия зависит от его полной внезапности. Если террористы будут предупреждены хотя бы за минуту, они смогут уничтожить заложников несколькими гранатами и очередями «Калашниковых», и добравшимся туда бойцам будет уже некого спасать. К тому же отряд действует на расстоянии многих часов полета от Израиля. Случись какой-нибудь сбой, может создаться ситуация, при которой никому из отряда не удастся спастись и вернуться домой. А отправляются на акцию, подчеркнул Гур, самые лучшие люди, которые есть в государстве Израиль.

Объяснения его произвели впечатление. Началась долгая, утомительная дискуссия при большом количестве вопросов и возражений со стороны министров.

Нет сомнения — это было одно из самых трудных решений, принятых когда-либо каким-либо правительством. Рабин объяснил министрам, что, если дело провалится, правительству придется уйти в отставку. Но при голосовании все подняли руки «за». Прошло всего два дня с предыдущего решения, также принятого единогласно, — о капитуляции перед требованиями Вади Хадада. Новое решение — отправиться в Энтеббе — хотя и было принято всем правительством, но главная ответственность за него легла на плечи того, кто стоял тогда во главе израильского правительства, — на Ицхака Рабина.

В пятнадцать тридцать, через час с лишним после высадки отряда в Шарме, получено было разрешение выступить. Правительство к тому моменту еще не приняло никакого

решения. Чтобы уложиться во времени, был отдан приказ выступить, а если правительство не утвердит операцию, отряду будет приказано вернуться. (Окончательное разрешение на акцию было дано в момент нахождения отряда в воздухе.)

Йони объявил бойцам части: летим. «Идем на операцию», — сказал он под рев только что заведенных моторов, заглушивших его голос.

«Йони прошел и сказал это людям, для которых тот факт, что операция состоится, все еще был неожиданностью. Не скажу, что он выглядел „жаждущим битвы“, но, с другой стороны, не похоже было, что он обеспокоен полученным разрешением. Видно было, что настроение у него очень хорошее, что сейчас он начинает дышать»[77]. Это описание совпадает с впечатлениями других о том состоянии свободы и подъема духа, в котором находился Йони с момента, когда было получено разрешение выступить, и которое сопровождало его во время полета в Энтеббе.

Среди людей Части в целом господствовала уверенность, хотя и не без опасений. Эта уверенность, вера в свою способность успешно выполнить операцию еще более усилилась и укрепилась, когда они поднялись на самолеты в Лоде. «Когда мы вылетели из Шарма, я ощущал напряжение и готовность, и это было приятно. Не помню ни опасения, ни тревоги, что, мол, вдруг я не готов как нужно», — говорит другой офицер, который всего двенадцатью часами раньше, после дня короткой подготовки и по окончании учения-модели, пошел спать с дурным чувством, что Часть к операции не готова. А вот что говорит другой офицер, который накануне ночью держал совет с товарищами о том, как остановить операцию: «Когда мы поднялись в самолеты, чувство уверенности в себе было необычайно велико, и эту уверенность излучал главным образом Йони». От прежнего угнетенного состояния у людей — кроме страха, естественного для каждого человека перед боем, когда жизнь подвергается опасности, — осталось разве что сомнение в том, что им удастся благополучно выбраться из Энтеббе. Возможность того, что по какой-то причине придется застрять в Африке, далеко от границ Израиля, у многих не выходила из головы.

Солдат торопили садиться в самолеты. Перед тем как подняться в первый самолет, бойцы атакующего отряда поспешили надеть пятнистую маскировочную форму. Из соображений секретности Йони не хотел, чтобы ее надевали до прибытия в Шарм, а в самом самолете, думал он, будет не до переодеваний, слишком тесно. Пинхас, самый молодой солдат, помнит, как он разделся на взлетной полосе и поспешно натянул на себя эту одежду.

Дан Шомрон прошел мимо и стал на них кричать: «Это что за глупости? Что вы надеваете, кому это вообще надо?»

Не реагируя на эти крики, бойцы кончали переодеваться. «Ничего себе „глупости“, ведь на самом деле в основе всей операции — обман угандийцев и террористов, хотя мы об этом не распространялись, — говорит Пинхас. — И вдруг, в момент, когда ты собираешься на такую операцию, офицер столь высокого ранга кричит на тебя, к тому же речь-то идет о ничтожной вещи, исполнение которой требует двадцати секунд… Это оставило у меня очень неприятный осадок».

Четыре самолета были нагружены куда больше того, что планировалось во время учений, и, возможно, больше того, что когда-либо переправляли самолетами «геркулес». Заполнили до предела резервуары горючего, включая баки в крыльях. Кроме авиационного экипажа, в самолете Шани (первом) находились солдаты атакующего отряда Части вместе с тремя машинами, а также пятьдесят два бойца парашютных войск и половина звена КП Дана Шомрона.

Самолет Нати (второй) был, вероятно, еще тяжелее. Туда загрузили два бронетранспортера Части с солдатами, джип КП Дана Шомрона со второй половиной его звена и семнадцать бойцов парашютных войск.

В самолете майора Арье (третьем) было еще два бронетранспортера Части с бойцами и тридцать солдат Голани вместе с джипом.

В самолете Халивни (четвертом) было два тендера модели «пежо» — один для бойцов Голани, а второй — для перевозки насоса для горючего. В самолете находились также и сам насос, десять человек из бригады заправки, десять человек медперсонала и двадцать бойцов Голани.

Взлетная дорожка в Шарме расположена на небольшой возвышенности, поэтому при разбеге самолета перед взлетом конец ее не виден. Летчики привыкли к тому, что самолеты «геркулес», предназначенные для использования в полевых условиях, взлетают после совсем короткого разбега. Сейчас они были неприятно поражены. Самолеты набирали скорость с большим трудом, и тому, кто сидел в кабине летчика, казалось, что дорожка вот-вот закончится еще до того, как самолет оторвется от земли. Не только большой вес самолета влиял на ускорение, но также и тридцатисемиградусная по Цельсию жара в пустыне, снижавшая почти на треть силу моторов. Разбег против ветра, дувшего на север, казалось, длился вечность, пока наконец самолет смог подняться в воздух.

После того как его самолет набрал высоту, Шани захотел

повернуть машину назад, к Красному морю, но у него не получилось. Всего два-три узла отделяли их в этот момент от потери скорости, что грозило утратой власти над машиной, а значит, катастрофой. Самолет отказывался увеличить скорость. Как только Шани пытался повернуть его, самолет начинал дрожать, и Шани приходилось выпрямляться снова, чтобы не подвергать опасности машину со всем ее грузом.

Наконец самолеты обрели устойчивость, и поворот на юг, в сторону Африки, произведен был без помех. Они летели вдоль Красного моря, на небольшой высоте — около двухсот футов над волнами, — чтобы ускользнуть от саудовских радаров с востока и египетских с запада. Несмотря на такую высоту, полет сейчас был гораздо приятнее, чем до этого над Синаем, поскольку воздушных ям над морем меньше, чем над сушей. Когда находящийся в самолете радар указывал на приближающееся судно или если видели такое судно, пилоты старались держаться от него подальше, чтобы экипажи судов не обратили внимания на четыре, военных самолета, летящих на юг. Из-за необходимости огибать суда и лететь «зигзагами», не раз отклонялись от запланированного маршрута, а затем заново выравнивали траекторию полета, что требовало осторожности в работе пилота. При дневном свете самолеты еще могли следить друг за другом, но с наступлением темноты придется обходиться радарами.

Долгое время полет совершался над водой. И до определенной параллели — на той же небольшой высоте. Но лишь только самолеты пересекут ее, они постепенно поднимутся и повернут на юго-юго-запад, к Эфиопии. Там уже смогут лететь на высоте двадцати тысяч футов. Полет на таких высотах предпочтителен из-за меньшей затраты горючего.

Внутри первого самолета теснились люди. Бойцы парашютных войск были зажаты между машинами и стенками самолета, бойцы Части расположились в центре — кто сидел в машине, кто привалился к ней снаружи, лежали и на полу под машинами, на капотах моторов, на крыше «мерседеса». Было довольно тихо, разговоры почти не слышались. Каждый был погружен в свои мысли и размышления. Иногда смотрели в окно и видели перед собой голубую воду и берег Аравийской пустыни.

Уместившись в пространстве между фасадом «мерседеса» и задним трапом самолета, Йони и Муки объясняли Амосу Г. его задание. Амос присоединился к атакующему отряду в последний момент, сменив оставшегося солдата и поэтому не разбирался в устройстве терминала и не знал, каковы функции отдельных звеньев. Объясняя Амосу, Йони чертил ему на гигиеническом пакете, который он нашел в самолете, макет терминала и

направление атаки. Амос должен был держаться Муки, бежать за ним. «В тот самый момент, когда Йони объяснял мне это, стало известно, что есть разрешение правительства, что мы идем на это дело. Но он был совершенно спокоен… Объяснял мне так, как будто впереди у нас учение». Персональная инструкция продолжалась минут двадцать. Амос взял пакет, рассмотрел его и, сложив, сунул в карман.

Йони и Муки вошли в «мерседес». Они сели на переднее сиденье, Йони достал из кармана книгу, которую взял у себя в кабинете, и стал читать. Такая у Йони была привычка — что-нибудь читать в минуты вынужденного ожидания, с этой целью он и взял книгу. Но при этом он, конечно, понимал, как благотворно это влияет на солдат, которые видят, что он, по крайней мере, не испытывает ни напряжения, ни страха. Дойдя до какого-то места в книге, Йони тихо засмеялся и сказал Муки, изображая восхищение: «Слушай — вот это настоящие мужчины. Кто мы против них?» Тут Йони увидел Амицура — тот поправлял угандийский флажок на «мерседесе». «Настоящий вундеркинд этот Амицур», — с симпатией сказал о нем Йони, обращаясь к Муки. Потом Амицур немного посидел в «мерседесе», они с Йони поговорили «немного о жизни… еще Йони говорил, до чего важно то, на что они идут»[78].

Через какое-то время самолет начал «прыгать». Усидеть в «мерседесе» стало трудно, люди вышли из него. Йони прошел вперед, к кабине пилота, маневрируя по крышам машин.

Там собралось много офицеров. Просторная кабина была переполнена. Большинство сидело на маленьких плетеных табуретках. Впереди, в кресле пилота, — Шани, справа от него — Айнштейн. Сразу же за ними штурманы.

Рами Леви, прикомандированный к ним гражданский пилот, рассматривал путеводитель Джепизен. Он готовился, если придется, вести переговоры по радио с контрольной башней Энтеббе и хотел как следует продумать свою «легенду». Изучая по страницам путеводителя местоположение разных аэродромов в Восточной Африке, он решил, что лучший вариант — представиться кенийским самолетом, вылетевшим с аэродрома Кисуму в Кении, у границы с Угандой. Рами выучил про себя слова сообщения, которые он употребит. Потом уселся на полу самолета. Расстелил рядом карту Уганды и стал составлять список расстояний и высот для приземления в Уганде.

Айнштейн попросил, чтобы ему передали кусок пирога. О доставке еды экипажу во время полета заботились летные инспекторы, благо после загрузки багажа в самолет работы у них было немного. В кабине на подносе лежал пирог, и Йони, который

находился поблизости, послал кусок Айнштейну. Но Айнштейн вернул его Йони со словами: «Нет, я хочу мягкий кусок, из середины, а не с края».

Йони улыбнулся и обронил: «Уж эти мне пилоты! Разбаловались, край ему, видите ли, не по вкусу!» Он передал Айнштейну другой кусок пирога и сам съел кусок.

Время от времени Йони и Дан Шомрон спрашивали у штурмана про маршрут и где они сейчас точно находятся. Шани еще раз обговорил с Шомроном и Йони тот факт, что посадка состоится в любом случае будет ли аэродром освещен или нет. Оба они полностью поддерживали план Шани — сделать вид, что самолет в опасности, в случае если фонари на аэродроме будут погашены. Йони еще раз просмотрел представленный разведкой новый материал и опять обсудил с Шомроном и Хаимом отдельные детали, связанные с операцией, в частности тот момент, когда Шомрон с его джипом звена КП прибудет на старый терминал[79].

Йони немного поговорил с Матаном Вильнаи, который тоже был в кабине. Они были знакомы не только по военной службе, но еще с детства, когда жили в одном районе Иерусалима. В 1968 году, учась в Еврейском университете, Йони ходил советоваться с Матаном. Он рассказал ему о своем намерении вернуться в армию, но колебался, не зная, куда лучше пойти. «Как по-твоему, — спросил меня Йони, — стоит ли мне вернуться в свой батальон парашютистов и быть там командиром роты или пойти в Часть Биби? Что, по-твоему, предпочтительней?» Матан, который тогда был в парашютных войсках, ответил без колебаний, что на его месте он выбрал бы Часть. Через несколько недель Йони действительно прибыл в Часть младшим командиром. Теперь, спустя семь с половиной лет после того разговора, он — командир этой самой Части — стоял рядом с Матаном в кабине самолета который нес их обоих над Африкой к югу.

Йони говорил также с подполковником Хаимом, с которым был знаком со времени службы в особой части «Харув». Во время разговора Йони вдруг сказал:

— Если он там будет, я его убью.

— Кого ты имеешь в виду?

— Иди Амина, — сказал Йони.

Хаим был поражен, услышав это. Он просил Йони выбросить из головы подобные мысли, но Йони был глух к его просьбам. «Ты не должен делать ничего такого, о чем не было договорено. Во всяком случае, на это следует получить разрешение», — сказал ему Хаим.

— Не собираюсь спрашивать. Если Иди Амин там — я его убью, — сказал Йони, не вдаваясь в объяснения. Для него причины разумелись сами собой.

«В каком безумном мире мы живем! — писал Йони в двадцать три года. — В двадцатом веке люди достигли Луны и рвутся дальше. Двадцатый век видел Гитлера и совершенные им массовые убийства. А еще раньше видел двадцатый век ужасную Первую мировую войну. И ничему не научился. Сегодня мы свидетели того, как целый народ мрет от голода[80].

И никого в этом безобразном мире это не трогает настолько, чтобы что-нибудь предпринять. Каждый занят своими собственными войнами (включая Израиль, включая меня), и ни одно государство не вступает туда со своей армией, чтобы покончить с этим делом. Понятно почему — не хотят впутываться. Странные существа люди»[81]. Для Йони это не было предметом обсуждения; совершенно ясно — если он увидит это чудовище в образе человеческом, имя которому Иди Амин, который убил сотни тысяч человек собственного народа и имел привычку сбрасывать жертвы пыток с верхних этажей роскошного отеля «Нилус» в Кампале, — он не оставит его в живых.

Многие солдаты уснули в хвостовой части самолета из-за накопившейся за неделю большой усталости, а также в результате усыпляющего действия таблеток от тошноты, выданных им в Шарме. Но не всем удалось уснуть. Люди были заняты простыми действиями; кто-то проверял патронташ, кто-то наводил установленные на винтовки фонарики — почти уже в темноте, так как наступил вечер. Много сделать было уже нельзя, так что ничего другого не оставалось, как сидеть и думать о предстоящем, а также о прошлом. Пинхас все время находился на своем месте в джипе — патронташ и личное оружие на нем и пулемет системы «маг» рядом — и смотрел на лица окружавших его солдат.

Амир принадлежал к числу тех, кто ни на миг не сомкнул глаз, хотя не спал уже двое с половиной суток. «Летим, и в какой-то момент ясно сознаешь, что мы уже не вернемся, что вернуться нельзя, хотя бы потому, что не хватит горючего. Многие дремали… Но мне не удалось уснуть за все время полета… Ни секунды. Я снова и снова продумывал и репетировал в уме то, что должен сделать, и как я это сделаю. Не дрожал от страха, но был очень напряжен».

Во время полета Амира и Амоса подозвали к Муки. В их распоряжении были мегафоны, и Муки обсудил с ними, что именно надо будет сказать в мегафон заложникам. Подтвердили, что во время боя им следует приказать лечь на пол.

Шломо время от времени дремал. В какой-то момент он проснулся, походил по самолету, чтобы размять кости и посмотреть, как дела. Заметив, что Йони сидит в «мерседесе» и спокойно читает книгу, он подумал: в этом есть что-то особенное. А Сурин из парашютных войск, сидя возле машины и видя Йони перед собой, больше был удивлен тем, что книга, которую тот читает, английская, чем самим фактом чтения книги. Сурину так же не удалось заснуть во время полета, как и большинству окружавших его людей. Да и как тут уснешь, когда невозможно вытянуть ноги; для этого приходится подсовывать их под «мерседес», а тяжелая машина ежесекундно то подымается, то опускается, грозя придавить тебе конечности.

Через несколько часов Йони захотел пойти поспать. В задней части кабины пилота стояли, одна над другой, две узкие раскладные койки. Нижняя была сломана, а верхняя — свободна. Шомрон, видя, что Йони устал, сказал ему: «Поспи на этой койке по дороге туда, а я — обратно»[82]. Йони попросил штурмана разбудить его за полчаса до посадки. Вынул из кармана сложенную голубую надувную подушку, надул ее и залез с ней на верхнюю койку. Положил подушку под голову и почти мгновенно заснул.

Вскоре после этого Шани тоже захотелось спать. Остались считанные часы до посадки. «Я взглянул назад вижу, Йони спит на этой койке, — рассказывает Шани. — В обычных условиях, если там отдыхает какой-то командир, я говорю ему вежливо, но настойчиво, чтобы он шел отдыхать в хвостовую часть. Но тут я был не в состоянии этого сделать, ведь шансы группы, которая первой ворвется в здание, остаться в живых — пятьдесят на пятьдесят. Я сказал себе: „Он лично в этом деле колоссально рискует. И что ж, я его разбужу?“ Но мне очень хотелось прилечь. Йони лежал, сжавшись, с краю, я прилег рядом, а потом придвинулся к нему почти вплотную».

Шани сомкнул было глаза, но тут же открыл их. Он физически ощутил всю меру возложенной на него ответственности. Сердце застучало быстрее. Удастся ли приземлиться без проблем, спросил он себя, или прежде придется сделать несколько кругов над аэродромом? А что, если в этом случае придет в движение все поле? Террористы — предупреждены, заложники — уничтожены? Вдруг из-за неудачи с посадкой их вернут домой и операция провалится?

«Я боялся провала на национальном уровне. Не в том смысле, что кого-то настигнет смерть или ранение, а что не выполним операцию, навлечем беду». Вчерашние слова Моты Гура, сказавшего ему, что ответственность лежит на них, летчиках,

поскольку они должны доставить Часть в Энтеббе. Для Части не важно, сказал Гур, доставят ли ее в Сде-Дов или в Энтеббе, уж она свое дело сделает. Слова эти упорно звучали у него в ушах.

«Я смотрел на Йони с расстояния в два сантиметра, нос к носу, а он спал сном младенца. Я спросил штурмана Цвику, когда Йони лег спать, и он сказал мне: „Слушай, он пошел спать и просил разбудить его незадолго до посадки“. И в голове у меня забегали мысли: откуда у него это спокойствие? Тебе вот-вот в бой, а ты спишь себе как ни в чем не бывало! Я оставил его и пошел на свое место»[83].

После того как Шани вернулся, Рами Леви тоже решил немного полежать. Он слегка пододвинул Йони, чтобы освободить себе место. «Тот чуть-чуть подвинулся и продолжал спать. Я прилег рядом немного отдохнуть — знал, что не усну. Я не знал, кто такой Йони, видел только, что подполковник в пятнистой форме лежит, усталый. Не знал, что он командир Части, но видел его в кабине. В нем было что-то доминирующее — такое у меня создалось впечатление. И я сказал себе: „Эти парни наверное не спали несколько дней“. И помню, в голове у меня мелькнула мысль: и кто знает, не последний ли это его сон».

Когда Йони разбудили, самолет уже приближался к озеру Виктория. Большая часть полета над Африкой прошла над территорией Эфиопии. Время от времени пилоты сообщали, где они находятся, с помощью заранее оговоренных кодовых слов.

Границу между Эфиопией и Кенией пересекли над огромным озером Рудольфа и оттуда проследовали над западным районом Кении в юго-юго-западном направлении. Несмотря на то что летели они высоко, облака все же были над ними и время от времени поливали самолеты дождем. По рации сейчас слышался разговор контрольной башни в Энтеббе с пилотом самолета «Бритиш эйрвейс» в момент его взлета с тамошнего аэродрома. Точно в назначенный срок, в двадцать два тридцать по израильскому времени достигли озера Виктория — залива на территории Кении у города Кисомо. Там, по плану, первый самолет должен был отделиться от трех остальных, и там же началось снижение перед посадкой в Энтеббе. Угодили в очень бурную погоду, искры скопившегося в воздухе статического электричества мелькали на переднем стекле самолета.

Три самолета, которые должны были ожидать в воздухе, дав первому самолету примерно шесть минут на выполнение главного действия, кружились в буре в витках снижения, а первый самолет продолжал лететь вперед один, прямо к озеру Виктория. Направление его было на запад, к большому острову к югу от Энтеббе. Сфокусировавшись в этой точке, самолеты смогут

продолжать путь по прямой линии на север к аэродрому. Впервые возникла связь с самолетом КП, кружившим над ними. Здесь, над землей Черной Африки, свободно говорили на иврите, безо всяких кодов. «Ты уже видишь огни на посадочной полосе?» — спросил Бени Пелед Шани, и тот ответил, что пока еще нет.

На этой стадии, во время пересечения очага бури над озером Виктория, Йони прошел в хвостовую часть самолета. Часть солдат все еще спали. Йони прошел, разбудил спящих и приказал надеть патронташи и приготовиться к посадке. Гиора, который спал в «мерседесе», помнит, как Йони разбудил его с улыбкой. Йони нагнулся, чтобы разбудить Амицура, спавшего на полу самолета, под машиной. Шломо, как и свойственно солдату, сомневался, сколько слоев одежды надеть: из-за бури ему было неясно, холодно или тепло там снаружи, в Уганде. Алик, спавший большую часть полета на капоте одного из джипов, проснулся и почувствовал голод, поскольку, когда ели в Шарме, он совсем не ел, и пошел в кабину поискать чего-нибудь утолить голод.

И Рани проснулся — впервые с тех пор, как уснул в начале полета. Когда вылетали из Шарма, еще не было окончательного разрешения на операцию, поэтому Рани спокойно закрыл глаза, в полной уверенности, что самолетам вот-вот велят вернуться в Израиль. Теперь, проснувшись, он вдруг обнаружил, что скоро приземлится в Уганде. И впервые почувствовал некоторое волнение. Посмотрел в окошко рядом. Буря уже была позади, и усеянное звездами небо освещало внизу воду озера Виктория. Рани продолжал сидеть на месте, повторяя про себя порядок действий отряда, представляя себе терминал и расположение его дверей.

Бойцы заняли свои места в машинах. Момент посадки приближался, и волнение людей достигло предела. Тут Йони совершил нечто исключительное, из ряда вон выходящее, такого не было раньше ни перед одной операцией. Он прошел вдоль ряда машин, пробираясь по крышам джипов, от солдата к солдату, от офицера к офицеру, и — улыбкой и словом, иной раз пожатием руки — подбодрил каждого из своих людей.

«Был красноватый свет, и мы видели его лицо, — рассказывает Шломо. — Он был без берета, без портупеи и оружия… Он говорил со всеми, улыбался, бросал несколько слов ободрения каждому. Это было, как будто он прощается, как будто знает, что с ним будет. Он не отдавал людям оперативных команд, только хотел вселить в них уверенность. Я помню, что самому молодому в нашем отряде — Пинхасу — он тоже пожал руку… Он вел себя скорее как товарищ… Мне казалось, что он чувствовал: с этого момента события — или, по крайней мере, их

большая часть — начинают зависеть от этих людей… Он был, конечно же, самым опытным среди бойцов. И я помню, как он проходил, слегка подшучивая, как будто беседуя и высвобождая людей перед боем».

«Помните, — сказал им Йони, — что мы — лучшие из всех, кто будет там, в Энтеббе. Нам нечего опасаться». Дойдя до Арнона, пожал ему руку и сказал: «Убивай без колебаний этих мерзавцев», имея в виду террористов. И людям своего звена, доктору Давиду и связному Тамиру, пожал Йони руки. «Будет порядок, — сказал он Тамиру. — Сделаем это чисто, не беспокойся». На заднем сиденье своего джипа, слева, сидел Пинхас. «Ты что улыбаешься, Пинхас?» — спросил Йони, дойдя до него, и потрепал рукой черную гриву молодого солдата.

«Это создало ощущение личной связи между ним и нами, бойцами Части, находящимися при исполнении задания, — рассказывает Пинхас. — Не то что командир, раздающий сверху приказы подчиненным, а те, со своей стороны, спускают их дальше, так что тебе, солдату, только и остается, что поглядывать на вершину пирамиды. Йони дал ощущение личной связи между командиром операции и последним из бойцов, которым, в смысле возраста, был я. Этот контакт с ним, перед самой посадкой, вызвал у меня очень-очень хорошее чувство».

Один из офицеров Части подошел в этот момент к Йони и сказал: «Не приближайся слишком близко к атакующей группе. Помни, что ты командир Части, нельзя, чтобы тебя подстрелили». Йони усмехнулся: «Будет порядок». Пожал руку и Муки.

Потом зашел в кабину. Буря была уже позади, небо чистое. Напротив, через переднее стекло, уже можно было видеть огни посадочной полосы Энтеббе. Они горели и были видны всем, в то время как самолет, который летел без огней в ночной темноте, был скрыт от глаз. Увидев горящие огни, все почувствовали облегчение — никто их, как видно, там не ждет. Шани продолжал осторожно снижать самолет. Посадка не должна быть слишком резкой, чтобы из-за большого веса самолета не лопнули колеса. Параллельно посадка проводилась по показаниям радара, так, будто посадочная полоса не освещена, — на случай, если угандийцы почувствуют что-то неладное и в последний момент выключат свет, Шани и тогда сможет попытаться посадить самолет на затемненную полосу.

— Все в порядке? — послышался голос Бени Пеледа со стороны летучего КП.

— Все в порядке, — ответил Шани. Зная, что его слова записываются, он старался, чтобы голос его, несмотря на волнение, звучал совершенно спокойно. — Нет проблем.

Йони из кабины, вместе со стоявшими там же Шомроном и Матаном, смотрел на освещенный аэродром. Справа от полосы — новый, освещенный терминал, а подальше, с восточной стороны и менее заметный глазу, — его цель, старый терминал. И там горел свет. Не задерживаясь в кабине, Йони вернулся к своим бойцам и, надев портупею, сел на переднее сиденье «мерседеса». Против него были сходни самолета. Направо, у окна машины, стоял сейчас Матан, вслед за ним покинувший кабину самолета. Матан расположился у боковой двери, из которой выйдут солдаты из отряда парашютистов, чтобы установить на дорожке альтернативное освещение. Задние сходни стали сейчас, еще до посадки, раскрываться, и Йони увидел напротив черную воду озера Виктория, Он приказал Амицуру завести «мерседес». Стартер, отремонтированный в Части, сработал, и мотор пробудился к жизни. Еще несколько секунд, и вот — тело чувствует толчок самолета, коснувшегося земли, а взгляд охватывает бегущие назад огни посадочной полосы. Пинхас смотрит в этот момент на часы — двадцать три ноль-ноль по израильскому времени; а по угандийскому — полночь, начало 4 июля 1976 года. (Официально записанное время операции было 23:01 по израильскому времени.) Самолет резко снизил скорость; когда достиг середины полосы, из него выпрыгнули один за другим десяток солдат отрада парашютистов, а самолет продолжал двигаться к пункту выгрузки. Одновременно развязали канаты, крепившие машины к его полу.

Приблизившись к подъездному пути, связывающему главную полосу с диагональной, Шани повернул по нему направо. И там остановился. Он доставил группу бойцов Части к исходному пункту.

Дан знак опустить сходни на землю. Еще до того, как они установились на асфальте, «мерседес» вырвался наружу и повернул направо, вдоль самолетного корпуса, а за ним — джипы.

«Я видел, как они проехали под крылом, — рассказывает Шани. — Дорожка была очень узкой, с канавой сбоку, они ехали слишком близко от меня, и я опасался, как бы пропеллер не сорвал крышу „мерседеса“. Но все прошло благополучно, и тройка машин скрылась из моих глаз в направлении полосы».

Удалившись немного от самолета, Йони обернулся назад, чтобы убедиться, что оба джипа следуют за ним. Он приказал солдатам, сидевшим на заднем сиденье, держать джипы в поле зрения, а Амицуру — продолжать ехать вперед со скоростью, не превышающей шестьдесят километров в час, — создавалось

впечатление, что кто-то без злого умысла едет по летному полю. Поблизости от них, справа через поле, высилось хорошо освещенное здание нового терминала. Они отдалились от него и сделали неполный поворот вправо, на диагональную полосу, ведущую в район старого терминала.

Стих шум мотора, сопровождавший их все долгие часы полета. Воцарилась относительная тишина, слышно было только рычание моторов машин и шуршание колес по асфальту. Тяжелая душная тропическая влажность, высокая зеленая трава с муравейниками в рост человека, которую высветили фонари сбоку от полосы, — все это давало понять солдатам Части, что они оказались в чужой, неведомой стране. Но те, чьи представления об Африке были до сих пор, как у Амира, связаны с экзотическим зрелищем львов и крокодилов, обнаружили, что все здесь выглядит на удивление безобидно и мало чем отличается от любого другого аэродрома, например в Лоде.

Но они были не в Лоде, а во враждебном окружении, на виду у каждого, кто потрудился бы взглянуть в их сторону, защищенные только фактором внезапности своего появления. На своем месте в джипе Илан чувствовал себя в световой ловушке из-за включенных фар, которые всем объявляли о его присутствии и к тому же бросали свет на машины, идущие впереди. Рядом с ним в джипе сидел Амир. Он смотрел на едущих в колонне людей — расстояние между ними и их целью быстро сокращалось — и думал: кто из них через пять минут еще будет стоять на ногах? В этом джипе сидел также Шломо. Он различал тусклые огни, поблескивающие вдалеке, со стороны старого терминала, и напряженно вслушивался. Привычный по прошлым акциям к выстрелам и взрывам, предвещающим недоброе, он ожидал в любой момент и здесь услышать стрельбу, которая означала бы, что в терминале начали истреблять заложников. Но тишина пока что сохранялась.

Всего минуту они ехали до начала подъездного пути, ведущего прямо к боковой части старого терминала. Амицур просигналил «налево» перед тем, как повернул руль и въехал на подъездной путь. Важно было, чтобы в любом угандийце, который мог скрываться в темноте, за пределами света автомобильных фар, оставалось хотя бы зерно сомнения на их счет, чтобы он первым не открыл по ним огонь и не задержал их. Силуэты старого терминала и особенно высокой и более близкой контрольной башни все отчетливее выступали перед ними.

В начале подъездного пути, сразу после поворота, из темноты вдруг вынырнули в свете фар «мерседеса» двое угандийских часовых. В голове Пинхаса мелькнули, как вспышка, двое других

«часовых», выставленных Йони прошлой ночью во время учения-модели, и в этот момент Пинхас понял; операция удастся.

Часовой слева снова пропал в темноте, а правый остался на месте, на виду. Он вел себя точно по образцу, который утром представил Йони Амнон Халивни: двинулся к «мерседесу», потопав ногами и, издав предупредительный крик, поднял ружье к плечу и прицелился в машину. Раздался металлический лязг затвора. Почти всем было ясно, что часовой угрожает им: требует остановиться и удостоверить свою личность, иначе он будет стрелять. «Один угандиец поднял ружье, прицелился и крикнул: стой», — рассказывает Муки, а Рани Коэн добавляет: «Часовой приготовился стрелять… поднял ружье к плечу. Я был уверен, что он собрался стрелять». «Мерседес» находился метрах в двадцати от угандийца. Йони приказал сидевшим у окна приготовить пистолеты с глушителями к действию. Именно такого развития событий ожидали в Части. По правилам, им следовало прежде всего попытаться преодолеть препятствие, потихоньку нейтрализовав угрожающего им часового. «Нет у меня ни тени сомнения, что в этот момент надо было открыть по часовому огонь», — отмечает Амир. Йони приказал Амицуру приблизиться к часовому слева, немного уменьшив при этом скорость; и для того, чтобы успокоить угандийца — пусть подумает, что к нему приближаются с целью удостоверить свою личность, — и для того, очевидно, чтобы обеспечить точность прицела пистолетов. Они приблизились к темному силуэту часового, по-прежнему направляющего на них оружие. Вопреки плану и тому, чему учили в части, Муки в последний момент крикнул: «Не стреляйте!» — поскольку не верил, что черный солдат откроет по ним огонь. Но у Йони не было колебаний по поводу того, как надо действовать. (Вера Муки была основана на знакомстве с угандийцами, на предположении, что черные не спешат стрелять в белого человека. Подход Йони, укрепившийся после разговора в Лоде с Амноном Халивни, был иным: от угандийцев исходила опасность, Йони действовал в реальной ситуации и соответственно инструктировал бойцов. К тому же угандиец в темноте видел в основном машины, их фары слепили его, поэтому он едва ли понимал, по крайней мере до последнего момента, что перед ним — белые люди.) Когда «мерседес» миновал часового, на расстоянии нескольких метров от него Йони отдал приказ стрелять. Часовой, похоже, был удивлен тем, что происходит, а Йони и Гиора, сидевший позади Йони на среднем сиденье, возле правого окна, выстрелили в часового из пистолетов с глушителями, своевременно выставленных в окна. Часовой отпрянул, закачался, но, видимо, был только ранен, но

не обезврежен.

И в этот момент тишину нарушил громкий, неприглушенный выстрел. Не исключено, что стрелял раненый угандиец. Во всяком случае, Амос и Алекс, сидевшие на заднем сиденье «мерседеса», убеждены, что огонь открыл именно он, и даже видели очередь трассирующих пуль перед «мерседесом». «Я видел, что в угандийца выстрелили из пистолета с глушителем, а он выстрелил в ответ», — рассказывает Амос. Амир подтверждает это. Так или иначе, часового надо было немедленно убрать. Алекс, сидевший на заднем сиденье «мерседеса» справа, также высунул пистолет наружу, хотя и без глушителя, и начал стрелять назад, в угандийца, когда «мерседес» проехал мимо. Он выпустил шесть из семи патронов, находившихся в обойме его пистолета «беретта», и уверен, что последние патроны попали в угандийца. Незаглушенная стрельба раздалась также из джипов. Услышав громкую стрельбу, Амнон Пелед чтобы окончательно добить часового, открыл огонь из ручного пулемета на крыше джипа, то же сделали и другие сидевшие в джипах. Все действие, с момента, когда был открыт огонь из пистолетов с глушителями и до убийства часового, заняло мгновенье.

С устранением часового показался снова второй угандиец. Казалось, он бежит что есть мочи, но вместо того, чтобы скрыться в темноте, он обнаружил себя, поскольку бежал по асфальту освещенной фонарями посадочной дорожки. Оставить его за собой никак было нельзя, ведь он мог быть опасен для тыла колонны. Ифтах приказал стрелять в него Пинхасу, у которого в руках был пулемет. И джип, из которого стрелял Пинхас, и угандиец — оба находились в движении, и Пинхас сначала промахнулся, но потом дал длинную очередь и по удаляющемуся от него угандийцу, и перед ним. И не переставая нажимал на спусковой крючок, пока не увидел, что противник бежит прямо под летящие в воздухе пули и падает.

Эти огневые удары, метрах в двухстах от здания терминала, вызвали, конечно, большой шум. «Но иначе невозможно было добраться до здания терминала», — считает Амир. Полная тишина снова воцарилась на аэродроме. Террористы и угандийские солдаты, находящиеся поблизости от терминала, как и заложники в самом здании, не совсем поняли смысл отдаленных выстрелов, звучавших всего несколько секунд и тут же замолкших. Во время краткого, в несколько секунд боя «мерседес» уже прорвался вперед. Как только была нарушена тишина, Йони приказал Амицуру ехать вперед с максимальной скоростью. Теперь они были очень близко от старого терминала, оставалось каких-то сто пятьдесят — двести метров до

возвышавшейся перед ними контрольной башни. За считанные секунды они одолели это расстояние. Приближаясь, Йони, конечно, видел отдельных вооруженных угандийцев на освещенной площадке перед терминалом, однако массивной круговой обороны, о которой сообщалось вначале, здесь явно не было. Йони, видимо, заметил одного или нескольких террористов снаружи, у входа в зал. (Террористы лишь заходили в зал с заложниками, чтобы проверить, как обстоят там дела, и тут же выходили. Охранялись заложники только снаружи, с площадки рядом с залами — там во время операции находилось пятеро террористов. За несколько секунд до того, как раздались выстрелы, Илан Хар-Тов, один из захваченных, видел из окна зала, как они стоят все вместе и о чем-то оживленно говорят с ливийским врачом и с директором гражданского аэропорта. Надо отметить, что, несмотря на свет в зале, изнутри было ясно видно каждого, кто находился на соседней площадке снаружи, поскольку и сама площадка была хорошо освещена. Заложники утверждают, что угандийские солдаты были снаружи, кое-кто из них сидел в креслах. Сара Давидзон помнит, что при первых выстрелах командир террористов встал с низкой каменной ограды, на которой сидел, схватил свой «Калашников» и повернулся в сторону выстрелов. Надо сказать, что еще раньше, в течение дня, террористы заменили свое оружие на полуавтоматические ружья типа «Калашников».) Пока никто в бойцов Части не стрелял. Йони быстро сориентировался в боевой ситуации на местности и приказал Амицуру повернуть перед контрольной башней налево и остановить машину рядом с ней. По плану предполагалось другое место, метрах в двадцати — тридцати впереди, между башней и терминалом. Однако Йони, как видно, решил, что с этой стороны башни отряд будет менее уязвим, его труднее будет опознать во время беспорядочной высадки из машин, а может быть, он решил так потому, что здесь было темнее, чем в запланированном месте остановки на освещенной площадке.

«Остановись здесь», — приказал Йони Амицуру, и «мерседес» стал на месте, скрипя тормозами. «Не выключай мотора», — добавил он и выскочил наружу. Тут же прибыли джипы и остановились за «мерседесом». Йони приказал выйти из машин и начать атаку. Пока не раздалось ни единого выстрела; первые бойцы двинулись в направлении цели, находившейся в нескольких десятках метров отсюда. Во время бега образовался человеческий треугольник, в вершине которого находились Муки, Йони и другие, остальные бежали веером за ними. Некоторые в этот момент еще выскакивали из машин. Муки, который бежал

первым, немного впереди Йони, стал стрелять очередями, он дал короткую очередь по одному из террористов, который на секунду возник снаружи, на площадке перед залом. Террорист вернулся в зал и крикнул товарищам: «Угандийцы сошли с ума, они открыли стрельбу!»[84]. На какой-то момент террорист попался в ловушку, которую они планировали в основном для угандийской охраны. Разглядев в тусклом свете солдат в пятнистой форме, прибывших на «мерседесе» и джипах «лендровер», он решил, что они — угандийцы.

В считанные секунды авангард отряда оказался на одной линии со зданием терминала, за контрольной башней. Тут Муки двинулся влево, к углу здания. Прижался к углу, укрылся за стеной и стал стрелять вперед, в сторону площадки и в боковое окно таможенного зала, и все вдруг остановились. «Муки стоял там и стрелял вперед, а я не видел, по кому он стреляет, — рассказывает майор Ифтах, заместитель командира части, тоже находившийся в передовой команде. Вместо того чтобы бежать, он стоял в углу, стрелял вперед и не двигался». Йони, стоявший справа от Муки, больше скрытый со стороны площадки, крикнул несколько раз: «Бецер, вперед! Вперед, Бецер!» «Крик повторился снова и снова: „Муки, вперед!“ и предназначен был именно ему», — продолжает описывать происшедшее Ифтах, и его описание похоже на описания других бойцов. Чреватая катастрофой задержка, которой так опасался Йони, совершалась у него на глазах. «Помню, как Муки стоит и стреляет очередями. Я не понял, почему он стреляет очередями… Мы ведь так не стреляем», — рассказывает Амос Бен-Авраам, командир звена вторжения. Но пока Муки стрелял вперед очередями, невозможно было пробежать мимо него. «Вперед!» — снова нетерпеливо крикнул Йони. Потеря даже нескольких секунд в такой близости от заложников могла иметь роковые последствия. «Мы знали, что это вопрос секунд — пока террористы не опомнятся»[85] и не начнут стрелять в заложников. Йони задержался лишь на мгновенье и решил сам продолжить атаку. Он пробежал мимо Муки вперед[86]. «Первым выбежал из-за угла Йони — это я помню», — рассказывает Амос, тот самый солдат, которого взяли в последний момент в звено Муки и который держался его с момента, как бойцы покинули «мерседес». Йони бежал, отклоняясь чуть вправо, чтобы дать возможность людям пробежать поближе к боковой стене здания и ворваться в помещения. «Йони побежал, и те, кто колебались, тоже побежали… Он потянул за собой строй»[87], — говорит Арнон. Треугольник опять задвигался. Увидев, что Йони обходит Муки[88], и поняв, что происходит, Ифтах тоже обошел его и

вбежал вместе с еще одним солдатом в первую дверь здания, чтобы подняться потом на второй этаж.

В то же время к зданию быстро подбежал Амир. Выйдя из джипа, Амир искал Амнона, своего командира, но не нашел его. Амир решил, что Амнон бежит впереди, и испугался, что тот ворвется в помещение один, хотя на самом деле Амнон не сразу разобрался после выгрузки, что к чему, и оказался позади него. И вот Амир бежит со всех ног, чтобы догнать командира и побыстрей добраться до своего входа. Чтобы облегчить себе задачу, он стал обходить справа группу, которая была за Муки и Йони, и при этом слышал крики Йони: «Вперед!» Издалека, не прекращая бега, он увидел дверь, в которую должен был ворваться. «Мне было на все плевать. Я помнил, что Йони на инструктаже сказал: бежать как можно быстрей, и я бежал как можно быстрей».

Сразу за Амиром бежал Амнон, пытаясь догнать своего солдата. Он не заметил мгновенной задержки, так как, наверное, когда добежал до боковой части здания, Йони уже перегнал Муки и атака возобновилась. Невозможно определить, кто первым достиг здания — Амир и Амнон или Йони, — вполне возможно, что первым это сделал Амир. В соответствии со своей должностью, Йони замедлил бег, чтобы следить за действиями отряда и направлять их, он поворачивал голову влево и немного назад, чтобы видеть, как идет атака. «Войти в помещения!» — крикнул на ходу Йони. В этот момент Муки поменял обойму и, выйдя из-за угла здания, снова побежал вперед. Амос с еще одним солдатом из звена Муки двигались за ним по пятам.

Таким образом, секунд через пятнадцать или чуть больше после остановки машин первыми бежали Амир, а за ним Амнон; чуть позади, немного ближе к зданию, следовали Муки и Амос. Оба они находились на таком же расстоянии от здания, что и Йони, — то есть в нескольких метрах от его фасада, но Йони был более открыт со стороны площадки. Возможно, что и Гиора уже догнал Йони и бежал перед ним. «Веер», образованный другими бойцами, раскрылся за ними, уклоняясь немного вправо от направления Йони. Почти рядом с ним бежали Тамир и Алик, бойцы его командного звена.

В этот момент или немного раньше справа, из-за груды ящиков, выскочил угандийский солдат. Он навел оружие на бойцов отряда и, как видно, успел выстрелить. Угандиец был тут же ликвидирован. В тот же момент широкое окно зала разбил выстрел по меньшей мере одного террориста, успевшего тем временем прийти в себя и понять, что происходит. «Я приблизился к зданию, — рассказывает Амир. — И в десяти —

пятнадцати метрах от своего входа вдруг вижу разбитое окно».

Амос краем глаза заметил в этот момент, что в кого-то справа от него попала пуля. Это был Йони. Его ранило спереди, в грудь и в руку, очередью «Калашникова». (О том, что это был «Калашников», свидетельствует пуля, извлеченная из портупеи. Одна из пуль вошла в грудь и вышла из спины. Вопреки тому, что утверждается в разных публикациях, было бы нелогично допустить, что Йони сразил выстрел с контрольной башни, по двум причинам: во-первых, известно, что угандийские солдаты при аэровокзале не располагали автоматами «Калашников», а на башне стояли один или два угандийских солдата, а не террористы; во-вторых, если бы Йони ранили с башни, он перед тем должен был обернуться назад, но это противоречит мнению разных свидетелей, определенно утверждающих, что Йони был ранен, когда бежал вперед. Поэтому логичнее предположить, что ранил его один из террористов, у которых действительно были автоматы «Калашников».) Йони почти успел достичь своей цели — того места, которое, как он наметил, должно было стать его командным пунктом; возможно, он замедлил бег, чтобы следить за продвижением бойцов. В момент ранения он находился примерно против первой двери большого зала[89] и, конечно, еще успел заметить, что Муки, который должен был ворваться в эту дверь, пробегает мимо нее. Настигнутый пулями Йони перегнулся вперед, затем повернулся вполоборота назад, тело его выпрямилось. Лицо исказилось, руки повисли, колени подломились. Из груди его вырвался стон, и в ту же секунду он рухнул на землю и остался лежать на животе.

«Йони ранен!» — закричал Тамир. Но никто не остановился в этот момент, чтобы помочь ему, поскольку таков был приказ Йони: не отвлекаться на раненых до окончания атаки, а сейчас атака была в разгаре. Бойцы продолжали выполнять задание, каждое звено — свое; на этом этапе, даже и без командира, отдельные части машины действовали автоматически, без связи с Йони, неподвижно лежавшим на сером асфальте перед залом с захваченными заложниками.

Амир уже достиг своего входа — второй двери большого зала. Лежавший за дверью террорист выпустил короткую очередь из своего «Калашникова» — последнюю из короткой серии выпущенных им очередей. Возможно, он не целился именно в Амира, иначе, полагает Амир, «было бы непонятно, почему он в меня не попал». Перед тем как ворваться в зал, он услышал крик Тамира, что Йони ранен. Успел отметить, как дрожит рука террориста. Продвигаясь вперед, Амир на бегу выстрелил в него через открытую дверь, с расстояния около пяти метров. Увидел,

что террорист убит, и, не останавливаясь, вбежал внутрь здания.

Согласно инструктажу, Амир повернул с порога направо. И вдруг осознал, что он единственный из бойцов проник в зал. Но тут вбежал Амнон. По инструкции и он должен был повернуть направо, но на месте решил взять влево. Как видно, он понял, что левая сторона зала никем не прикрыта, поскольку Муки не ворвался в предназначенную для него первую дверь. Слева Амнон увидел террориста и террористку, лежащих на полу. Они вошли в зал с улицы раньше и уже навели винтовки на Амира, который пробежав в глубь зала, по сути, миновал их, не заметив. Но они не успели нажать на спусковой крючок: Амнон выстрелил, опередив их. Продолжая бежать, он добрался до их трупов и ударом ноги отбросил «Калашниковы» в сторону. «Амнон, дальше не продвигайся», — крикнул ему Амир.

Вслед за Амноном появились вместе Муки и Амос и еще один боец из звена Муки. Все проникли через ту же вторую дверь, в которую ворвались Амир и Амнон. Муки по неизвестной причине пропустил «свою» первую дверь, а Амос, которого в последний момент взяли в атакующий отряд и которому во время краткого инструктажа в «геркулесе» было велено придерживаться Муки, последовал за своим командиром. Солдаты, напряженно следящие за каждым движением в зале, в тот момент не заметили еще одного террориста. Амир поднес к губам мегафон и крикнул в него по-английски и на иврите: «Всем лечь на землю!». Если бы не мегафон, его бы не услышали: от сильного волнения он едва сумел выдавить из себя эти слова.

«Я увидел ярко освещенную комнату со всеми лежащими в ней заложниками, — рассказывает Амос. — И тут слева выскочил террорист… Я выстрелил в него. Он прижимал винтовку к груди, и первая пуля попала в его оружие, а потом в грудь. Всего я выпустил в него три пули».

Так были уничтожены все четверо террористов, которые могли убить заложников. С этого момента — мгновение спустя после того, как Амир убил первого террориста, через минуту после того, как бойцы наткнулись на угандийских часовых, и спустя минуты три после высадки из самолета — операция, по сути, увенчалась успехом. И этого момента — прошли считанные секунды после того, как он был ранен, — Йони уже не довелось увидеть.

Тем временем в ту же дверь устремились бойцы из звеньев Амнона и Муки; перед тем как двинуться дальше, все сосредоточились в передней части зала. Большинство заложников продолжали лежать, в основном, конечно, от потрясения происходящим, чем подчиняясь приказам из мегафонов, но

некоторые вскочили на ноги. Авнер и Амос прицелились в кого-то, кто вышел из отдаленного угла зала, рядом с лестницей. Они уже стали нажимать на спусковой крючок, но тут поняли, что это маленькая девочка, и спешно вздернули винтовки кверху. Пули уже вышли из стволов и попали в стену, над головой девчушки. Едва ли маленькая заложница осознала, что ее жизнь в тот миг висела на волоске. Сразу же за ней вскочил пожилой человек, и солдаты, разглядев, что это не террорист, крикнули друг другу не стрелять.

Но не всем повезло, как этим двум. Трое нашли свою смерть — двое от пуль наших солдат и одна, Ида Борович, вероятно, от пули арабского террориста. По предварительным оценкам армии, перед операцией, даже в случае ее успеха, шла речь о возможности десятков убитых. То, что террористы не успели уничтожить заложников, что пострадали немногие, объясняется и быстротой выполнения операции, и ее внезапностью, но также и тем, что бойцы, ворвавшиеся в зал, оказались почти в идеальной ситуации. Комната была хорошо освещена, заложники сосредоточены только в ней, и в первую секунду почти все лежали на полу (это частично тоже связано с внезапностью акции). Таким образом, возможно стало почти мгновенно уничтожить террористов, не подвергая опасности самих заложников, — те даже толком не успели понять, что, собственно, происходит. Часть из них только что проснулись, другие от потрясения не могли произнести ни слова. Услышав приближающиеся звуки выстрелов, большинство решило, что пришел конец: резня началась. Одна из заложниц, Сара Давидзон, легла на своего маленького сына, чтобы телом своим защитить его от пуль, и в голове ее мелькнула искра надежды, что это не займет много времени — смерть придет быстро.

Только один мальчонка отреагировал на происходящее со всей своей детской непосредственностью. Увидев огонь и услышав стрельбу, он захлопал в ладоши и в полном восторге закричал: «Вот здорово!»

Команды на иврите заполнили пространство зала, кто-то из солдат объявил: «Мы пришли забрать вас домой». До заложников стала доходить суть происходящего: невероятное в самом деле случилось. После долгих дней унижений и оскорблений, после ультиматумов с угрозами казни, когда приходилось подчиняться приказам крикливой немки, напомнившей одной пережившей концлагерь Биркенау женщине старосту ее блока своей жестокостью; после разделения на евреев и неевреев, когда немец-террорист, подобно нацистам прошлых лет, успокаивал их, объясняя, что разделение происходит в их же интересах; после

речей тирана-клоуна, наслаждавшегося предоставленной ему мировой трибуной и игрой с попавшими в полную его власть заложниками, которых он то и дело швырял от надежды к отчаянию; после дней, когда им пришлось испытать на себе ненависть, исходящую от банды арабов, которые, несомненно, только и ждали возможности нажать на курок и уничтожить проклятых евреев вместе с их женами и детьми, — после всего этого, когда многие уже не надеялись спастись от неминуемой смерти, избавление пришло вдруг в образе израильских парней, внезапно явившихся из мрака.

Одновременно захвачены были другие части здания. Гиора проник с наружной площадки в малый зал. Там сначала содержались захваченные евреи. И до момента вторжения было неясно, находятся ли там и сейчас заложники. Гиора сразу увидел что там никого нет. На всякий случай он обстрелял зал и выходящий из него направо коридор. В комнате было несколько кроватей с постелями, и на одной из них, как ему показалось, кто-то лежит (позже выяснилось, что кровать была пуста). Напротив него, на столике, были свалены паспорта захваченных, на полу стояло несколько чемоданов. Гиоре почудилось, что в него откуда-то стреляют, и так как у него кончилась обойма, он выскочил наружу, чтобы перезарядить ее, на самом же деле он был в зале один. Двое солдат из его звена тем временем тоже зашли в этот зал и стали продвигаться в нем, стреляя. В конце зала оказалась кухня, там обнаружили двух убитых угандийских солдат.

Шломо также очутился в малом зале. Он принадлежал к звену Амнона, которое ворвалось в большой зал, а сюда попал по ошибке. Шломо знал, что ему надлежит вбежать в следующую после той, куда вбежит Муки, дверь, так он и сделал. Но поскольку Муки проник не в первую, а во вторую дверь большого зала, Шломо обогнал его на один вход и оказался в следующем зале терминала. Илан, другой солдат из звена Амнона, поступил, как Шломо, и тоже оказался в малом зале вместо большого.

Шломо так и не понял, что ошибся залом. «Что ты делаешь в нашем зале?» — спросил он Гиору. И прибавил, видя, что комната пуста: «Их, наверное, перевели в новый терминал», имея в виду заложников.

Меняя снаружи обойму, Гиора заметил, что соседнее звено Даниэля не может проникнуть через «свой» вход. Это звено должно было захватить комнату, предназначенную для важных лиц, которая сейчас служила жильем террористам и находилась в отдаленной части здания. Звену определено было двигаться в конце отряда; оказавшись перед зданием, Даниэль заметил

распростертого на земле Йони и остановившегося возле него солдата. Даниэль тоже задержался здесь на долю секунды, но, услышав, что кто-то рядом кричит: «Беги дальше!» — двинулся со звеном к своей двери. Добежав до нее, бойцы обнаружили, что дверь заперта, взломать ее оказалось трудно. Солдат Даниэля попытался бросить внутрь гранату, но она, как видно, задела притолоку или какую-то решетку, отскочила и взорвалась поблизости от них. Взрывом был легко ранен в ногу один солдат. Гиора крикнул Даниэлю, что сможет войти в его крыло изнутри и очистить помещение, поскольку перед этим заметил внутренний коридор, ведущий из его зала к «жилой части».

Гиора и Шломо стали продвигаться в глубь коридора прыжками, бросая гранаты и непрерывно стреляя. С ними же оказался Тамир, связной Йони, которому, после того как Йони был ранен, ничего не оставалось, как присоединиться к звену Гиоры. Неожиданно из комнаты выскочили двое с испуганными лицами. Видно было, что они не уверены, надо ли поднимать им руки. Эти двое прошли мимо Гиоры, когда тот стал окликать их на смеси английского, иврита и арабского: «Стой! Кто вы?» Но люди не отвечали, продолжая идти. И тут Гиора понял, кто это.

«Террористы! — крикнул Гиора Шломо, отскочив в сторону от возможной линии его огня. — Стреляй в них!» Сам Гиора не мог стрелять, не подвергая опасности Шломо, стоявшего рядом с террористами. Поэтому он опять ему крикнул: «Стреляй в них!»

Шломо, ошибочно полагая, что находится рядом с большим залом, в котором должны быть захваченные люди, возразил: «Нет, это заложники!»

Но тут Шломо вдруг заметил у одного из них гранату на поясе и понял, кто это. Он снова приказал им остановиться, а поскольку они продолжали двигаться к двери, полил их наконец очередью. При падении одного из террористов Шломо увидел голубую вспышку. «Граната!» — крикнул он, бросаясь на пол в небольшую боковую нишу и таща за собой стоявшего рядом Тамира. Граната взорвалась (возможно, она была у террориста в руках), но никто из находившихся поблизости бойцов не пострадал, только маленький осколок ранил Шломо в губу.

Оттуда же продолжили очистку района туалетов, до сих пор полного дыма от фосфорной гранаты, которую кто-то из бойцов Даниэля бросил перед тем. Когда дым рассеялся, выяснилось, что внутри никого нет. При проверке обнаружили в коридоре тело еще одного террориста, и было не совсем ясно, кто и когда его убил. (Гиора помнит и так доложил после операции, что в этом месте были обнаружены два трупа террористов.)

Тем временем звену Даниэля также удалось прорваться

внутрь через узкое окно и очистить часть того же крыла. Даниэлю помог Одед, который перед тем оставил большой зал, увидев, что там больше нечего делать, и искал место, где мог бы принести пользу.

Пока все это происходило на нижнем этаже здания, Ифтах со своим звеном выполнили порученное им задание на втором этаже. Проникнув в момент атаки в первую по порядку дверь на фасаде терминала, Ифтах заметил, что за ним только двое его солдат, но не стал дожидаться, пока подоспеет второе его звено под командованием Арнона, а тут же приступил к выполнению задания. Быстро очистив таможенный зал, в котором находилось несколько угандийских солдат, бойцы вышли из помещения в другом его конце и поднялись по лестнице на второй этаж. На верхней площадке навстречу Ифтаху метнулись двое угандийцев, но он опередил их и открыл по ним огонь. В начале коридора солдаты увидели дверь, ведущую в большой зал с заложниками, но она была герметически закрыта, забрана железной решеткой, так что прохода через нее не было. Ифтах оставил одного из своих бойцов сторожить эту дверь и вход на второй этаж и продолжил вместе с Рани, вторым своим бойцом, очищать этаж. Коридор упирался в большой зал, служивший раньше рестораном, а сейчас жильем для угандийских солдат. Людей в помещении не оказалось, но полно было одеял и спальных мешков; похоже, минуты назад там спали угандийцы. Они исчезли с быстротой молнии, спрыгнув, как видно, со второго этажа на заднюю сторону терминала.

Ифтах и Рани заметили вдруг силуэт человека перед собой и выстрелили в него. Услышав звук разбитого стекла, поняли, что стреляли, как в кинофильмах, в собственное отражение в зеркале. Они спешно вернулись в коридор и оттуда вбежали по нескольким ступенькам на большой балкон, являющийся, по сути, крышей расположенного на первом этаже таможенного зала. Быстро обследовали крышу с помощью фонариков, но никого не обнаружили. Взглянув вверх, увидели отблески выстрелов по контрольной башне и с нее.

Вернувшись в коридор, Ифтах связался со звеном Арнона. Те уже покинули здание и находились снаружи, на площадке. Ифтаху доложили, что лестницы наверх, которую им положено было охранять, они не нашли. Неудивительно: внутреннее устройство этой части здания было бойцам почти неизвестно. Только в последний момент, в Шарме, звено Ифтаха услышало об изменении инструкций, когда Йони сообщил им, что достичь этого пролета можно, лишь пройдя через таможенный зал на

другую сторону здания.

В начале атаки Арнон и его звено в поисках лестницы столкнулись с несколькими угандийскими солдатами. Они находились в боковой комнате, которую Ифтах не успел очистить перед тем, как поднялся на второй этаж.

Осмотрев территорию таможенного зала и не найдя лестницы на второй этаж, люди Арнона вышли наружу, на площадку, пока Ифтах очищал верхний этаж. Тут они заметили, что с башни стреляют, и Пинхас — он был в звене Арнона — вместе с другим солдатом открыл ответный огонь по башне, для большей эффективности отойдя немного от стены здания.

По башне стреляло и звено отвлечения на джипах. Сначала с того места, где Йони остановил колонну, но, заметив, что с этого пункта невозможно попасть в тех, кто стреляет по площадке перед терминалом с другой стороны, звено сменило позицию и расположилось на самой площадке. (Невозможно определить, началась ли стрельба с башни в самом начале атаки отряда или только потом, также невозможно определить, был ли сразу открыт огонь из джипов по башне. Однако д-р Давид заметил, что стрельба по башне и с башни велась в то время, как атакующие силы пешим ходом двигались от машин к цели.) Упрямый угандийский солдат стрелял с верхнего этажа башни на всем протяжении операции, включая стадию эвакуации заложников и позднее. К счастью, огонь с башни был неэффективен (также и из-за ответного огня) и никого не задел. (Нет никаких оснований для распространенного мнения, что Йони якобы ранило выстрелом с башни, несмотря на тот факт, что засевший там угандийский солдат получил в свое время от Иди Амина орден за то, что будто бы убил командира отряда. Йони был поражен пулей из автомата «Калашников», извлеченной позднее из его портупеи, тогда как находившиеся на аэродроме угандийские солдаты вооружены были винтовками другого типа. К тому же, по заключению обследовавших его врачей, Йони был ранен в грудь, пуля прошила его насквозь и вышла из спины, что доказывает: в момент ранения он бежал вперед, в направлении своего КП (это подтверждают и многочисленные свидетельства), контрольная же башня находилась позади него.)

Через минуту-другую после прорыва в помещения Пинхас и Арнон заметили, что кто-то лежит на животе неподалеку от них перед зданием. Они поняли, что ранен кто-то из своих, и, подбегая к нему, закричали: «Здесь раненый!» Арнон повернул лежащее на площадке тело, и тогда, при свете, который там был, обнаружили, что это Йони. «Врача!» — закричали бойцы. Давид, находившийся в соответствии с планом возле главного входа в

зал с заложниками, повернувшись в сторону кричавших, увидел лежавшего в нескольких метрах от него на земле раненого и тут же подошел к нему. Правилом Давида было — никого не оставлять на месте ранения; он оттащил Йони, который был без сознания, поближе к зданию, за невысокую ограду. Впрочем, и это место, как и вся площадка, было доступно для возможной стрельбы с контрольной башни.

Давид услышал по рации, что Муки зовет Йони. Хотя кто-то доложил ему сразу после ликвидации террористов, что Йони ранен, Муки вдруг почудился голос Йони по рации. Он пытался ему ответить, пока не вмешался Давид и не сообщил ему, что Йони ранен и что он, Давид, сейчас занимается им.

Йони был очень бледен. Давид заметил и другие признаки, говорящие о большой потере крови. Ему было ясно, что ранение очень тяжелое. Не увидев пятен крови на одежде Йони, только на правом рукаве, поскольку Йони был ранен и в локоть, Давид решил, что кровотечение было в основном внутреннее. С помощью Арнона доктор разрезал ножом ремни и рубаху Йони и стал усиленно искать, куда вошла пуля. Сперва он обнаружил лишь выход пули на спине, у позвоночника. Несмотря на хорошее освещение, он долго не мог найти входное отверстие, пока наконец не обнаружил небольшую впадину под ключицей, с правой стороны груди. Это означало, что кровотечение действительно было внутренним и не было никакой возможности его остановить. Давид понял, что положение Йони, по сути, почти безнадежно.

Узнав, что Йони ранен, Муки сообщил об этом по рации отряду, добавив, что берет на себя командование. Перед этим, во время предварительной проверки зала, когда запах пороха, смешанный с острым запахом крови раненых и мертвых, заполнял помещение, к Муки подошел, очнувшись от первого шока, один из заложников и сказал: «В этом зале всех уничтожили, несколько террористов осталось только в соседнем крыле».

Этих террористов, как было сказано, уничтожило звено Гиоры, к которому по ошибке присоединились Шломо и Илан. Когда все было кончено в этом отсеке, Шломо помог оказать первую помощь раненому из звена Даниэля, а Илан прошел в большой зал, в котором и должен был находиться с самого начала. Амир был вне себя от радости, увидев своего друга, внезапно появившегося в дверях. Не обнаружив раньше в зале двоих из своего звена — Илана и Шломо, — он со всевозрастающим беспокойством ожидал известия о том, что их подстрелили по дороге, во время атаки. Он уже воображал самое

худшее — что они погибли, как погиб другой боец из их группы во время акции по спасению в отеле «Савой». Однако при появлении Илана Амир не позволил себе дать выход чувствам. Он только поднял с широкой улыбкой автомат «Калашников» убитого им террориста и обратился к другу под аккомпанемент выстрелов бойцов Ифтаха с верхнего этажа: «Смотри, какой новый „Калашников“ я себе отхватил!»

Ифтах тем временем спустился вниз после очистки верхнего этажа и, по дороге наткнувшись на угандийских солдат, застрелил их. Снаружи он встретил Арнона, командира второго своего звена, и с несколькими своими солдатами стал очищать длинный, выходящий на площадку коридор, который отделял таможенный зал от большого. Об этом выходе, а также о коридоре, ведущем в более отдаленные части терминала, бойцам Части не было известно заранее, кроме того, что Халивни рассказал Йони в Лоде. (Выход этот посчитали в Части вторым выходом таможенного зала.)

Пинхас, оставшись сбоку здания, приготовился к позиции «с колена» снова стрелять по контрольной башне, тем временем замолчавшей, но вдруг почувствовал толчок сзади и услышал, как кто-то бормочет непонятные слова. Он повернул голову и увидел дуло винтовки в нескольких сантиметрах от своих глаз. Из-за пятнистой формы солдата Пинхас не сразу разобрался, что к чему, и подумал на миг, что это кто-то из наших, но, заметив темный цвет кожи, закричал: «Арнон, берегись! Тут кто-то есть!» Приблизившийся к Пинхасу угандийский солдат, как видно, тоже не совсем понял, что происходит. Может, и его сбила с толку пятнистая форма, и он подошел именно к Пинхасу, самому смуглому из израильского отряда. Арнон обернулся на крик и, увидев угандийца с ружьем, нацеленным в голову Пинхаса, выстрелил в него.

На этом, в сущности, группа бойцов Части, высадившаяся из первого самолета, закончила очистку старого терминала и прилегающей к нему территории; непосредственная опасность для наших сил и для заложников была устранена (потенциальную опасность представляла контрольная башня). Другим заданием Части было обеспечить круговую оборону всей территории терминала с помощью второго отряда, передвигавшегося на четырех бронемашинах. Отряд этот, под командованием Шауля, высадился из второго и третьего самолетов и прибыл на место спустя считанные минуты после открытия огня и выполнения последних действий по захвату здания. С ними в джипе своего КП прибыл также Дан Шомрон.

Во время приземления второго самолета — через шесть минут после первого — на посадочной полосе все еще горели фонари. Шауль видел их из кабины, видел он с воздуха и продвижение машин Йони к старому терминалу, и вспышки выстрелов возле него. Амнон сидел в том же самолете в джипе КП Шомрона и тоже смотрел из окон. «Приближаемся к посадке, — рассказывает Амнон. — Полоса хорошо освещена, за правым крылом можно различить поле и узнать по огням и другим признакам все объекты на местности, которые я себе заранее наметил. Я знаю, что, когда мы приземлимся, отряд уже должен быть у цели, если во время приземления я увижу, что стреляют, это будет признаком того, что операция удалась. Если наши силы там, я спокоен, потому что уже есть кому решать проблему. Мы вот-вот коснемся земли, и я действительно вижу через окно: в районе старого терминала летают пули, и понимаю, что с этой операцией — с сердцем операции — уже все в порядке, что все сделано еще до нашего прибытия».

Тем временем бригадный генерал Шомрон, вместе с подполковником Хаимом и еще тремя офицерами из звена его КП, дожидался — в другой части летного поля, недалеко от нового аэровокзала — посадки второго самолета с джипом КП. Они летели первым самолетом и высадились недалеко от пункта, где были спущены «мерседес» и два джипа Части. Там же вышли парашютисты и, оставив Дана Шомрона и Хаима, пешим ходом двинулись к новому терминалу. Таким образом, пятеро офицеров остались в одиночестве на открытой плоскости, рядом с подъездной полосой, соединяющей главную полосу с диагональной. В этом было что-то сюрреалистическое: высшие израильские офицеры в ожидании джипа КП и первой пары бронетранспортеров стоят рядом в темноте, в центре аэродрома в Африке, во время операции, и практически ничего не могут сделать. «Мы с Даном стоим у края полосы в темноте, и — никого вокруг. Ты — один со своим „узи“, и все. Я ему говорю: „Дан, что мы здесь делаем? Другие самолеты еще не прибыли, Часть уже умчалась, а мы стоим у края полосы…“» Тут издалека донеслись отзвуки стычки бойцов Части с угандийскими солдатами, и Хаим предложил Шомрону: «Давай опередим посадку самолетов». Но второй самолет уже готовился к посадке.

Когда самолет коснулся земли и Нати повел его к месту выгрузки в конце полосы, Амнон заметил из окошка слева от себя угандийскую машину с мигающим фонарем на крыше. Машина двигалась параллельно самолету по длинной полосе для подвоза пассажиров рядом с главной полосой. Едва самолет достиг поворота на боковую подъездную полосу, где должен был

выгрузить отряд, как «сопровождавшая» их угандийская машина вдруг погасила свет. Вслед за этим сразу же погасли и все огни вокруг, один за другим, в три коротких приема, как будто кто-то повернул три рубильника. Погасли огни на главных, на подъездных полосах к новому терминалу и огни самолетной площадки. Они погасли как раз в тот момент, когда третий самолет, доставивший вторую пару бронетранспортеров, сделал последний заход перед посадкой. Для пилота, перед глазами которого вдруг исчезли огни посадочной полосы, это было, как если бы у него из-под ног внезапно выбили почву. Он проскочил в воздухе около километра вперед, в направлении двух коротких рядов бледных фонариков, которые перед тем установили парашютисты, и с их помощью смог благополучно посадить самолет, хотя и сильно ударился.

Нати тем временем остановил второй самолет на боковой полосе, где ранее выгрузился со своими бойцами Йони. Из самолета быстро выехали джип КП Шомрона и два бронетранспортера Шауля. Амнон поспешно поставил антенну на рации джипа, и подполковник Моше из командования пехотно-десантными войсками, служивший во время операции шофером джипа, забрал в машину Шомрона и четырех других офицеров.

Джип КП последовал за бронетранспортерами Шауля, ехавшими к району терминала. На некотором расстоянии за ними двигалась вторая пара бронетранспортеров Уди, приземлившегося на третьем самолете. Шауль очень спешил, так как смог разглядеть с воздуха, что стрельба началась еще до прибытия отряда к терминалу, и потому опасался, что операция столкнулась с трудностями. Достигнув площадки перед старым терминалом, Шауль увидел стоящий там, против здания, захваченный самолет. В Части не знали, что самолет стоит на этом месте, по последним сведениям, он должен был стоять в конце диагональной полосы. (В субботу террористы по неизвестной причине приказали командиру самолета Мишелю Бакосу подвинуть самолет. По мнению Бакоса, возможно, это было связано с тем, что террористы, предвкушая победу, собирались дать назавтра интервью журналистам.) Шауль остановился рядом с захваченным самолетом «Эр Франс» и попытался связаться с Йони. Ему сказали, что Йони ранен. В здании терминала продолжали стрелять, хотя и меньше, — атакующая группа Части завершала в тот момент очистку здания[90]. «Тут и там еще были слышны выстрелы», — говорит Амнон, прибывший одновременно с Шаулем на джипе Шомрона под контрольную башню.

Возле нее Шауль заметил несколько убегающих угандийцев,

но не потрудился открыть по ним огонь, поскольку решено было не стрелять по угандийцам, находящимся вне здания и пытающимся скрыться. В тот момент Шауль не заметил никакой стрельбы с контрольной башни. Но вскоре, когда оттуда был открыт огонь, Муки приказал Шаулю обезвредить башню. Шауль стал напротив и при свете установленного на бронетранспортере прожектора полил ее пулеметным огнем и ракетами.

«Мы все стреляли изо всего имеющегося у нас оружия, — рассказывает Дани Даган. — Я тоже, хотя был водителем бронетранспортера, всякий раз брал свой „Калашников“ и стрелял, чтобы участвовать в бою. Поступает приказ: „Дани, назад!“ — и я опускаю „Калашников“ и еду назад. „Вперед!“ — и я еду вперед. Так, между делом, я все время стреляю». Стрельбу по башне Шауль в основном согласовал с Аликом, который остался на позиции КП Йони.

Омер, командир второго бронетранспортера из первой пары, также сначала приблизился к терминалу. Он позвал Йони по рации, чтобы узнать, не нужна ли тому помощь, и, не получив никакого ответа, продолжал, как было предусмотрено, двигаться к военной базе и «МИГам».

Вторая пара бронетранспортеров, ответственных за территорию к северу от терминала, прибыв в район терминала, повернула налево, на площадку компании «Shell». Оттуда следовало найти путь во двор, прилегающий к терминалу с севера и, по сути, служивший площадкой перед входом в него со стороны старого шоссе, ведущего от городка Энтеббе. Столкнувшись с преградившим им путь забором, они вернулись назад и подошли, в поисках другого прохода, к контрольной башне. Увидели перед собой «мерседес» с распахнутыми дверцами и работающим мотором. Снова повернув налево, нашли после повторных попыток путь к северной площадке. По мере продвижения бойцы стреляли по одиночным угандийским солдатам, которые представлялись им опасными. Стреляли также по генератору, поставлявшему электричество старому терминалу, — в результате было погашено большинство огней на терминале и вокруг него. Наконец расположились на позиции, преграждающей доступ к воротам со стороны шоссе, что спускается вниз от Энтеббе. И стали громко звать — так было запланировано — тех заложников, кто мог в суете боя укрыться там. В этот момент до них добрался Ифтах с несколькими своими людьми, они были заняты прочесыванием двора к северу от здания. После сопровождавшейся приветственными криками встречи Ифтах вернулся в южную часть терминала, где были сосредоточены силы вторжения и заложники.

Муки тем временем вышел из здания — взглянуть, как занимаются Йони, и тут же вернулся в зал, чтобы приступить к эвакуации заложников. Алик расспросил врача о состоянии Йони, и тот с мрачным видом сообщил ему, что дела очень плохи. Алик заранее предупредил Давида: «Если не позаботишься о нем как следует, будешь иметь дело со мной». Плохо зная Давида, который был новичком в Части, Алик думал таким образом обеспечить Йони достойный уход. Войдя затем в зал, Алик предложил сменить Муки, чтобы тот мог заняться выполнением других задач. Муки, со своей стороны, попросил Алика подойти к четвертому самолету, к тому времени приземлившемуся, который должен был эвакуировать бывших заложников из Энтеббе. Видимо, он узнал, что самолет по ошибке остановился вдали от запланированного места, и необходимо было приблизить его к терминалу.

Для этой цели Алик взял с собой Илана, и они пошли к взлетно-посадочной полосе. Вдруг рядом с ними раздался выстрел с верхушки контрольной башни, и они прижались к стене. Пройдя еще несколько шагов, они встретили у башни Дана Шомрона и в ответ на его вопрос объяснили, куда идут. Алик и Илан шли сейчас к той самой полосе, по которой всего минут двадцать тому назад, после стычки с угандийскими часовыми, мчались в противоположном направлении. Они просили по рации у КП предупредить бойцов Голани, охранявших самолет, о своем приближении, чтобы те ненароком не открыли по ним огонь. Шли осторожно — оружие на взводе, чувства обострены, — опасаясь, что из высокой травы вдруг выскочит черный солдат. По дороге Алик рассказал своему напарнику, что Йони ранен в грудь.

Проходя мимо места первой стычки, они заметили на полосе тело одного из часовых. А вскоре дошли до самолета, где встретились с бойцами Голани, расположившимися вокруг «геркулеса». Шестнадцать солдат и офицеров Голани служили резервной силой и должны были помочь в эвакуации освобожденных заложников. Сказав пилоту, чтобы он подъехал поближе, Алик и Илан, не задерживаясь, зашагали к терминалу.

К тому времени, как они вернулись к зданию, Йони уже отправили оттуда. Давид успел перевязать ему раны: на спину и грудь в местах поражения наложил вазелиновые бинты, а сверху — бинты из индивидуального пакета первой помощи, в основном чтобы обозначить пораженные места врачам, которые будут заниматься Йони в самолете. Без санитара, которого Йони в Лоде вывел из состава участников операции, у Давида не было возможности сделать что-либо еще. Он предпочел побыстрее отправить Йони туда, где существовал хоть какой-то, пусть

ничтожный, шанс спасти ему жизнь.

Но кровь непрерывно вытекала из артерий, а с ней уходила и жизнь Йони, которая уже едва теплилась в нем. Давид и Арнон погрузили Йони на носилки, «и тут к нему вернулось сознание… видимо, проснулись солдатские рефлексы. Кругом слышалась стрельба, было шумно, и у Йони возникло нечто вроде реакции на команду „встать“»[91].

Шауль, выйдя из своего бронетранспортера, пешком прошел на площадку. Он хотел помочь в организации отправки заложников и бойцов и увидел, как на площадке занимаются Йони. Дани Даган, который просил Шауля по возможности выяснить, в каком состоянии Йони, получил неверную информацию, что у Йони «средняя степень ранения».

Давид попросил Шауля позвать кого-нибудь из сидящих в джипах на отвлекающей огневой позиции, чтобы они отправили Йони. Тут уже стали собираться заложники, желающие влезть в тот же джип и ехать к самолету. После перепалки джип высвободили у заложников и погрузили туда Йони. Рами, командир отвлекающей огневой позиции, повел джип к самолету. Сам Давид не мог сопровождать Йони, поскольку должен был заняться другими ранеными, а санитара, как известно, у него не было. Поездка в джипе была совсем короткой. Рами слышал, как Йони бормотал что-то невнятное.

Врачебная бригада четвертого самолета расположилась на полосах метрах в пятидесяти от самолета. Подготовку к приему раненых произвели спешно, с момента когда «геркулес» остановился и был спущен задний трап. Бригада заметила приближающийся джип, он проехал мимо и остановился у входа в самолет. Реанимационное звено, состоящее из двух врачей и фельдшера, сорвалось с места, медики подбежали к трапу самолета и тотчас занялись привезенным раненым. Автоматически произвели необходимые при реанимации действия: искусственное дыхание и массаж сердца, причем портупея Йони все еще висела у него на плече. Доктор Эран, командир медицинского персонала самолета, поспешил к ним. Подойдя, увидел, что раненый — Йони, и констатировал его физическое состояние — почти полную потерю крови.

Центральная установка по переливанию крови была наготове, кровь из пластиковых пакетов полилась под давлением внутрь, но все было напрасно: Йони был уже за пределами той черты, откуда можно вернуться. Два реанимационных врача взглянули друг на друга, понимая, что надежды нет.

— Тут ничего не поделаешь, — сказал один из них Эрану.

— Продолжайте, это Йони! — ответил Эран.

Эвакуация заложников, приостановившаяся было из-за выстрела с контрольной башни, продолжилась. Дан Шомрон торопил людей. Многие заложники по-прежнему были в шоке и не издавали ни звука. Муки велел им оставить вещи в зале и начать эвакуацию. Большинство послушалось, люди стали поспешно выходить через два выхода. Некоторые, однако, не желали расстаться со своим имуществом и потащили за собой свои сумки. Один из заложников, уже выйдя из зала, вернулся, чтобы взять свои пакеты duty free. Со своего места у входа в таможенный зал молодой офицер Рани видел, как заложники проходят по дороге к самолету. Из-за того что вышел из строя генератор, большая часть фонарей погасла, но гигантское пламя от взорванных во время акции «МИГов» и несколько горящих матрацев освещали окрестность и позволяли хорошо видеть происходящее. Рани поразило то, с каким упрямством заложники цеплялись за свое имущество. Амос Бен-Авраам, чьей обязанностью в тот момент было сосчитать заложников, пожаловался Муки, что ему никак это не удается.

Амнон Пелед подозвал Амира и попросил его кое-что объяснить по-английски одному из заложников, которым оказался командир самолета, капитан Мишель Бакос. Амир приказал ему и стоявшему рядом с ним авиаинженеру действовать согласно инструкции: оставить все вещи, надеть обувь и подойти к выходу из зала, откуда их возьмут на самолет, который всех эвакуирует.

Авиаинженер никак не мог найти своих ботинок. «Он ищет, подымает матрацы, одеяла, — ботинок нет как нет. Ночная темень, шум и выстрелы, а этот безуспешно ищет свои ботинки и уже уверен, что его здесь оставят, — рассказывает Амир. — Тем временем кто-то сообщил мне, что подвозят самолет… И я сказал ему: „Оставь ботинки и иди к двери“».

Тот так и сделал, но солдат, стоявший у выхода, увидел его босиком и велел вернуться назад и надеть ботинки. Авиаинженер снова подошел к Амиру. «Я даже тогда оценил комизм ситуации. В самом деле, я — двадцатидвухлетний солдат, а он — авиаинженер самолета, ответственный за триста человек, — жалуется мне, как ребенок воспитательнице в детском саду: „Он велел мне надеть ботинки!“»

Наконец комедия закончилась — инженер где-то нашел свои ботинки и вошел в самолет обутый, как положено.

Когда заложники стали выходить из терминала, снова раздался залп с контрольной башни. Бронетранспортер Шауля ответил сильным огнем, парализовавшим башню.

Когда в зале осталось всего несколько заложников, Амнон

опять подозвал Амира и попросил его подойти к одной из заложниц, не говорившей на иврите. «Это была молодая девушка, рассказывает Амир, — возможно, одна из стюардесс, одетая минимально, поскольку ночью там было очень душно. Она сказала: „Я ранена“, — и показала мне небольшое рикошетное ранение. „Это пустяки, — сказал я ей, — вы можете идти“. — „Нет, у меня еще одна рана“. — „Где?“ — „Здесь“, — сказала она, показывая на интимное место, но открыть отказалась. Пришлось насильно осмотреть ее. „У вас два рикошетных ранения, — сказал я ей. — Вы вполне можете идти. Мы не можем тащить на плечах каждого, кому этого захочется. Пожалуйста, идите к двери, все будет в порядке“».

Но девушка реагировала истерикой, «была почти в обмороке», по словам Амира, и отказалась стоять на ногах. Тут терпение Амнона лопнуло. «Ладно, возьми ее отсюда…» — сказал он Амиру.

«Я взял ее на плечи, ну прямо как в кино — геройский солдат тащит девушку в одной комбинации в двенадцать часов ночи. Выхожу наружу, и вдруг у самой моей головы пролетает пуля. Я впервые в жизни слышал свист пули так близко, и это действительно было страшно. В уме мелькнуло: откуда стреляют? Если угандиец, отбежавший метров на триста, это значит, что первая пуля случайно пролетела близко, вторая окажется метра за три отсюда. Но если стреляют с башни, которая от меня примерно в тридцати метрах, то вторая пуля будет в голову. И я сказал себе: „Нет уж, из-за ее глупого упрямства умирать не собираюсь“. Я положил ее так, что, если бы еще раз выстрелили, пуля досталась бы ей». (Амир прибавляет: «Самое смешное, что я видел ее потом по телевизору и она сказала: все обо мне забыли, только один солдат, герой, забрал меня и спас».)

Все это время Омер со своим бронетранспортером находился рядом с военной базой. В этом районе было совершенно спокойно; когда включили прожектор и обследовали окружающую территорию, Омер обнаружил угандийские «МИГи», о наличии которых было заранее известно. Самолеты стояли в два ряда пять самолетов «МИГ-21» к югу и три самолета «МИГ-17» — и к северу. Увидев, что операция идет как надо и что заложников начинают эвакуировать, он попросил у Шауля разрешения открыть по «МИГам» огонь, согласно указаниям, полученным от Йони в Шарме. «Подожди, — ответил Шауль, я спрошу у начальства».

Шауль попытался найти Шомрона, но в тот момент связь с ним нарушилась. Параллельно Екутиэль Адам сообщил Шомрону из самолета КП, что надо уничтожить «МИГи». Амнон принял сообщение по своей рации и передал его Хаиму, а уже тот —

Шомрону. Но Шомрон сказал своим людям, чтобы те пока что оставили его в покое, поскольку он занят эвакуацией заложников. Не получив никакого ответа на свою просьбу, Омер решил на свою ответственность взорвать «МИГи», поскольку знал от Йони, что есть принципиальное разрешение их уничтожить. Он открыл по самолетам пулеметный огонь и один за другим изрешетил их по всей длине. Два-три самолета взорвались, вспышки огня осветили окрестность. Шомрон, увидев это издалека и не понимая, зачем стреляют по «МИГам», спросил об этом по рации Шауля, а тот не знал, что ответить. Так или иначе, хотя и с нарушением принятого порядка, приказ Екутиэля Адама был выполнен.

Заложников эвакуировали на джипах в несколько приемов. Время от времени среди них возникали споры из-за ограниченного количества мест в машинах, но в основном все были дисциплинированны. Амицур вспоминает, как вез кучу людей на джипе «лендровер». Его личное оружие лежало где-то внизу, под ними, и, даже если бы возникла необходимость, он никак не мог бы им воспользоваться. Несмотря на большую тесноту, часть заложников пыталась влезть в джипы со своими вещами. «Муки кричал им, чтобы они оставили чемоданы. Только отвернешься а они уже грузят вещи… Чемоданы — вот что им было в этот момент важно…»[92].

Первые из заложников прибыли к самолету вскоре после того, как туда был доставлен Йони. Бригада врачей все еще занималась им возле трапа, и потрясенные заложники, в страхе спеша в самолет, с топотом проходили над Йони и бригадой врачей. Но небольшая эта помеха в работе медиков ничего уже не могла изменить. Двое врачей прекратили попытки реанимации. Душа Йони отлетела, и не было никакой возможности вернуть его к жизни. Его тело перенесли в переднюю часть самолета, положили на носилки и прикрыли алюминиевой пленкой.

Весь аэродром уже был под контролем бойцов Части, включая новый терминал с главной взлетной полосой, с которой через несколько минут должен был подняться четвертый самолет с заложниками. Это здание было захвачено отрядом парашютистов еще в начале операции. Их акция началась с того, что они спустились с первого самолета следом за «мерседесом» и двумя джипами Йони и совершили короткий бросок к новому терминалу. Остановились неподалеку от здания посреди влажной травы. Какое-то время еще различали три машины, удаляющиеся в сторону старого терминала, потом машины исчезли из глаз. Парашютисты расположились напротив здания, готовые открыть ответный огонь, если по ним начнут стрелять. Они напряженно

ожидали услышать звуки выстрелов, означающие начало действий на старом терминале. Для них это станет сигналом — ворваться внутрь нового терминала, освещенного изнутри и снаружи. Главная площадь перед входом казалась пустынной. Командир отряда Матан Вильнаи, заметив рядом со входом наружную лестницу, дал указание одному своему офицеру по ней подниматься на крышу, когда начнут прорыв в здание.

Наконец послышалась ожидаемая далекая стрельба — бойцы части столкнулись с угандийскими часовыми, — и парашютисты бросились к возвышавшемуся напротив зданию терминала. Сурин, не дожидаясь командира своего звена, ворвался с другими бойцами внутрь, в главный зал. Его звено должно было подняться на крышу, и Сурин, не знавший о приказе использовать наружную лестницу, искал ведущую наверх лестницу внутри зала. В здании он увидел несколько угандийцев в штатском, которые казались весьма удивлены происходящим. Они сидели тихо, ничего не предпринимая. Нехемия, комбат Сурина, послал несколько человек на второй этаж, и Сурин поднялся вместе с ними.

Этаж был почти пустой. Через широкое окно Сурин увидел своих людей, поднимающихся по наружной лестнице, Со второго этажа на нее не было прямого прохода, и товарищи показали ему жестами, чтобы он присоединился к ним снаружи. Выйдя через главные двери, Сурин увидел Матана Вильнаи и услышал звуки далекой стрельбы со стороны старого терминала. До сих пор на новом терминале было тихо, не раздалось ни единого выстрела. Угандийцы, пытавшиеся выйти наружу и скрыться, были схвачены и отправлены вместе с другими гражданскими лицами в главный зал. Оружие Сурина — израильская «галиль», висящая у него на шее, — было, согласно приказу, на предохранителе, поскольку предполагалось, что на новом терминале им встретятся гражданские лица, а не солдаты. Сурин поспешил к наружной лестнице и бегом поднялся по ней, стремясь воссоединиться со своим звеном. Лестница вилась вокруг центральной прямоугольной части здания, и тот, кто поднимался по одной стороне прямоугольника, не видел противоположной его стороны.

Добравшись до уровня второго этажа, Сурин вдруг столкнулся с мужчиной и женщиной, спускавшимися ему навстречу. Мужчина, одетый в форму полицейского, тут же направил на Сурина пистолет и дважды выстрелил в него с расстояния в метр. Первый раз промахнулся, вторая пуля попала Сурину в шею. Мужчина и женщина быстро сбежали вниз, а Сурин упал. Это были единственные про звучавшие на новом терминале выстрелы, но они определили дальнейшую судьбу Сурина.

Услышав два выстрела, Матан Вильнаи поспешно поднялся к месту стрельбы вместе с врачом своего КП. Сперва они различили на лестнице винтовку «галиль», а через несколько ступенек — лежащего Сурина. Из его шеи текла кровь, покрывая пятнами пол. Он был в полном сознании, но не мог говорить. Обнаружив, что не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой, он понял, что ранен в позвоночник. Но пока что не сознавал всей серьезности своего ранения и того факта, что операция в Энтеббе потребовала от него почти самую высокую цену.

Джипы «лендровер» продолжали возить заложников со старого терминала. Тендер «пежо», принадлежащий Голани, тоже использовали для этой цели, солдаты из Голани помогали эвакуации. Некоторых заложников по пути к самолету поддерживали бойцы Части. Тех, кто шел пешком, сопровождал бронетранспортер Шауля. Свет его заднего фонаря Шауль старался направлять на контрольную башню, чтобы помешать засевшему в ней угандийцу поднять голову и выстрелить в заложников.

Амнон, приведший одну из групп к самолету, показал на «геркулес» и сказал: «Туда». Больше говорить не понадобилось — заложники пустились бежать к самолету. Бойцы Голани расположились веером по обеим сторонам от входа, чтобы направить заложников внутрь самолета, не допуская суматохи. Сопровождая группу заложников, Амнон по пути прошел мимо тела одного из угандийских часовых, убитых при первой стычке. Он поднял винтовку, и ему показалось, что затвор не был открыт (если это действительно так, то, по всей вероятности, это был не первый часовой, поскольку многие слышали звук открываемого затвора, когда он направил оружие на «мерседес», а некоторые считают, что и выстрелил).

Самолет быстро заполнялся заложниками, солдаты Голани, как было им указано, пытались их пересчитать. Мишель Бакос, войдя в самолет, увидел тело Йони, завернутое в пленку. «Кто это?» — спросил Бакос солдата. «Один из офицеров, — ответил ему солдат, — он умер».

Заложники не разговаривали, они тихо стояли, столпившись в брюхе «геркулеса». Возможно, только сейчас они осознали тот факт, что вот-вот вырвутся из ада, в который попали неделю назад, когда их самолет был захвачен над Средиземным морем. За неделю многие из них смирились с мыслью о близком конце. Ицхак Давид, который тридцать одни год назад бессильный гнил в нацистском лагере уничтожения, лежал теперь раненый внутри израильского самолета. Через несколько минут его вырвут из

новой заготовленной для него смертельной западни и отошлют далеко отсюда в безопасное место. В этот момент Ицхак не знал, что только метр отделяет его от тела человека, командовавшего операцией по его спасению.

На устройстве из носилок лежало также тело Жан-Жака Маймони, одного из заложников, смертельно раненного в момент, когда он вскочил с земли во время боя, и над ним — тело Иды Борович, погибшей от пули в сердце. На верхних носилках с левой стороны лежал солдат Части, легко раненный в ногу. В самолете лежал и Песко Коэн, раненный в бедро. Когда доктор Давид оказывал ему первую помощь на площадке против зала для пассажиров, Коэн был еще в сознании. Давиду было трудно сосредоточиться на оказании помощи ему и другим не так из-за напряженности, вызванной стрельбой и битвой вокруг, как по причине оглушительного шума, созданного отвлекающим маневром Части. (Давиду помогал д-р Эфраим Снэ, врач командования пехотно-десантными войсками, прилетевший четвертым самолетом. Он прибыл на площадку вместе с резервным отрядом Голани, явившимся помочь при эвакуации заложников, и спросил Давида, чем он может быть полезен. Давид сказал ему: «Важнее, чтобы ты вернулся в самолет и занялся Йони. Он в очень тяжелом состоянии». Снэ знал, что в самолете достаточно медиков, чтобы позаботиться о Йони, и поэтому предпочел остаться на площадке. Давиду помогал и врач Голани.) После перевода Коэна в самолет им занялась бригада врачей и даже смогла несколько улучшить его состояние, но позже раненый впал в тяжелое забытье, из которого его уже не удалось вывести.

Один из заложников подошел к д-ру Эрану и сказал, что не знает, как быть лететь с ними или остаться в Энтеббе. «Мою мать, — сказал очень обеспокоенный Илан Хар-Тов, — отправили накануне в больницу в Кампалу, у нее в горле застрял кусок мяса, может, мне лучше все же остаться?»

«Если останешься, сказал ему Эран, — тебя несомненно убьют. А у такой старой женщины, как твоя мать, есть большой шанс уцелеть». Д-р Эран ошибся: Доре Блох, матери заложника, было семьдесят пять лет. Наутро, спустя несколько часов после операции, солдаты Иди Амина вытащили старую женщину из больничной палаты и хладнокровно ее убили.

Когда заложники и раненые заполнили самолет, командир, желавший как можно скорее убраться оттуда, попросил своего инспектора по загрузке доложить, сколько в самолете заложников. Инспектор сообщил что собраны все. Халивни, однако, настаивал на том, чтобы тот письменно указал число

присутствующих; инспектор написал на листке, переданном Халивни, что в самолете девяносто три заложника и двое убитых гражданских лиц. Халивни попросил назвать имена убитых, поскольку, согласно полученным данным, в Энтеббе было сто шесть заложников. На обороте листка инспектор указал поименный перечень убитых среди заложников: Ида Борович, Жан Маймони. В низу листка отмечено имя третьего; подполковник Йони. Хотя и при повторном подсчете общее число заложников не достигало ста шести, солдаты Голани были убеждены, что все, кроме Доры Блох, находятся в самолете.

Халивни встал со своего стула в первый раз с тех пор, как оставил Шарм, и прошел немного назад, в глубь самолета, чтобы увидеть заложников. Слева от него стояли носилки с убитыми. Над ними лежал на верхних носилках легкораненый из Части. Солдат этот был единственным из отряда спасателей, кто находился в одном самолете с заложниками. Других спасателей освобожденным заложникам никогда в жизни увидеть не довелось — только в первые минуты акции. Халивни положил руку на плечо раненого. Напротив сгрудились заложники, большинство сидят, кто-то стоит, глаза у всех растерянно блуждают; вокруг группы заложников расположились бойцы Голани, врачебная бригада и экипаж самолета. Из-за тесноты Халивни не стал проходить дальше. Остановился. Стояла почти полная тишина.

По белой форме Мишеля Бакоса, украшенной командирскими знаками различия, Халивни понял, кто он такой, и знаком попросил подойти.

— Вы — командир «Эр Франс»? — спросил Халивни на своем ломаном французском.

— Да.

— С вами весь экипаж?

— Да. Но что с моими пассажирами?

— Все здесь, — сообщил Халивни, — кроме Доры Блох. Надо немедленно лететь.

Халивни поговорил с пассажирами, в том числе с Узи Давидзоном, который служил с ним вместе в резерве, и вернулся в кабину. Попросил разрешения взлететь. Он видел из кабины прямо перед собой огневые залпы — перестрелка с контрольной башней продолжалась; оставалось надеяться, что пули не угодят в самолет. «Мы сидим, моторы работают, а со всех сторон — трассирующие пули, — рассказывает Халивни. — Что такое самолет? Груда труб, канатов и кабелей — случиться может все что угодно. У меня мелькнула мысль: Господи, помоги Израилю, чтобы в самолет не попало».

Халивни получил от КП разрешение на взлет. Не прошло и тридцати минут с тех пор, как Халивни очутился у старого терминала, — минут, которые показались ему вечностью, когда четвертый самолет покинул землю Африки и отдалился от огневых залпов. Проехал по диагональной полосе к главной, выровнялся на ней и стал набирать скорость в южном направлении. На большой скорости он промчался мимо нового терминала и поднялся в воздух над озером Виктория. Было двадцать три пятьдесят две по израильскому времени. Всего через пятьдесят одну минуту после приземления первого самолета, доставившего отряд спасателей в Энтеббе, заложники были уже на пути к свободе. Халивни быстро повернул на восток, к границе с Кенией. Через короткое время самолет уже был далеко от Уганды и от всякой реальной опасности.

После того как терминал был основательно прочесан и Муки убедился, что там нет никого из заложников, настал этап эвакуации атакующего отряда Части. Одной из обязанностей Шломо было убедиться в том, что никто не остался из группы вторжения, для этой цели ему был выдан поименный список солдат на бристольской бумаге. Стоя на одном из джипов, он громким голосом стал зачитывать имена. Получив ответ, ставил знак против каждого имени. «Йони Нетаниягу!» — выкрикнул Шломо, дойдя до середины списка, и стал ждать ответа.

— Он ранен, — ответил кто-то. — Его взяли в самолет с заложниками.

Только тогда Шломо вспомнил то, что его память отталкивала весь последний час, — как Йони в момент атаки пошатнулся и рухнул на землю. Шломо продолжал читать список.

Чтение имен закончилось, и группа вторжения Части отправилась, без Йони, к месту стоянки трех самолетов на площадке перед новым терминалом. Там они поднялись в первый самолет, которым прибыли в Энтеббе.

До того момента Шани и его экипаж все время сидели в кабине в защитных жилетах и касках. Рядом на площадке перед новым терминалом стояли еще два «геркулеса» эскадрильи, также с экипажами военно-воздушных сил. Все три прибыли туда на первых стадиях акции, хотя и не без почти катастрофических помех по дороге, которые случились с каждым. После приземления и выгрузки вооруженных сил, приближаясь по подъездной полосе к стоянке, Шани вдруг оказался у поворота, которого здесь не ожидал. По плану путеводителя Джепизен подъездная полоса должна вести прямо к стоянке, без каких-либо поворотов. Фонари на взлетно-посадочных полосах уже погасли, и в темноте было трудно различить их расположение. Шани и

Айнштейн слегка задержались, разглядывая в темноте землю у себя под ногами. А Нати, который тем временем уже приземлился и ехал тем же путем за ними, не заметил их остановки. Только увидел вдруг заполнивший стекло кабины силуэт самолета и поспешно нажал на тормоза. Нос его самолета оказался в каких-то метрах от хвоста самолета Шани. Наконец Айнштейну и Шани удалось различить дорогу, и они поехали дальше, до площадки. Нати и Арье, пилот третьего самолета, следовали за ними.

Экипажи самолетов с нетерпением ждали хоть каких-то сведений о результатах акции. Холм с расположенным на нем новым терминалом заслонял от них старый терминал, но из окон кабины можно было видеть, как в отдалении летают трассирующие пули. «У меня было очень тяжелое чувство, — рассказывает Айнштейн, — очень скоро оттуда показалась огромная, никогда мною раньше не виданная масса огня. И я подумал: случилась беда. Не ожидал я такого зрелища, максимум, чего ожидал, — перестрелки… И потому был уверен, что произошла катастрофа». (В сущности, на той стадии главный бой — по захвату старого терминала — уже кончился, и множество трассирующих пуль, которые произвели такое впечатление на летчиков, означали перестрелку с контрольной башней и круговую стрельбу из бронетранспортеров.)

Тем временем заправочное звено готовилось к заправке самолетов. Подсоединили насос к одному из колодцев с горючим, разбросанных на площадке, и через какое-то время объявили, что к заправке все готово. Тут с летучего КП пришло известие, что есть окончательное решение приземлиться в Найроби и там заправить самолеты. Поэтому решено было отказаться от заправки в Энтеббе, в особенности в свете того факта, что заправка четырех самолетов, при наличии одного насоса, продолжалась бы несколько часов.

Со своего места ожидания экипажи трех самолетов «геркулес» наблюдали, как темный силуэт четвертого самолета подымается вместе с заложниками. «Это был высший момент, — говорит Шани. — Потому что стало ясно — операция удалась. Могут, конечно, возникнуть второстепенные проблемы, но мы будем знать, как с ними справиться… Главное, что люди, ради которых мы шли на эту операцию, теперь на свободе»[93].

Рядом с собой летчики заметили чужой «геркулес». Это был самолет Иди Амина. Всего несколько часов назад этот самолет доставил его с Маврикия, где состоялась конференция, посвященная единству африканских стран, и где Амин был встречен с большим почетом, в частности, и секретарем ООН, д-ром Куртом Вальдхаймом. Экипаж решил, что, если какой-нибудь

из их «геркулесов» пострадает, сдай взамен захватят «геркулес» Амина. Даже распределили между собой роли: кто из них завладеет самолетом и поведет его.

Силы круговой обороны Части стали сворачиваться. Шауль организовал эвакуацию: люди короткими пробежками отступают назад, в то время как одна пара бронетранспортеров, подстраховывает другую, используя для прикрытия дымовую завесу. Отступая, Омер разбросал заготовленные в части мины, которые должны были взорваться минут через пятнадцать и помешать угандийцам приблизиться к месту сосредоточения вооруженных сил и самолетов. Но тут пришел приказ Екутиэля Адама Шаулю вернуться на площадку старого терминала и проверить, стоит ли там самолет «Эр Франс», — убедиться, что в нем нет заложников. Судя по подсчету бойцов Голани, число заложников в эвакуационном самолете было меньше ранее указанного числа, и потому оставалось некоторое сомнение — всех ли спасли. Шауль на всякий случай оставил на месте звено Уди и вместе со своим напарником поехал назад, старательно объезжая уже разбросанные мины. Вдруг он заметил с северной стороны фары двух машин, двигающихся в их сторону по старому шоссе из Энтеббе. Фары первой машины стали мигать, сигнализируя (конечно, сидевшие в них люди не имели понятия об источнике шума и суеты на летном поле). Как видно, это была сторожевая рота, расквартированная в Энтеббе. Шауль расположился против них на подъездной полосе; погасил свои фары, подождал, пока машины подъедут ближе, и метров с двухсот открыл по ним огонь. Фары угандийских машин тут же погасли — то ли из-за попадания в них, то ли как реакция на стрельбу, — и машины остановились.

В этот момент опять был открыт огонь с контрольной башни. Оттуда раздалось несколько выстрелов, и Шауль, продвигаясь к самолету «Эр Франс», снова нейтрализовал башню. Приблизившись к французскому самолету, Омер взобрался по внешнему трапу и посветил внутрь через окна. Самолет показался ему совершенно пустым. Дан Шомрон передал Шаулю приказ от Екутиэля Адама не входить в самолет из-за опасения засады и велел после проверки собраться на месте стоянки самолетов «геркулес» у нового терминала.

В двадцать четыре ноль-ноль по израильскому времени в воздух поднялся первый самолет. Во время эвакуации и взлета самолетов летчики получили сообщение, что к югу от нового терминала, на холме, обнаружен джип с пулеметом. Хотя машина и уничтожена, вполне вероятно, что там же находятся и другие

джипы с пулеметами. Ничего конкретного по этому поводу летчики предпринять не могли, оставалось надеяться, что по ним не начнут стрелять. Этот джип с пулеметом был обнаружен во время акции шестью солдатами спецотряда парашютистов. Задачей их было прибыть к новой контрольной башне, захватить ее и оттуда обеспечить безопасность окружающего района. Спустившись из первого самолета и уложив карманные фонарики на земле для обозначения полосы, все шестеро двинулись к холму, на котором стояла башня. На холм пришлось взбираться по крутому откосу с помощью веревки. Оттуда они и заметили пустой джип с пулеметом, в который бросили фосфорную гранату. Башня нового терминала была погружена в темноту и безлюдна.

Третий самолет с бронетранспортерами Уди уже готов был взлететь с главной трассы. А Нати во втором самолете все еще ждал на площадке пару бронетранспортеров Шауля. Он боялся остаться один на аэродроме, не имея возможности спасти людей, если что-то случится с самолетом. Поэтому третий самолет задерживался, дожидаясь, пока и Нати будет готов к вылету. Наконец пара бронетранспортеров Шауля прибыла к новому терминалу и въехала в самолет Нати. Стоя снаружи, Амнон Б. сообщил в последнем рапорте с джипа КП Шомрона, что прерывает связь с самолетом КП. Он сложил антенну джипа, чтобы машина смогла въехать в самолет. Джип Шомрона с последними людьми на нем въехал внутрь.

Теперь, когда все находились внутри, второй самолет покинул стоянку нового терминала и направился к главной взлетной полосе. Снаружи уже было темно, и Нати чуть не въехал в канаву у дорожки. Но ему удалось благополучно добраться до новой полосы и присоединиться к третьему самолету.

Два самолета взлетели один за другим. Было ноль часов сорок минут — прошел час и тридцать девять минут после приземления первого самолета в Энтеббе. Со взлетом последнего самолета все израильские вооруженные силы покинули территорию Уганды.

Тот, кто сейчас смотрел из самолета на землю, мог видеть под собой языки пламени — это горели пораженные «МИГи» — и два ряда карманных фонариков, чьи мигающие огни выдавали наличие погруженного во мрак аэродрома.

В первом самолете, который летел сейчас в Кению, снова сидели солдаты Части и парашютисты. Солдаты знали, что Йони ранен. Но большинство не знало, насколько серьезно его ранение, и никто не знал, что Йони умер.

Сурина положили в центре самолета на носилках, поставленных на двух сиденьях в одном из джипов. Им занимались врач Части и врач парашютистов, стараясь поддержать его дух. Один из врачей рассказал ему об огромном успехе операции и о малом числе пострадавших. Пройдет несколько недель, прежде чем к Сурину вернется речь. Он не мог ответить, но то, что ему говорили, воспринимал, и в сердце его была грусть оттого, что он своим ранением «портит» прекрасную статистику операции.

В самолете было тихо. Как всегда после операций, здесь пока не чувствовалось радости по поводу успешного окончания задания. Наступила лишь разрядка, появилось даже некое ощущение пустоты. Тут и там солдаты переговаривались между собой. Примерно через час самолет приземлился в Найроби. Разговор в самолете несколько оживился, люди припоминали и делились подробностями операции. Приказано было не выходить из самолета, но, когда спустили трап, несколько человек все же вышли и стояли поблизости. Их окружали вооруженные кенийские солдаты. Впервые с тех пор, как часов десять назад они оставили Шарм, Шани заглушил мотор «геркулеса».

Через некоторое время к ним подошли Эхуд Барак и Шай, офицер, воевавший вместе с Йони на Голанских высотах в войну Судного дня. Перед этим они поднимались в самолет с заложниками, приземлившийся раньше, чтобы убедиться в том, о чем слышали перед этим в Найроби, — что Йони погиб. «Я откинул одеяло, — рассказывает Эхуд, — и увидел белое, бледное и удивительно красивое лицо Йони»[94].

Эхуд стоял в первом самолете среди бойцов Части и собирался объявить им о смерти Йони.

«В самолете к этому времени уже велись бесконечные разговоры и пересуды, и каждый начинал со своих приключений и со своих рассказов… — вспоминает один солдат. — Казалось, все идет прекрасно, дело нам удалось. В этот момент кто-то вошел и объявил, что Йони погиб… Что его нет. И тут в один миг как будто выключили весь самолет. Все замолчали. На нас обрушился удар, и каждый замкнулся в себе»[95].

Дани Даган сидел снаружи на колесе самолета и беззвучно плакал.

Амос в тот момент сидел, закрыв глаза и пытаясь уснуть, на переднем сиденье «мерседеса», рядом с местом водителя. Он не знал, что Йони убит. Эхуд, подойдя и увидев его там, спросил:

— Ты знаешь, что сидишь на месте Йони?

— Да, — ответил Амос, не поняв, почему Эхуд спрашивает его об этом.

Эхуд, как видно, заметил удивление в глазах Амоса.

— Он убит, — сообщил он Амосу.

Полковник Матан Вильнаи спустился из своего первого самолета и подошел к четвертому, чтобы взглянуть на людей, ради которых была совершена операция. «Я увидел тело Йони, лежащее в самолете, завернутое в одно из этих ужасных медицинских алюминиевых одеял. Увидел заложников внутри; они были совершенно оглушены — с трудом сохраняли человеческий облик, были в депрессии. И меня поразило чувство — для меня, военного человека, лишенное всякой логики, — что если Йони убит, то все это дело того не стоило…»

Сурина и других раненых перевели в летучий госпиталь, приземлившийся ночью в Найроби. Это был «Боинг-707» военно-воздушных сил, оснащенный всем необходимым, включая операционную. В «Боинг» перевели также несколько женщин и детей из числа заложников, чтобы облегчить им долгий перелет в Израиль. Паско Коэна срочно отправили в операционное отделение больницы в Найроби, но через два часа после операции он скончался. Вместе с ним отправили Ицхака Давида, также прооперировали — его жизнь была спасена.

Остановка в Найроби была короткой. Генерал Екутиэль Адам, самолет КП которого приземлился одновременно с «геркулесом» с заложниками, дал указание не задерживаться и, заправившись, побыстрей возвращаться в Израиль. Самолет с заложниками, первый из приземлившихся «геркулесов», первым и оставил Кению, увозя с собой освобожденных, раненых и тела погибших. Это было в два часа утра по израильскому времени. Вслед за ним взлетели, один за другим, остальные самолеты; каждый летел в Израиль отдельно, не пытаясь соблюдать строй.

Главы армии и государства в Стране — из канцелярии начальника Генштаба в Кирие и из соседней канцелярии Переса, где были установлены средства связи, напряженно следили за развитием событий, питаясь сообщениями, поступающими из самолета КП. Получив сообщение о том, что заложники покинули Энтеббе, а позже — что вооруженные силы уже находятся на территории Кении, все вздохнули с облегчением. Большой риск, сопутствующий операции, от успеха которой зависели судьбы не только заложников и солдат, но также и личная судьба многих из присутствующих в комнате, был оправдан. В полночь начальник Генштаба позвонил Пересу и доложил ему, что операция прошла успешно. Присутствующие перешли из канцелярии Переса в соседнюю канцелярию начальника Генштаба. Было также получено сообщение о том, что Йони ранен. «Мне сказали: слышал? Йони ранен, — рассказывает Янош. — Я знал, что в

части есть еще один Йони, и сказал: да, но это не Йони большой, это, наверное, Йони маленький. Я был уверен, что это не Йони. Все бегали очень обеспокоенные, потрясенные… А я почему-то был уверен, что это не тот Йони, и все время твердил: это Йони маленький, это не Йони — Йони».

К моменту вылета из Кении никаких сведений об убитых среди наших бойцов еще не поступало. «Когда окончилась операция и последний самолет поднялся из Найроби, — рассказывает Рахель, секретарша начальника Генштаба, — радость была неимоверная. Шофер начальника Генштаба принес откуда-то бутылки шампанского, и все радовались, а потом разошлись. Стало тихо, Мота остался один в кабинете вместе с Хаги Регевом, своим начальником канцелярии. Я пошла на кухню приготовить кофе. Вдруг вошли девочки, бросились ко мне и сказали: Йони убит. Тут уж не было сомнений, о каком Йони идет речь. Я все кинула и пошла в кабинет начальника Генштаба. Открыла дверь комнаты, из которой вышла две минуты назад, когда в ней царили радость и счастье от успеха операции, да еще без потерь. А сейчас открыла дверь и увидела начальника Генштаба, сидящего с опавшим лицом, в ужасном горе. А Хаги — тот вообще головы не поднимал. В одну минуту исчезла с повестки дня вся радость… Словно бы все прочее перестало быть важным, потому что виделось теперь по-другому». Это Эхуд позвонил начальнику Генштаба по телефону из Найроби.

С этой новостью начальник Генштаба пошел в комнату, куда Шимон Перес удалился, чтобы отдохнуть. «Он встал, чтобы открыть мне дверь, — рассказывает Гур, — и, когда услышал весть, был потрясен. По-настоящему потрясен. Во-первых, это было полной неожиданностью, поскольку все радовались успеху и не знали о смерти Йони. Во-вторых я увидел, что он воспринял это как большое личное горе. Не так, как министр обороны воспринимает весть о гибели одного из офицеров. Я не понял почему».

А Перес в своем дневнике записал о той ночи вот что: «В четыре утра ко мне в канцелярию зашел Мота Гур, и я почувствовал что он сильно взволнован. „Шимон, Йони нет в живых. Пуля попала ему в сердце. Очевидно, со старой контрольной башни. Расколола его сердце“.

В первый раз за эту безумную неделю, — продолжает Перес, — я не могу остановить слез».

Ави был в это время в Части. Днем, после очень важной запланированной встречи, он находился на разведывательной базе и оттуда следил за ходом операции до часа ночи. Получив

сообщение о том, что все самолеты вылетели из Энтеббе, Ави покинул разведывательную базу и поехал назад в Часть на машине Йони. Вместо того чтобы спать у себя в комнате, он предпочел отправиться на ночлег в кабинет, чтобы быть ближе к телефону. В четыре утра его разбудил телефонный звонок. Человек на другом конце провода сообщил ему, что Йони тяжело ранен и состояние его неясно. Через несколько минут этот человек снова позвонил, и Ави услышал от него, что Йони скончался.

Ави был потрясен. Он вышел из кабинета. Снаружи стояли предрассветные сумерки и полная тишина. Ави пересек площадку с флагштоком и дошел до телефонной станции. Там всю ночь сидели секретарши Части, не в состоянии пойти спать. Они знали, что Ави только что говорил по телефону.

— Что случилось? — спросили, увидев его лицо.

Услышав, что Йони убит, они разрыдались.

Вместо того чтобы ехать в Лод, как они с Йони планировали заранее, Ави остался в Части и позаботился об отправке на аэродром машин, чтобы забрать оттуда бойцов, которые приземлятся на самолетах «геркулес».

«Было грустно. Факт, что Йони не вернулся, превращал операцию — не хочу сказать, в поражение, но во что-то такое, что очень трудно назвать и успехом, и поражением, — говорит Ави. — Хотя цель была достигнута, хотя потери ожидались, никому не приходило в голову, что достижение цели может сопровождаться гибелью Йони. Для меня это было невыносимо. Конечно, жизнь каждого дорога, но совсем иное чувство испытываешь, когда командир Части, тот, кто вел отряд, — именно он убит».

Обратный полет в Израиль продолжался много часов. В четвертом самолете по-прежнему сидели на своих местах заложники; они почти не двигались, не вставали, не выходили в туалет. В передней части самолета лежали тела мертвых, и этот факт явно усиливал и без того подавленное состояние освобожденных. Не проходил и шок от случившегося с ними. Через несколько часов полета одна из заложниц подняла руку. Д-р Снэ подошел к ней. Она вытащила из-под себя что-то, на чем до сих пор сидела, и Снэ увидел, что она протягивает ему подсумок с мини-гранатами — нечто вроде «бандолеро» из гранат, которое оборачивают вокруг тела. Снэ подумал, что ремень соскользнул, наверно, с носилок Йони, когда их переносили в переднюю часть самолета. Некоторые карманы для гранат были открыты, чтобы без задержки извлечь из них содержимое. Ни один из карманов не

был пустым.

Мишель Бакос сидел впереди, в кабине летчика, приглашенный туда Халивни. Он не чувствовал радости от своего освобождения, думая об увиденных им убитых.

Из отдельных слов, которыми Халивни обменялся с заложниками, он понял, что они высоко ценят Бакоса, и во время полета поблагодарил француза за его отношение и отношение всего экипажа к заложникам-евреям.

— Не понимаю, за что вы меня благодарите, — ответил Бакос. — Заботиться о пассажирах — моя работа. За это не следует никакой благодарности.

В первом самолете летели солдаты отряда атакующих сил Части и парашютисты. Кто-то уснул, другие сидели тихо, погруженные в свои мысли, некоторые время от времени обменивались фразами — в основном о подробностях акции, а были и такие, кто давал выход своей радости от успеха операции и от того, что они летят назад, домой, не пострадав физически. Доктор Давид сидел один, с лицом, исполненным печали оттого, что увидел, от смерти, которой не смог помешать, несмотря на все свои усилия. Ни на минуту не ощущал он покоя от того, что все позади, а опять и опять возвращался мысленно к своим действиям по оказанию помощи раненым. Сделал ли он все возможное? — спрашивал себя Давид.

Во время полета, чтобы скоротать время, летчики включили радио и, к своему удивлению, поймали по «Галей ЦАХАЛ» сообщение о вторжении в Энтеббе. Велико было их возмущение, ведь им, совершенно беззащитным перед любым, кто захочет их сбить, еще предстояло пересечь границу между Египтом и Саудовской Аравией. Позже, услышав по радио заявление Иди Амина о том, что он снова захватил аэродром Энтеббе, летчики и солдаты разразились веселым смехом.

К утру перед ними возникли израильские «фантомы», явившиеся сопровождать их на оставшемся пути. Для людей эскадрильи это было дивное зрелище. Для них операция закончилась в этот момент.

Только оказавшись в воздушном пространстве Израиля, заложники стали как-то приходить в себя, проявлять первые признаки радости. В девять сорок три утра самолет приземлился на базе военно-воздушных сил в Тель-Нофе. Доктор Эран спустился с самолета, держа в руках портупею Йони, которую позаботился еще в Энтеббе сунуть за носилки, на которых лежало его тело. Он искал кого-нибудь из Части, кому бы мог передать портупею, и, увидев офицера, который должен был заменить

Йони в его должности, отдал портупею ему. Позже, придя в Часть, офицер вытащит оттуда помятую пулю «Калашникова» из очереди, попавшей в Йони.

С заложниками провели инструктаж, на котором их попросили не рассказывать журналистам ничего о том, как их освободили. Потом все вернулись назад в «геркулес» и полетели в Лод, на устроенную там многолюдную встречу. Спускавшихся по трапу заложников встретили, размахивая флагами, с пением и плясками, их со всех сторон окружили фотографы и журналисты. Халивни ждал в самолете вместе с экипажем, пока заложники и с ними фотографы немного отдалятся. Когда те ушли, спустился и он. Снаружи пилот встретил Игаля Алона, бывшего в то время министром иностранных дел Израиля.

«Солнце сияет, акация цветет…» — начал Халивни и вместо того, чтобы закончить цитату из «Сказания о погроме» Бялика: «А убийца убивает», поднял руку и сказал: «А флаг Израиля вздымается ввысь».

Услышав это, Алон разрыдался.

Тем временем остальные самолеты приземлились в Тель-Нофе. Выйдя из кабины, Шани прошел к расположенному в хвосте самолета выходу. «Мы были более или менее теми же, какими шли на операцию. Первый, кто поднялся в момент приземления в самолет, был Рабин. Первый, к кому Рабин обратился, был я. Первый вопрос, который он задал, был: „Где Йони?“ На лице — потрясение. Он хотел видеть тело».

Солдаты части спустились с самолета. Когда вышел Муки, к нему обратился Перес: «Как случилось, что Йони убили?»

«Он шел первым и первым погиб», — кратко ответил Муки[96].

Снаружи был большой шум, и Дани Даган сказал Амицуру: «Давай смоемся отсюда. Возьмем „мерседес“ и смоемся». Амицур вел «мерседес», в котором сгрудились другие бойцы Части. Приехав на базу, Амицур поставил «мерседес» на стоянку и выключил мотор. Позже, при неоднократных попытках завести машину, мотор не включался.

Выйдя из машины, Дани увидел бригадного генерала Авраама Арнана, ожидавшего их в Части. Авраам хотел узнать у Дани, как случилось, что Йони погиб. Дани рассказал ему то немногое, что знал, — как получил в Энтеббе сообщение от Шауля, что у Йони «ранение средней тяжести», а через короткое время он уже был мертвым в самолете. (Шауль получил от д-ра Давида во время операции сообщение, что состояние Йони очень тяжелое, но до Дани оно дошло в измененном виде.) «Одно не

соответствует другому», — сказал Дани. В этот как раз момент появился и д-р Давид, пройдя мимо них с опавшим лицом. Авраам и Дани подошли к санчасти, где доктор разгружал свой рюкзак и расставлял медицинское оборудование по местам. Авраам — он никак не мог примириться с фактом смерти Йони, которого очень любил, — стал добиваться у Давида, все ли возможное тот сделал для спасения жизни Йони, не ошибся ли в чем-то. Давид с мрачным видом объяснил ему, что никогда не посылал сообщения, будто у Йони «ранение средней тяжести», как раз наоборот, он сразу понял, что положение критическое, и предпринял, по своему разумению, все необходимое. Авраам прекратил расспросы. Смерть Йони — за которого он воевал, чтобы тот получил командование Частью, и которого видел, как он говорил, своим преемником — была свершившимся фактом.

«Авраам сделал, — сказал как-то Йони, — нечто из ряда вон выходящее. Задумать и создать новую часть, такую, какой вообще не было, создать нечто из ничего, несмотря на огромные трудности, — с этим мало что сравнится». Авраам с тяжелым сердцем вышел из санчасти. Он прошел по дорожкам базы, пересек место, которое навсегда осталось ему дорого, — несколько лет назад он выбрал его, чтобы основать там Часть. Вечером генерал поедет в Иерусалим и встретится со мной. От меня отправится в дом наших родителей, чтобы там заночевать. Год назад Йони предложил ему пожить в пустом доме, ожидавшем возвращения наших родителей в Страну, и он действительно туда перебрался — на улицу Порцим, названную так в честь захватившего ее во время Войны за независимость батальона, в котором Авраам служил семнадцатилетним юнцом. Теперь, в свои сорок шесть лет, Авраам знал, что дни его сочтены: из-за неизлечимой болезни жизнь его подходит к концу.

Чувства солдат и офицеров были противоречивы. Удовлетворение от огромного успеха и от того факта, что они невредимыми вернулись домой, смешалось с горем от потери командира Части, который вел их в Энтеббе. Событие было еще слишком свежо в памяти, более глубокие размышления на этот счет к большинству придут позже, спустя дни и даже годы после происшедшего.

«Приехав в Часть, я не испытал никакой радости… Мы в Части были совсем оторваны от „фестиваля“, устроенного сразу же, и потом, от всей рекламной шумихи… Главным моим, да и других чувством была тоска»[97].

В одной из комнат административного здания собрались люди из руководства, они видели через открытую дверь, как

спускаются с бронетранспортеров вернувшиеся из Энтеббе солдаты. Некоторые из них, естественно, были полны радости. В этот момент в комнату вошел офицер из отдела кадров и сообщил своим людям: «Командира нет». Кто там был, лишился дара речи, в их числе Ави Р. — тот самый техник, починивший в пятницу в «мерседесе» основание генератора. Как многие другие из административного отдела, он знал Йони много лет.

«Йони меня очень любил, а за что — не знаю, — рассказывает Ави. В период, когда Йони был заместителем командира части, зашел я как-то вечером, проработав допоздна, в столовую. Шальная компания водителей, находившаяся тогда в части, сидела там вокруг стола, я сел за другой стол позади них. Там же в столовой за офицерским столом сидел Йони. Больше никого в столовой не было. Я поужинал, а эти водители стали бросать мне в тарелку маслины. „Хватит, ребята, прошу вас“, — сказал я им. Бесполезно. Я снова предупредил их и сказал: „Еще раз, и я метну в вас тарелку“. Они опять бросили маслины, и тогда я схватил тарелку со всем содержимым и швырнул ее в них. В результате она упала на пол и разбилась.

Я вышел на улицу. Через несколько минут вышел и Йони. Он сказал мне: „Пойдем, Ави, я хочу с тобой поговорить“, — и отвел меня в сторону. „Так себя не ведут, Ави, — сказал он, — тарелками бросаться не следует“. Он говорил очень спокойно, так не выговаривают, а воспитывают. Йони все делал… по-человечески. „Иди на склад, распишись на бланке тысяча шестьдесят пять“. Я пошел на склад, и там, конечно, надо мной посмеялись: „Тысяча шестьдесят пять за тарелку? Иди, иди“».

Сейчас, чувствуя, как сердце его разрывается от скорби, Ави смотрел в окно и не мог понять ликования, которое охватило некоторых вернувшихся из Энтеббе солдат. Для него это было непостижимо. В комнате стояла тишина. Работники управления — водители, повара, механики — склонили головы. В этот момент мимо дверей комнаты проходил офицер, и то, что он бросил им на ходу, резко усилило боль в сердце Ави.

«Это что еще за траур? — крикнул он им, увидев, как они стоят там, понурив головы. — Подумаешь, одним евреем стало меньше…» И пошел себе дальше.

Это был тот самый офицер, плохо говоривший о Йони, когда я год назад приезжал в Часть на церемонию смены командиров.

К вечеру, когда кончились все дела, а офицеры и солдаты собрались домой, новый командир Части передал Амицуру полный гранат подсумок Йони. Одна-две гранаты были пробиты пулями из очереди, попавшей в Йони в Энтеббе, и нужно было их взорвать. Амицур взял с собой подрывную шашку и отошел

подальше от построек Части в открытое поле. Стоявшая накануне поблизости брезентовая модель старого терминала, куда на ученье «ворвались» солдаты под руководством Йони, была уже разобрана. Летнее предзакатное израильское солнце бросало неяркий свет на окружающие строения, на зелень, на асфальт. Амицур вырыл небольшую ямку в жесткой земле и положил туда подсумок, а на него шашку. Отошел от ямы, протянул за собой фитиль. Затем остановился на безопасном расстоянии от заряда и стал на одно колено.

Когда сработал детонатор, шашка взорвалась, подняв небольшое облако. С ней вместе взорвалась с грохотом связка гранат, которая еще прошлой ночью, во время атаки в Энтеббе, была у тела Йони.

Послесловие

Мы сидим в самолете «Эйр Кения», летящем в полдень на запад над озером Виктория, к аэродрому Энтеббе. Внизу под собой различаю множество небольших островов, которые тринадцать лет назад в ночной темноте нельзя было увидеть изнутри «геркулесов». Большинство островов необитаемы, покрыты тропической зеленью. Только на некоторых из них можно обнаружить круглые соломенные хижины, разбросанные на большом расстоянии друг от друга вдоль берега или на лесных полянах.

Африка.

Я отвожу глаза от окна, и все тот же стародавний вопрос снова пробуждается в сердце — почему я не поехал в Часть в ту неделю, в начале которой мне позвонили и сказали быть наготове? Может, и в самом деле я попал бы в один из «геркулесов»? Бесполезные мысли: окажись я в Части, Йони все равно не взял бы меня. К тому же я усмехнулся, когда мне сообщили по телефону новость. А, опять болтовня, мелькнуло тогда в голове.

Биби сидит в левой части самолета, немного впереди, а Ноа, его одиннадцатилетняя дочь, с другой стороны прохода, параллельно со мной. Каждый погружен в свои мысли. Скоро — через несколько минут — посадка, и я прилипаю к окну справа, каждую минуту ожидая увидеть аэродром. «Вот он!» — кричит вдруг Биби, и я спешу на его сторону и сажусь сзади. Самолет кружит над городком Энтеббе, но снижается не с юга на север, как снижались «геркулесы» и, как я ожидал, будем садиться мы, а в противоположном направлении, с севера на юг. Вот он — новый терминал на продолговатом холме, а вон, немного восточнее, старый терминал, под городком. Хотя мне это известно, но на минуту поражает близость домов городка к старому терминалу. Мы узнаем местность почти автоматически, вне связи с охватившим нас волнением. Прямая посадочная полоса к нам все ближе. Слева от нас — диагональная полоса, ведущая к военной базе. Все там на месте, как было тринадцать лет назад.

Самолет касается полосы, и старый терминал исчезает из моих глаз. Здание нового терминала и рядом с ним, на зеленом склоне, большие белые буквы: ENTEBBE мелькают мимо нас. Вот самолет замедляет бег, поворачивает назад и едет на север, по подъездной полосе. Мимо склона, на который затруднялись влезть солдаты из парашютной части. Теперь мне понятно, почему именно там, по Дороге к новой контрольной башне, им

пришлось взбираться на крутой склон — башня построена на самом высоком месте этой части аэродрома. Наконец самолет останавливается на стоянке, рядом с колодцами с горючим.

Мы спускаемся по трапу. Биби прибыл сюда как гость нового президента Уганды, но встречающих внизу не видно. Подойдя к огромному входу в зал для прибывающих, обращаю внимание Биби на угандийского солдата в пятнистой форме, держащего в поднятых руках белый лист бумаги. На листе большими буквами написано от руки: YONI. Так нас принимают.

Солдат ведет нас в маленькую комнату, на одной из стен которой красуется большой портрет президента в военной форме. За несколько минут пребывания в Уганде это третий или четвертый его портрет, так что не приходится сомневаться в природе царящего здесь режима. Мы долго ждем в душной конторе, чтобы помощник президента пришел сюда нас вызволить. Пока два надзирающих за нами солдата на минуту отлучились, Биби успел взять со стола лист бумаги, с которым нас встретили.

Приходит помощник президента, после угощения нас ведут в зал для приема важных персон. Имя «Йони» знакомо здесь, в Уганде, всем — отвечает помощник на наш вопрос относительно имени, написанного на листе, и я не знаю, понимать ли его слова буквально. Я смотрю через окно и говорю Биби: «Вон лестница Сурина…» Хочу выйти сфотографировать ее, но воздерживаюсь — момент для этого неподходящий. Сделаю это потом, говорю я себе, не зная, что назавтра, когда я попрошу об этом, мне откажут. Сопровождающие нас угандийцы видят, куда направлены наши взгляды: «Да, здесь, на этих ступенях, был ранен ваш солдат», — бросают они. Тринадцать лет прошло с тех пор, а такой факт им известен. Они отмечают это как бы между прочим — еще одна деталь среди многих. Что ж, неудивительно. Ведь Сурин — чужой им, откуда им знать о его ужасных страданиях, о том, сколь прекрасен этот человек?

Я сижу в открытой палатке, где президент принимает своих гостей. Зеленый склон с цветами смотрит сверху на озеро Виктория. С одной стороны сидит помощник президента, симпатичный и интеллигентный малый, свободно говорящий по-английски, с другой — Ноа и я. Биби — во дворце, расположенном на вершине холма, занят пространной беседой с президентом. Наступают сумерки, и я пытаюсь мысленно переварить то, что увидел за считанные часы, прошедшие с момента нашего прибытия, и главное — посещение старого терминала: пытаюсь воссоздать, беседуя с помощником

президента и попивая чай, свежие картины, увиденные мною: оставшийся полуразрушенным терминал с выбитыми стеклами и треснувшим потолком, грязь и запустение повсюду, изрешеченные пулями стены. Трудно сказать, какие из этих пуль — наши, а какие остались от боев, которые происходили в этой стране за прошедшие с операции «Йонатан» годы. От низкой кирпичной ограды, за которой положили Йони после ранения, не осталось и следа.

«Не представлял себе, что такое большое это здание, — заметил Биби. Мы стояли на улице и рассматривали терминал. — Чтобы за считанные минуты овладеть таким зданием, с отдаленными помещениями, тридцать солдат это очень мало», — добавил он.

«Вот это место», — сказал я Биби, показывая предполагаемую точку, где был ранен Йони. Биби не ответил, только опустил взгляд, словно хотел запечатлеть в памяти рисунок асфальта. Я попросил его остаться там, на месте, где был ранен Йони, а сам постоял в большом зале, возле второго выхода.

Да, очередь отсюда могла легко попасть в него.

Но, поднявшись на контрольную башню и отметив, что у стрелка, стоявшего там, был полный контроль над площадкой, мы сказали друг другу: «А может, и в самом деле в него попало отсюда?» Хотя нет, такое невозможно, ведь сразившая Йони пуля была направлена спереди.

«Как это может быть, что вы не верите в Иисуса, в его вознесение на небо?» — спросил вдруг меня помощник президента. Я поставил чашку с чаем на поднос. Красное заходящее солнце придавало окружающей нас красоте особый оттенок. Беседа перешла на Израиль и тамошние археологические находки, но мои мысли только частично были заняты ею. «Вы, которые живете на земле, где Иисус ходил, дышал и умер, — именно вы в него не верите?»

Как ему объяснить, что такое еврейский народ? — спрашиваю я себя. Нет никакой возможности. Здесь, в Африке, как в любом другом месте в мире, мы — загадка, всем чужие; то, что и здесь я слышу личные имена, взятые из языка нашего прошлого, не меняет дела. Сионизм — непостижимое еврейское явление, с которым имя «Уганда» связано почти с самого начала, чисто случайно нашел свое концентрированное выражение в акции, состоявшейся именно в этой стране.

Операция «Йонатан» получила здесь широчайшую известность, превратилась в своего рода аттракцион. По пути в аэропорт сопровождавшие нас пытались рассказать нам об

Энтеббе, о ходе операции, словно мы были обычными туристами. В их «мерседесе», по дороге к старому терминалу, мне пришлось подсказать сопровождавшим, как проехать с площадки нового терминала на взлетно-посадочные полосы: как-никак я специалист по снимкам.

«Вы знаете эту историю?» — с симпатией спросил нас минуты через две один из сопровождавших, сидевший впереди в «мерседесе». В этот момент машина свернула влево с диагональной полосы. «Мы поедем отсюда, — добавил он, везя нас на восток, прямо к старой контрольной башне, — но израильтяне появились оттуда, с юга». Бесполезно было объяснять ему, что они ехали тем же путем, каким едет он. Вот так всегда — верят тому, что рассказано сначала, независимо от реальных фактов.

Вместе с нами на вокзал прибыл угандийский летчик, бывший во время операции в армии Иди Амина. «Что означает, когда часовой подымает ружье и целится в тебя?» — спросили мы его и стоявшего рядом помощника президента.

— Стой, стрелять буду, — ответили оба в один голос.

«Вы знаете, русские были очень недовольны нами после вашего нападения», — рассказал по этому случаю летчик, — их посол нас сердито спросил: «Зачем было держать заложников на аэродроме? Их надо было отправить в Кампалу!»

Мы летим назад в Кению в единственном пассажирском самолете Уганды. Как по дороге туда, так и обратно каждый погружен в себя. Я думаю о красивой стране, которую только что покинул, в какой она разрухе — и по причине заброшенности, разумеется, но в основном из-за злых дел. Зло человеческое в самом деле непрестанно подымает голову, и наш народ, как никто другой, чувствует это на себе. Противодействовать злу так важно, так нужно! И акция спасения в Энтеббе — это акция гуманизма и справедливости, направленная против враждебного, тупого, губительного мира. «В каком безумном мире мы живем?!» — взывал Йони на бумаге, когда писал о Биафре, о проявленных тогда миром бездействии и безразличии. Но здесь, в Энтеббе, было совершено активное действие, и Йони, как всегда, а, может, на этот раз и больше, чем всегда, отстаивал цель своей жизни, не ограничиваясь узкопрофессиональной сферой. Я думаю о том, почему в последний период своей жизни Йони так часто предавался грусти. Несомненно, грусть эта была связана с происходившим в Части и с тем, что он видел вокруг себя за пределами Части. Вероятно, такова судьба всякого подобного ему человека, ибо столкновение исключительной личности с

окружающей средой, с тем, что противостоит, противоречит ей в человеческом обществе, неизбежно.

Мои мысли несутся к последней минуте его жизни. Понимал ли он, что операция вот-вот завершится полным успехом, что евреи-заложники будут спасены? Успел ли убедиться в своей правоте, ведь он сказал о своих бойцах: в момент боя они поймут, что происходит, и поведут себя как следует — так оно и случилось. А может, увидел, что дело осложняется, и подумал, что возможен провал? Потому что, конечно же, успел увидеть за секунду до ранения, что звено, которому положено ворваться внутрь через первую дверь большого зала, не делает этого, а пробегает мимо; и тут, возможно, повернулся на миг — реакция на этот сбой — и за эту секунду получил пулю террориста? Но конечно, заметил он и то, что Амир и Амнон бегут прямо ко второму входу в зал. Понял ли, что через две-три секунды они будут внутри?

На эти мучительные вопросы у меня никогда не будет ответа. Если бы его ранило хотя бы спустя десять секунд, когда уже уничтожили всех террористов в зале, где были заложники, когда дело всей его молодой жизни достигло высшего воплощения! Но случилось иначе.

Единственное, что утешает, когда думаешь о мгновении его смерти, это факт, что угнетенное состояние, мучившее Йони последние месяцы жизни, будто смыло мощной волной при подготовке к операции, возглавляя которую Йони получил возможность во всей полноте проявить свое величие лидера и бойца.

«Я видел, как Йони поднимает эту операцию обеими руками, — сказал мне кто-то из Части. — И видеть потом, после его смерти, как…», — его голос задрожал, и он не кончил фразы.

Я грустно улыбаюсь, когда кто-то говорит: в Энтеббе Йони достиг своего предела. Кто больше меня знает, чего бы еще он смог достичь и совершить? Подвиг в Энтеббе — это лишь один пример того, на что способен был Йони, а вовсе не его предел.

И если есть еще одно утешение в его смерти — оно в сфере идеи, которая тоже является неким компонентом в смягчении боли. Ты спрашиваешь себя: что запомнится из всего этого? И не можешь ответить, но тут вспоминаешь слова чернокожего американского вождя Баярда Рестина при посещении Израиля. «Я убежден, — сказал Рестин, — что и через много лет, возможно даже лет через тысячу, когда людям случится быть в растерянности, в испуге, потерять человеческий образ, почувствовав, что не осталось ничего, кроме смерти и разрушения, — один из них вспомнит рассказ о подвиге Йонатана

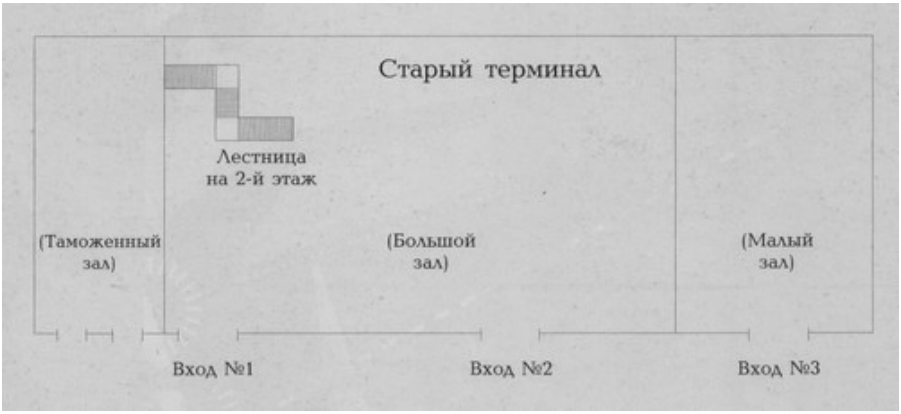
в Энтеббе. И этот рассказ ободрит тех отчаявшихся людей, и в ту минуту начнется их освобождение».

Немногие народы способны вырастить таких людей, как Йони, размышляю я сейчас, когда Уганда уже позади и самолет готовится к посадке в Найроби. Такого, как Иди Амин, — да, каждый народ производит их в изобилии. Но подобных Йони — нет. Лишь немногие народы и лишь некоторые из народа. И среди всех народов мира нет такого народа, по крайней мере в нашем поколении, кто бы совершил то, что мы совершили в Энтеббе. Я говорю: «мы», потому что это операция всего народа — правительства, которое вышло из народа и им выбрано и осмелилось принять решение; Армии обороны Израиля — подлинно народной армии, которая собрала в единый кулак свои лучшие силы для нанесения удара; это операция иерусалимского парня Амира и ему подобных; для спасения попавших в западню невинных людей он без колебаний бросился на стрелявшего немца и убил его.

Я думаю об операции «Йонатан» и о еврейском народе, который своим духом, своими делами питает этот мир уже тысячи лет, и я знаю — силы и возможности этого народа неиссякаемы.

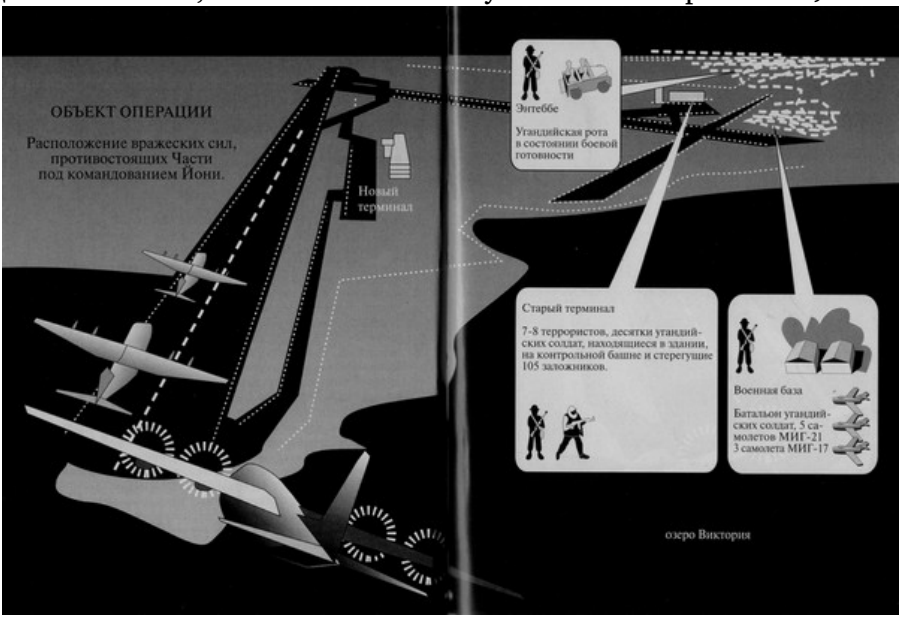
Иерусалим, 1991

Иллюстрации



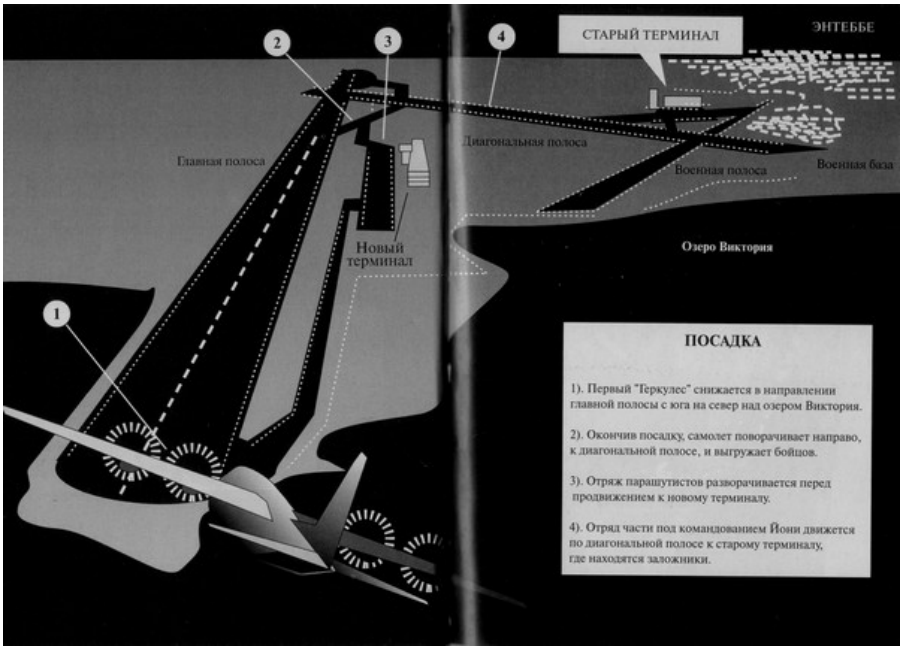
Схематическое изображение старого терминала, аналогичное тому, которое служило Части во время подготовки к операции.

(В действительности здание отличалось рядом важных деталей. Слова, взятые в скобки отсутствовали в оригинале)



ОБЪЕКТ ОПЕРАЦИИ

Расположение вражеских сил, противостоящих Части под командованием Йони.


2
3
4
СТАРЫЙ ТЕРМИНАЛ
ЭНТЕББЕ
Главная полоса
Диагональная полоса
Военная полоса
Военная база
Новый терминал
Озеро Виктория
1
ПОСАДКА
1). Первый "Геркулес" снижается в направлении главной полосы с юга на север над озером Виктория.
2). Окончив посадку, самолет поворачивает направо, к диагональной полосе, и выгружает бойцов.
3). Отряж парашутистов разворачивается перед продвижением к новому терминалу.
4). Отряд части под командованием Йони движется по диагональной полосе к старому терминалу, где находятся заложники.

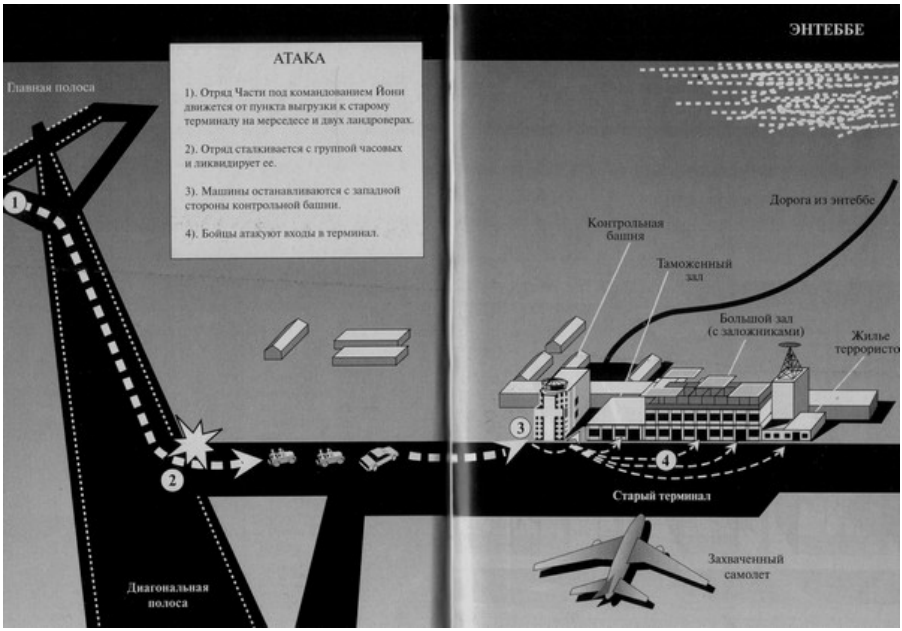
ПОСАДКА

1) Первый «Геркулес» снижается в направлении главной полосы с юга на север над озером Виктория.

2) Окончив посадку, самолет поворачивает направо, к диагональной полосе, и выгружает бойцов.

3) Отряд парашютистов разворачивается перед продвижением к новому терминалу.

4) Отряд части под командованием Йони движется по диагональной полосе к старому терминалу, где находятся заложники.


АТАКА
1). Отряд Части под командованием Йони движется от пункта выгрузки к старому терминалу на мерседесе и двух лендроверах.
2). Отряд сталкивается с группой часовых и ликвидирует ее.
3). Машины останавливаются с западной стороны контрольной башни.
4). Бойцы атакуют входы в терминал.
Главная полоса
Диагональная полоса
ЭНТЕББЕ
Дорога из энтеббе
Контрольная башня
Таможенный зал
Большой зал (с заложниками)
Старый терминал
Захваченный самолет

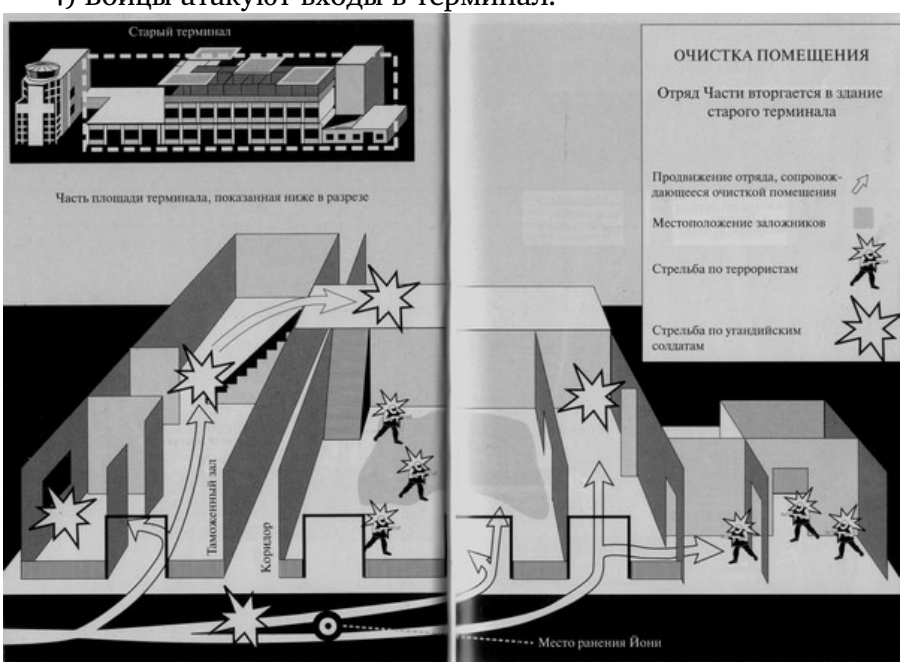
АТАКА

1) Отряд Части под командованием Йони движется от пункта выгрузки к старому терминалу на мерседесе и двух лендроверах.

2) Отряд сталкивается с группой часовых и ликвидирует ее.

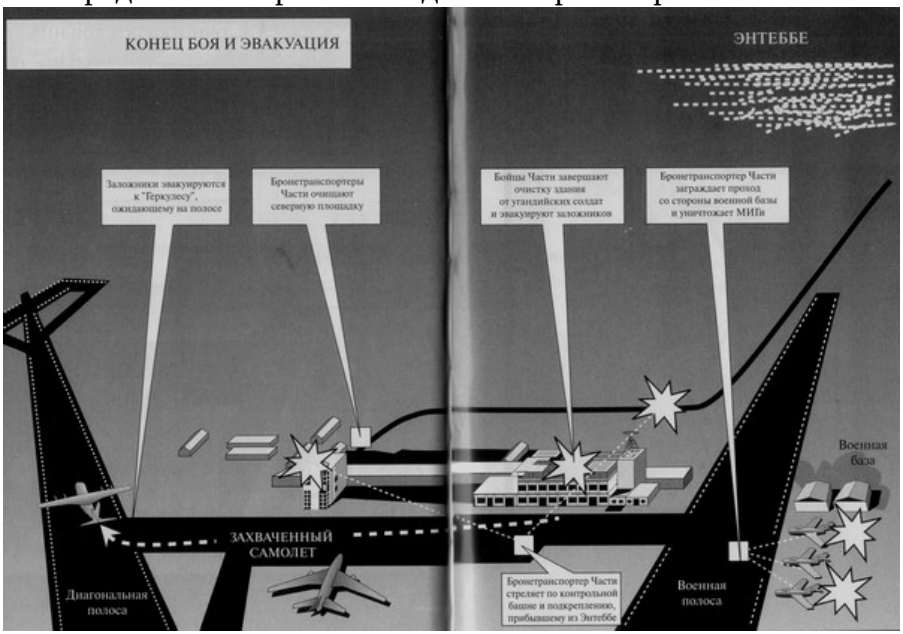
3) Машины останавливаются с западной стороны контрольной башни.

4) Бойцы атакуют входы в терминал.

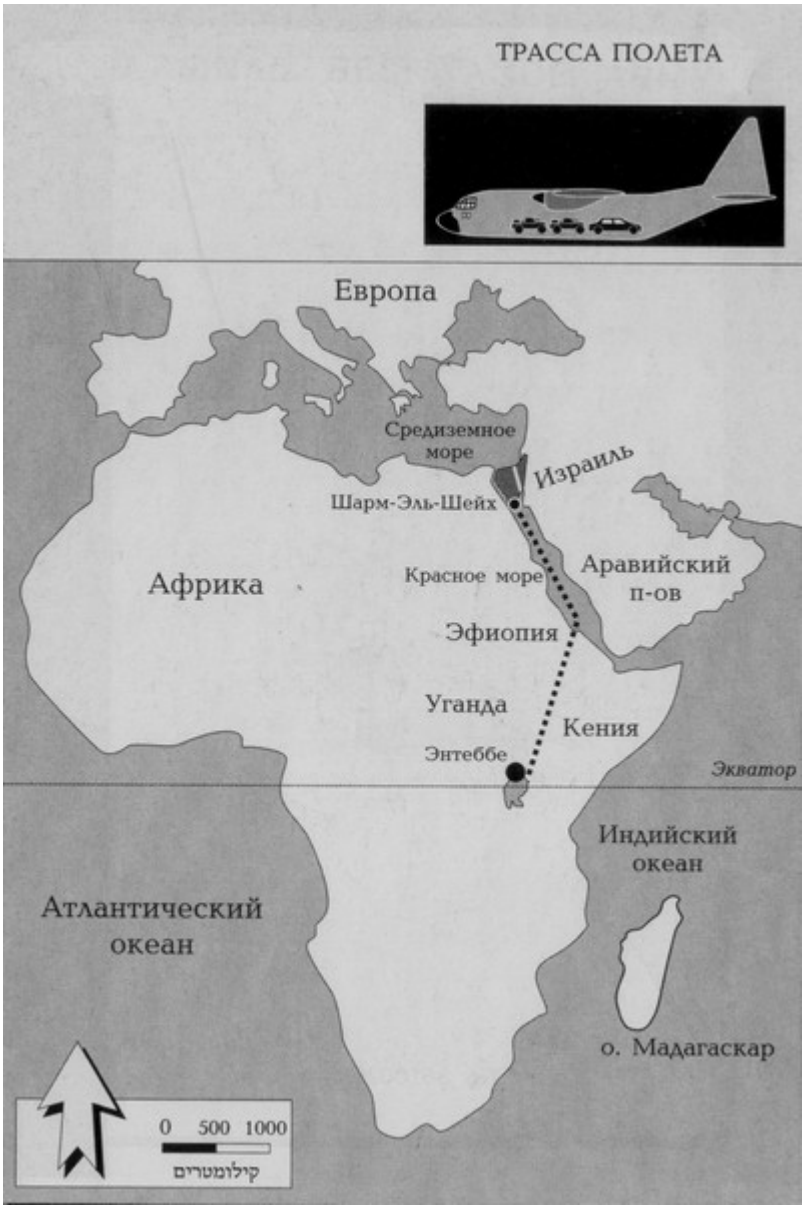


ОЧИСТКА ПОМЕЩЕНИЯ

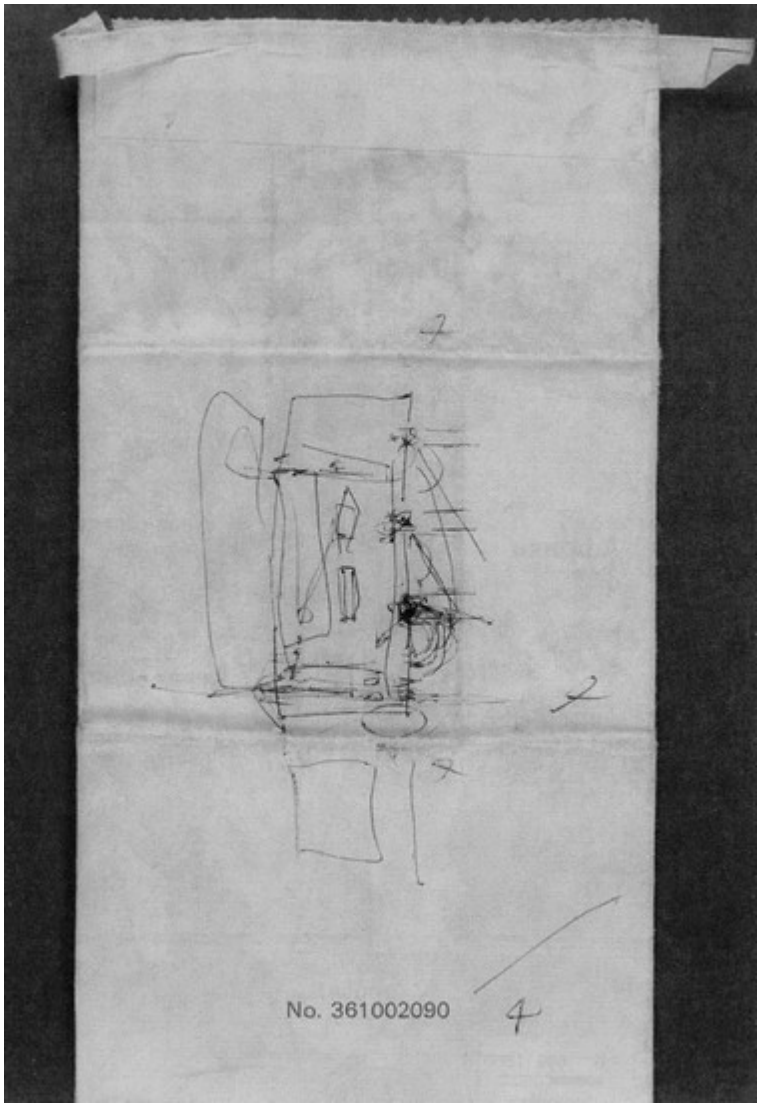
Отряд Части вторгается в здание старого терминала


КОНЕЦ БОЯ И ЭВАКУАЦИЯ
ЭНТЕББЕ
Заложники эвакуируются к "Геркулесу", ожидающему на полосе
Бронетранспортеры Части очищают северную площадку
Бойцы Части завершают очистку здания от угандийских солдат и эвакуируют заложников
Бронетранспортер Части заграждает проход со стороны военной базы и уничтожает МИГи
Военная база
ЗАХВАЧЕННЫЙ САМОЛЕТ
Диагональная полоса
Бронетранспортер Части стреляет по контрольной башне и подкреплению, прибывшему из Энтеббе
Военная полоса

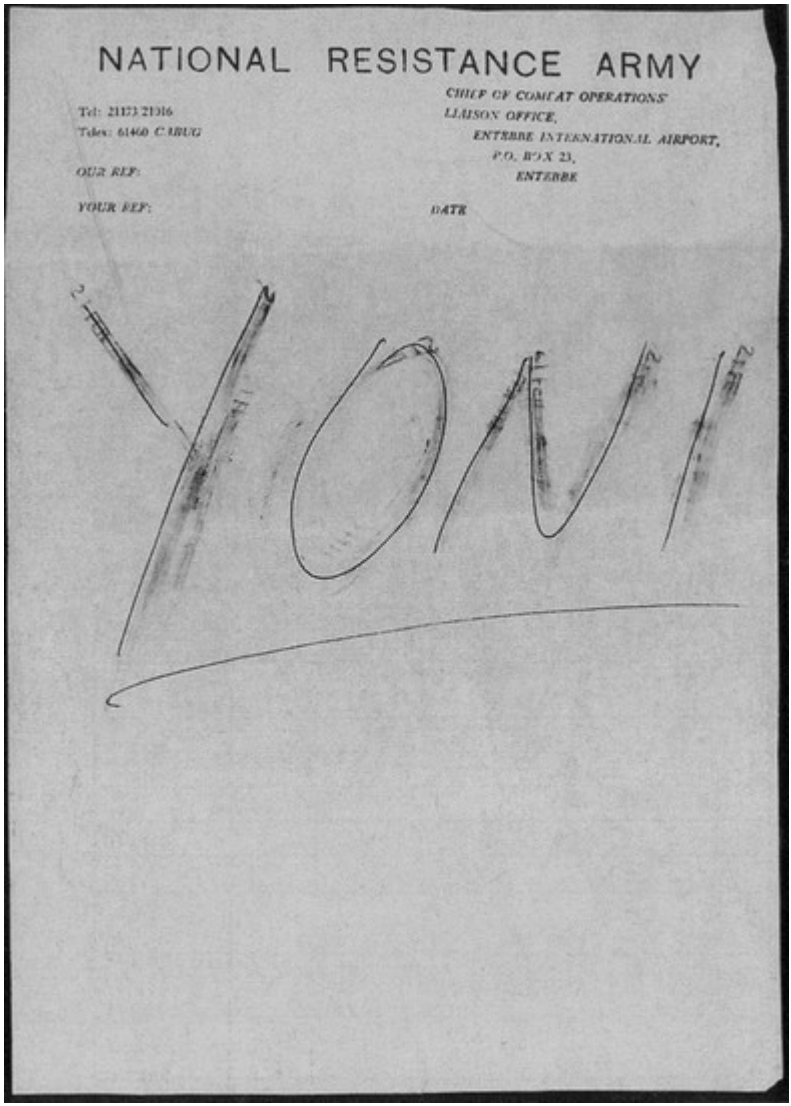
КОНЕЦ БОЯ И ЭВАКУАЦИЯ


ТРАССА ПОЛЕТА
Европа
Средиземное море
Израиль
Шарм-Эль-Шейх
Африка
Красное море
Аравийский п-ов
Эфиопия
Уганда
Кения
Энтеббе
Экватор
Индийский океан
Атлантический океан
о. Мадагаскар
0 500 1000
קילומטרים

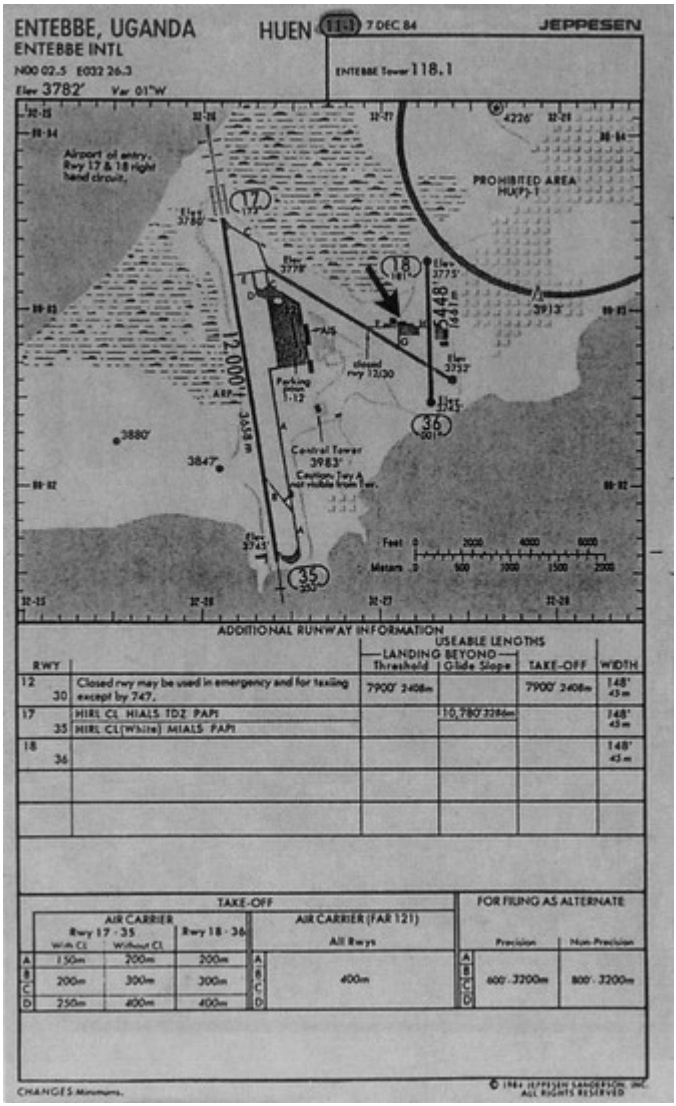
ТРАССА ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИИ ПОЛЕТА
Адис-Абеба
Судан
Эфиопия
оз. Рудольф
Уганда
Кения
Энтеббе
Кисомо
оз. Виктория
Найроби



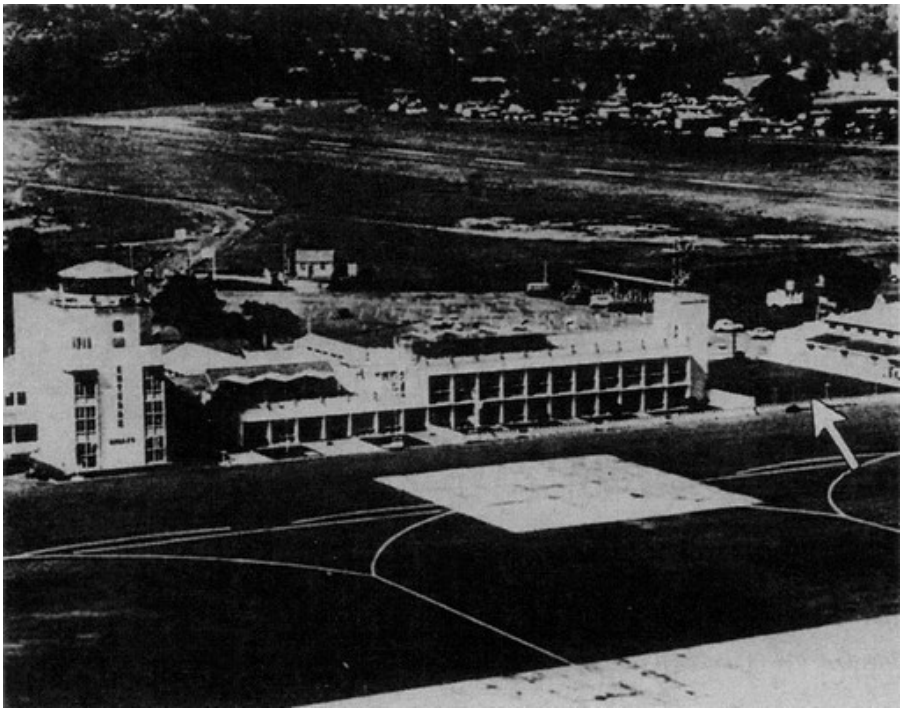
Гигиенический пакет, на котором во время перелета в Энтеббе Йони набросал для Амоса план старого терминала и схему предстоящей атаки. Контрольная башня обозначена маленьким квадратом внизу, само здание терминала — прямоугольником. Внутри здания указаны залы и входы в них. Овал около угла терминала указывает место, намеченное для остановки машин



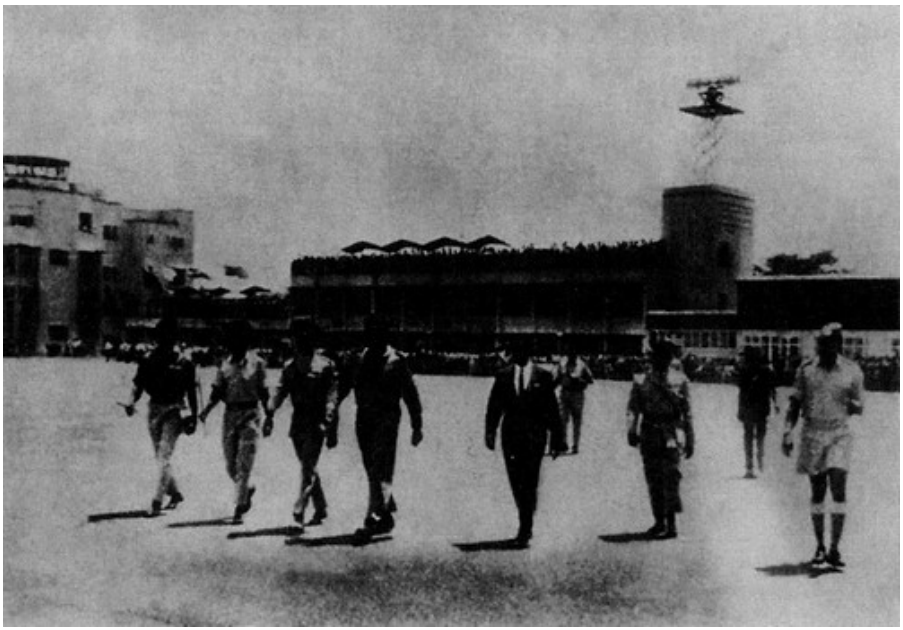
«Плакат», с которым встретили в Энтеббе автора, прибывшего в Уганду вместе с братом и племянницей в 1988 г.



Страница из путеводителя для гражданских летчиков. Использовалась при подготовке операции. Озеро Виктория — в нижней части чертежа. Самая длинная полоса (в направлении северо-северо-запада) служила для посадки «геркулесов». Старый терминал помечен маленьким квадратом (см. стрелку). Новый терминал обозначен аббревиатурой AIS и маленькой стрелкой



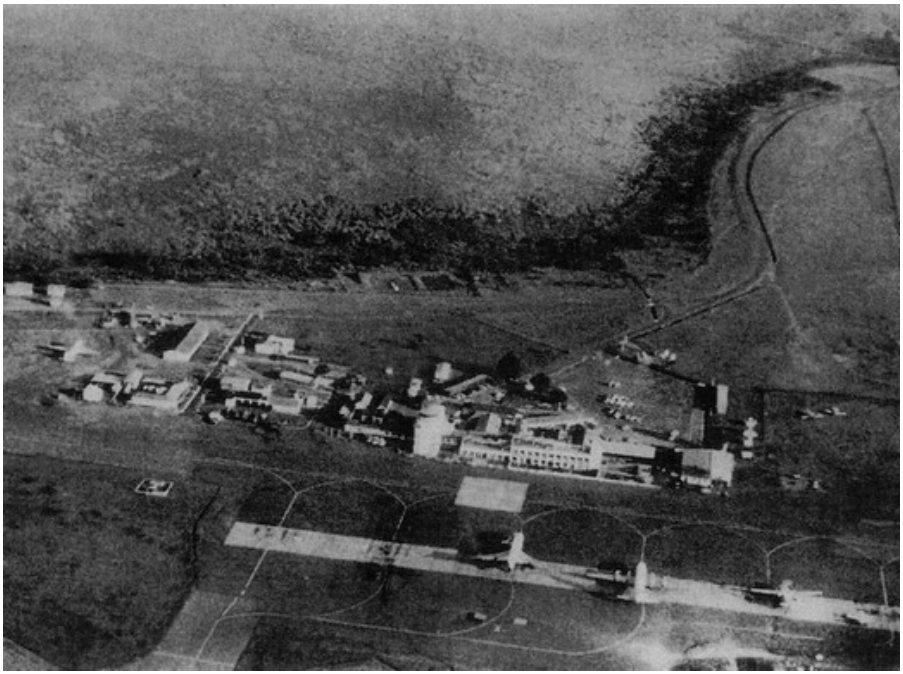
Здание старого терминала и контрольная башня (слева), вид с воздуха. На этом старом снимке, использовавшемся при подготовке операции, видна пустая площадка, где будет находиться жилье террористов. На заднем плане — городок Энтеббе



Старый снимок фасада здания терминала, возможно находившийся в руках Части при подготовке операции. С правой

стороны — пристройка, служившая жильем террористам

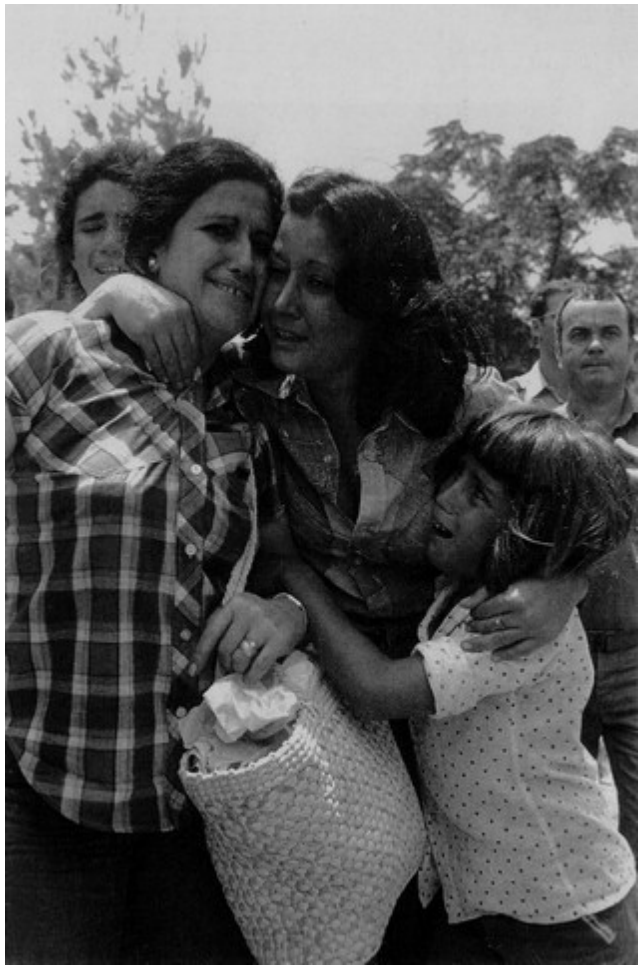
Вид старого терминала со стороны фасада. Снимок сделан в то время, когда терминал еще обслуживал аэродром. Закрытые проходы ведут ко входам в залы терминала. На заднем плане — угандийская военная база. МИГи, взорванные бойцами Части во время операции, стояли там, где на снимке видны самолеты

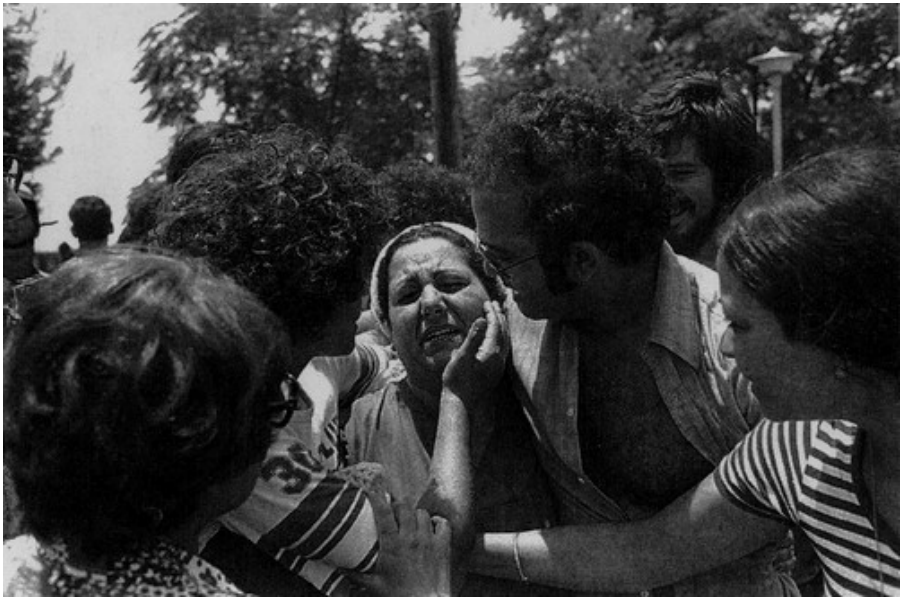


Старый терминал (вид с воздуха). Съемка производилась в то время, когда он еще функционировал. Снимок использовался бойцами Части при подготовке операции. По полосе слева (рядом со зданиями) Йони со своим отрядом двигался к зданию. терминала после стычки с угандийскими часовыми

Младший сержант Сурин Хершко из отряда парашютистов. За несколько недель до акции на гусеничном миномете, среди своих подчиненных

Снимок фасада старого терминала, сделанный автором во время посещения Энтеббе. Деревья на заднем плане справа находятся в городке Энтеббе





Писатель и врач Идо Нетаниягу посвятил эту книгу последним дням – и последнему бою – своего брата, легендарного Йонатана Нетаниягу, героя операции «Энтеббе» по освобождению израильских заложников, захваченных террористами.

Автор много лет записывал воспоминания очевидцев, собирал документы и статьи, стремясь к максимально точной и подробной реконструкции событий этой операции, которая длилась несколько минут и вошла в историю как одна из наиболее блистательных антитеррористических акций.

notes

Примечания

1

Так называли «Сайерет Маткаль» — отряд спецназа при Генеральном штабе, выполнявший особо трудные и ответственные задания, служившие там люди. Об одном из таких заданий и рассказано в книге. (*Здесь и далее прим. перев.*)

2

«Радиоволны Армии обороны Израиля».

3

Одна из бригад пехоты.

4

Управление по делам разведки и специальным операциям.

5

Трещина в кости ноги от перенапряжения при длительной ходьбе с тяжелой выкладкой случается у молодых солдат.

6

Кирият-хамемшала (правительственный городок) — квартал в Тель-Авиве, где находятся правительственные здания, в том числе Министерство обороны, о котором идет речь в тексте.

.

Скорее всего, автор имел в виду комплекс «Кирия», в котором расположены Министерство обороны и Генштаб, слово Кирия в дальнейшем исправлено в соответствии с правилами склонения; имя начальника канцелярии произносится Хаггай (*прим. верстальщика*).

7

За исключением особо оговоренных случаев, отсылки делаются к личным беседам, проведенным с разными лицами до или в процессе написания книги.

1. *а*) Генерал Бени Пелед.

б) Небеса — вовсе не предел (*иврит*). Тель-Авив: Сифрият Маарив, 1990, с. 534.

8

2. *а*) Перес, Шимон: Главы из дневника (иврит) (опубликовано в «Едиот ахоронот», 9.6.90 — 6.7.90).

б) Небеса — вовсе не предел…, с. 534.

9

См. рисунок.

3. Бен-Порат, Ешаягу, Хабер, Эйтан, Шиф, Зеэв: Полет 139 (*иврит*). Тель-Авив: Змора-Битан-Модан, 1976, с. 170.

11

В российской исторической науке принято испанское название — бухта Кочинос.

12

4. *а*) Подполковник Хаим.
б) Подполковник Шай.

13

5. В Энтеббе и обратно (*иврит*), «Галей ЦАХАЛ», июнь 1979.

6. Перес, Шимон: Главы из дневника (*иврит*) (газетный вариант).

15

Разные версии — принятое для подобной ситуации выражение происходит от названия японского фильма Акиро Куросавы (1950) — по русской транскрипции «Расёмон», — в котором одно и то же событие по-разному освещается действующими лицами.

16

Выдержки из писем Йони приводятся по книге: Письма Йони / Собраны и подготовлены к печати Беньямином и Идо Нетаниягу. Иерусалим — Москва: Гешарим, 2001. Пер. с иврита М. Улановской.

17

7. В Энтеббе и обратно…

8. Рабин, Ицхак: Военная книжка (*иврит*). Тель-Авив: Сифрият Маарив, 1979, с. 126.

19

9. В Энтеббе и обратно…

20

10. Майор Идо.

21

11. Основные данные о ходе совещания взяты из кн.: Перес, Шимон: Главы из дневника (*иврит*) (газетная версия) и из бесед с майором Идо и генералом Бени Пеледом.

22

12. Майор Идо.

23

13. *а*) Перес, Шимон: Главы из дневника (*иврит*) (газетная версия).

б) Перес, Шимон: Дневник Энтеббе (*иврит*). Тель-Авив: Эйданим, с. 79.

24

14. Перес, Шимон: Главы из дневника…

15. Полет 139, с. 215.

16. Там же.

27

17. Ави.

18. Там же.

29

19. Амнон.

30

20. Ави.

31

См. рисунок.

32

См. чертеж.

21. Там же.

22. Там же.

35

См. иллюстрации.

23. Специальная передача, посвященная памяти подполковника Йонатана Нетаниягу, «Галей ЦАХАЛ», авг. 1976.

24. Майор Идо.

38

25. Ави.

39

Текст примечания отсутствует в книге (*прим. верстальщика*).

40

1. Шломо.

2. Амир.

42

3. Ави.

43

4. Амнон.

5. Слова Гура и Переса взяты из кн.: Перес, Шимон: Дневник Энтеббе, с. 96.

6. Рабин, Ицхак: Военная книжка, с. 528–529.

7. Ави.

8. Омер.

9. Шломо.

10. Илан.

11. *а*) Ави.
б) Тамир.

51

12. Амир.

52

13. Омер.

14. Израиль.

15. В Энтеббе и обратно, «Галей ЦАХАЛ», 1979.

55

Военный аэродром в Тель-Авиве.

16. Алекс.

17. Ави.

18. Муки.

19. Шауль.

20. Время пришло (*иврит*), май 1986, израильское телевидение, управление радио- и телепередач.

61

1. Описания боя с сирийскими коммандос, сделанные Шаем и Муки Бецером, взяты из «Специальной передачи..».

Гидеон Авидав и Барух Цукерман.

2. Боаз.

3. Высказывания солдат парашютных войск, служивших в отделении, которым Йони командовал в 890-м батальоне, взяты из беседы с ними, проведенной корреспондентом «Галей ЦАХАЛ» Дани Весли, редактором «Специальной передачи…».

4. Шай.

5. Специальная передача…

6. Йехезкель Клейнер.

68

1. Гиора.

69

Совещание, на котором старшие офицеры получают последние распоряжения перед операцией.

2. Перес, Шимон: Дневник Энтеббе.

3. Шломо.

4. Эяль.

5. Шломо.

Перевод Алоны Рахмиэль-Волковыской.

75

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.

(Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака. М.: Госполитиздат. 1960. С. 71)

76

1. Возможное количество пострадавших, которое назвал начальник Генштаба, взято из кн.: Полет 139, с. 291.

2. Шломо.

3. Амицур.

4. Подполковник Хаим.

80

В Биафре.

5. Письма Йони (*иврит*). Тель-Авив: Сифрият Маарив, 1977.

6. В Энтеббе и обратно…

7. *а*) Личная беседа.
б) В Энтеббе и обратно…

8. *а*) Амнон, со слов захваченных,

б) Часть сообщений об остановке… из статьи в «Маариве» от 19.7.91.

9. Амос.

10. *а*) Тамир, из беседы, состоявшейся с корреспондентом «Галей ЦАХАЛ» Дани Весли в связи со «Специальной передачей…». Тамир сказал: «…Муки и Йони были фактически первыми. Муки чем-то, отвлекся, и тогда Йони прошел вперед. Я был за ним…»

б) Ифтах (оперативный отчет).

в) Амос.

г) Гиора.

11. Арнон, обобщая сказанное на разборе операции подразделении.

12. Ифтах (оперативный отчет).

13. Шауль.

14. *а*) Амос.
б) Д-р Давид,
в) Пинхас.
г) Тамир (Специальная передача…)

91

15. Д-р Давид (Специальная передача…)

16. Илан.

17. В Энтеббе и обратно…

18. Время пришло, май 1986…

19. Шломо.

20. Перес, Шимон: Дневник Энтеббе (*иврит*)…

21. Амос.